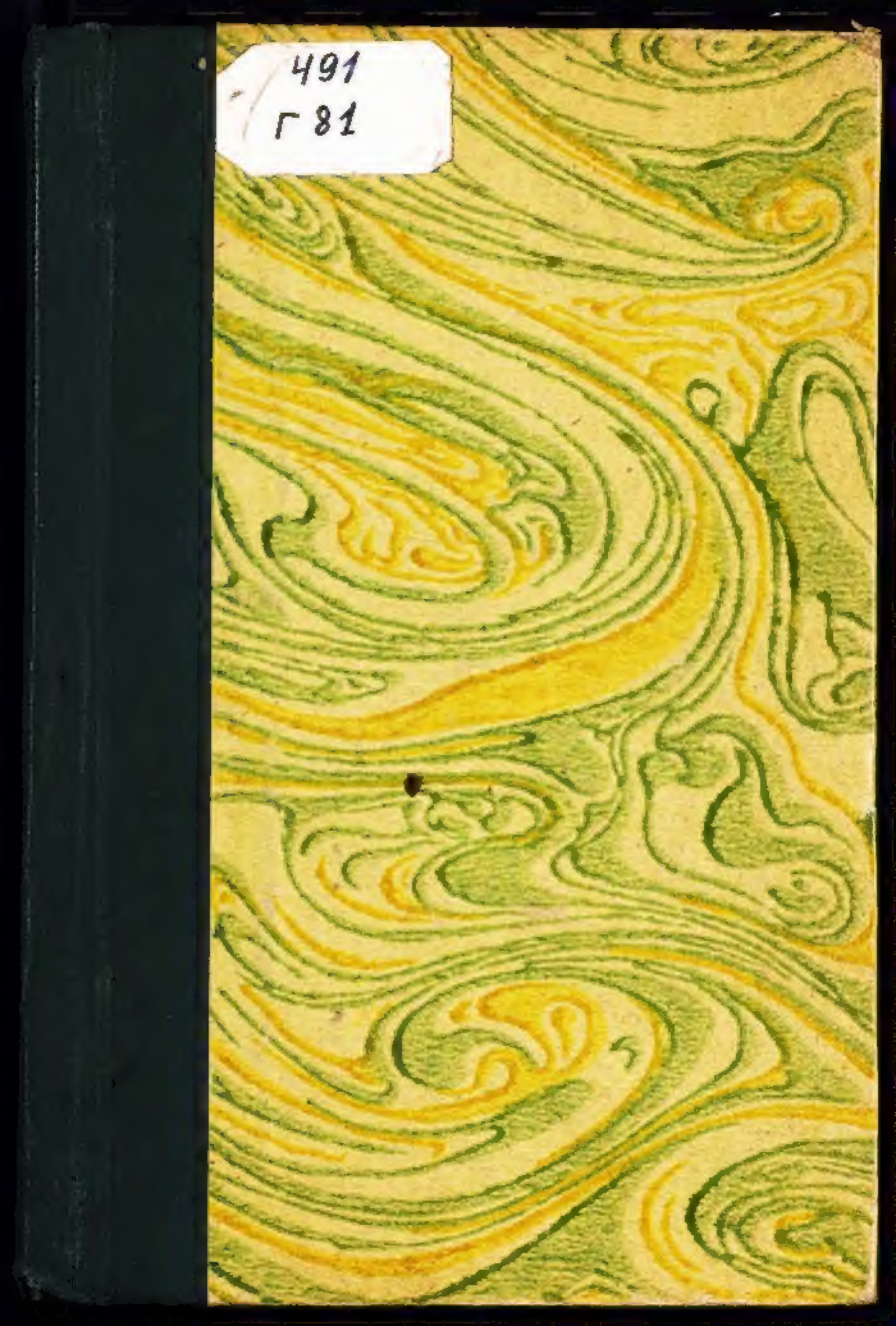
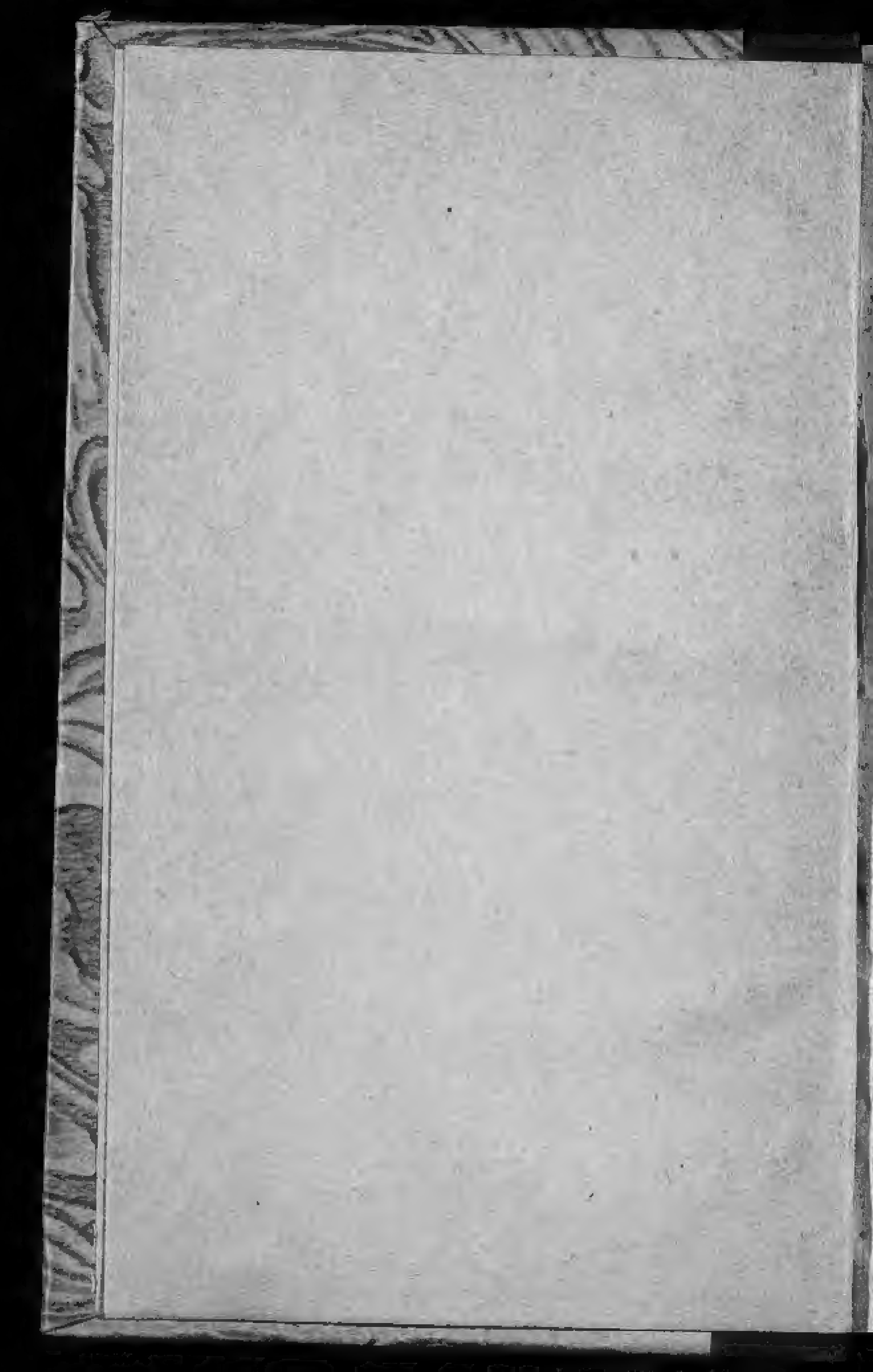

491
Г 81

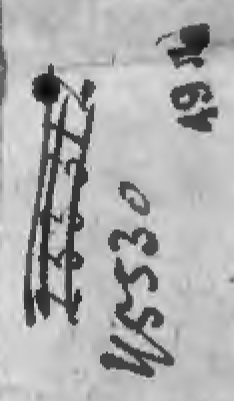

ЧТЕНІЯ

О

РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ,

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 15 Марта 1840 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Въ типографіи Н. Греча.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

Михаилу Александровичу

ДОНДУКОВУ - КОРСАКОВУ,

приношеніе высокопочтенія и благодарности
Автора.

По приглашенію и по просьбѣ почтенныхъ любителей Русской Словесности, предпринялъ я, въ продолженіе истекшей зимы, *Чтенія о Русскомъ Языкѣ.* Нѣкоторые изъ моихъ слушателей, пропустивъ по обстоятельствамъ нѣсколько бесѣдъ, изъявили желаніе прочитать недослышанное. Съ удовольствіемъ исполняю это требованіе изданіемъ въ свѣтъ моихъ Чтеній совершенно въ томъ видѣ, какъ они были произнесены, и пользуюсь симъ случаемъ для нѣкоторыхъ объясненій.

Признаюсь откровенно, что успѣхъ моихъ Чтеній далеко превзошелъ мои надежды и ожиданія. Я полагалъ, что буду имѣть человѣкъ пятьдесятъ слушателей, которыхъ число уменьшится мало по малу, и растаетъ въ мартѣ съ зимнимъ снѣгомъ. Вышло напротивъ: желающихъ пользоваться моими Чтеніями оказалось гораздо болѣе, и число ихъ безпрерывно возрастало. Предѣлъ имъ положило пространство залы. Въ числѣ слу-

шателей моихъ имѣлъ я счастіе видѣть и первыхъ сановниковъ государственныхъ; и знаменитыхъ ученыхъ, и славныхъ литераторовъ, и скромныхъ любителей словесности, и умныхъ, просвѣщенныхъ женщинъ. Многіе посѣтители не пропустили ни одной бесѣды, съ первой до послѣдней, и между ними такіе, у которыхъ мнѣ, а не имъ у меня, надлежало бы учиться. Я не приписываю этого успѣха самому себѣ, а вижу въ немъ только свидѣтельство, что предметъ, мною избранный, былъ по вкусу и требованію просвѣщенной публики, и что напрасно обвиняютъ нашихъ соотечественниковъ и соотечественницъ въ равнодушіи къ Русской Словесности. Счастливымъ себя считаю, что способствовалъ къ оправданію ихъ, и открылъ новый путь для распространенія полезныхъ знаній, которымъ пойдутъ люди, болѣе меня достойные и способные въ этомъ дѣлѣ.

Ободренный и осчастливленный такимъ лестнымъ вниманіемъ, я счелъ обязанностію прислушиваться къ желаніямъ и требованіямъ моей аудиторіи, и исполнять ихъ по возможности. Если бъ я преподавалъ какую либо отдѣльную науку, по предварительной программѣ, то былъ бы обязанъ слѣдовать предположенному плану во всей строгости, но здѣсь, изъ множества предметовъ,

входящихъ въ кругъ словесности, могъ я выбирать то, чего, какъ мнѣ казалось, требовали мои слушатели. Первыя три Чтенія, въ которыхъ излагались общія свойства и исторія Русскаго Языка, приняты были съ единогласнымъ одобреніемъ. Но при четвертомъ, которое посвящено было исключительно изложенію механическаго состава языка, свойства буквъ и соединенія ихъ въ слоги и слова, возникло разногласіе. Одна часть слушателей одобряла этотъ выборъ, и хотѣла видѣть продолженіе. Другая, бо́льшая числомъ, требовала чего нибудь позанимательнѣе, чего нибудь похожаго на первыя три Чтенія. Желая согласить различныя мнѣнія, и удовлетворить требованіямъ обѣихъ сторонъ, я, съ пятаго Чтенія, началъ раздѣлять свои уроки на двѣ части: въ первой говорилъ о грамматическихъ качествахъ языка; въ послѣдней излагалъ свойство и исторію какой либо особой отрасли нашей литературы. Это раздѣленіе было одобрено слушателями, но оно нанесло чувствительный и неизбѣжный вредъ полнотѣ и единству моихъ Чтеній. Я не могъ уже излагать законовъ грамматическихъ со всѣми доводами и выводами, и ограниченный половиною времени, назначеннаго въ началѣ, долженъ былъ довольствоваться исчисленіемъ однихъ результа-

товъ и правилъ, не сопровождая ихъ надлежащими поясненіями и приложеніями. По этой причинѣ, не могъ я пройти всей Грамматики, и заключилъ курсъ свой Синтаксисомъ. Часть собственно литературная также не могла быть развита въ надлежащей полнотѣ и подробности: нѣкоторые отдѣлы ея изложены слегка, другіе и вовсе пропущены.

Вотъ исторія составленія моихъ Чтеній, и показаніе главнѣйшихъ причинъ ихъ несовершенства и недостаточности. Нѣкоторые почтенные слушатели были недовольны тѣмъ, что я *читалъ* мои *Чтенія:* имъ было бы пріятнѣе слушать свободное, неприготовленное изложеніе. И мнѣ это было бы легче и привольнѣе, было бы блистательнѣе и дѣйствительнѣе, но важная причина удерживала меня отъ произнесенія рѣчей ненаписанныхъ. Нѣкоторыя особы, крѣпкія на ухо и легкія на догадки, изволили толковать мои слова по-своему, благоволили приписывать мнѣ отзывы и мнѣнія, которыя никогда не были произнесены мною. Читая по тетрадкѣ, я могъ оправдываться, и нѣсколько разъ былъ къ тому принуждаемъ, но какъ было бы мнѣ возможно открыть и доказать истину, если бъ я говорилъ наизусть, безъ приготовленія, не по писанному?

Въ заключеніе долгомъ поставляю засвидѣтельствовать искреннее мое благодареніе особамъ, удостоившимъ мои Чтенія своимъ ободрительнымъ присутствіемъ, и особенно тѣмъ благороднымъ ревнителямъ Русской Словесности, которые способствовали мнѣ въ осуществленіи моего предпріятія. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія первый почтилъ мое предпріятіе благосклоннымъ одобреніемъ: поощрялъ меня къ продолженію и какъ мужъ государственный, рачитель образованія общественнаго, и какъ ученый и литераторъ, ревнующій къ успѣхамъ отечественной словесности. Г. Попечитель Санктпетербургскаго Учебнаго Округа, съ невыразимымъ и неоцѣненнымъ для меня участіемъ, споспѣшествовалъ къ исполненію моего намѣренія. Первыя шесть Чтеній происходили, по благосклонному распоряженію Его Сіятельства, въ залѣ Второй Санктпетербургской Гимназіи. Открывшаяся въ половинѣ января въ сей гимназіи заразительная болѣзнь, заставила прекратить въ ней стеченіе многочисленной публики. Я обратился съ просьбою объ отведеніи мнѣ мѣста, для продолженія моихъ Чтеній, въ Императорское Вольное Экономическое Общество. Почтенный Президентъ онаго и всѣ Гг. Члены,

съ благороднымъ радушіемъ, открыли мнѣ свою великолѣпную залу.

Такое общее, единодушное споспѣшествованіе моимъ трудамъ возложило на меня обязанность соотвѣтствовать ему искреннимъ усердіемъ въ исполненіи обязанности, добровольно мною на себя возложенной, и вотъ одно, чѣмъ я, по совѣсти, могу похвалиться.

Николай Бруни

С. Петербургъ,
30 Марта 1840.

ЧТЕНІЯ

О

РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ.

(1-го Декабря.)

Милостивые Государи!

Насъ собрала здѣсь страсть, общая всѣмъ дѣтямъ неизмѣримой Россіи: любовь къ прекрасному, родному, милому намъ Русскому Языку. Довѣряя опытности, пріобрѣтенной мною въ занятіи симъ важнымъ дѣломъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, вы пожаловали на бесѣду со мною о томъ, что занимаетъ всякаго мыслящаго человѣка, еще болѣе любителя словесности, что не чуждо изысканіямъ и умозрѣніямъ философа. Постараюсь соотвѣтствовать лестнымъ для меня ожида-

ніямъ нашимъ, и если не вполнѣ достигну своей цѣли, то утѣшусь мыслію, что стремился къ ней усердно и добросовѣстно. Счастливъ буду, если бесѣдами моими успѣю обратить вниманіе ваше на дальнѣйшее, подробнѣйшее изслѣдованіе предлежащаго намъ дѣла, если представлю вамъ предметъ нашего разсмотрѣнія съ новой стороны. Не могу льститься надеждою, что совершенно исполню свое предположеніе, не надѣюсь достигнуть этого и вполовину: доволенъ буду, если вы дадите мнѣ свидѣтельство, что я счастливо обработалъ и изложилъ двадцатую долю. Пусть девятнадцать человѣкъ, одушевленныхъ равнымъ моему рвеніемъ, посвятятъ свои труды и время остальнымъ долямъ: возникнетъ зданіе, которое возвѣститъ потомкамъ нашимъ, что мы понимали всю важность своего призванія.

Самое присутствіе ваше на сихъ бесѣдахъ свидѣтельствуетъ уже, что вы видите и цѣните всю важность предмета нашихъ изслѣдованій, языка отечественнаго. Не думаю, чтобъ нашлись люди, которые почли бы изученіе и изслѣдованіе языка дѣломъ неважнымъ или занятіемъ дѣтскимъ, недостойнымъ человѣка, возмужалаго лѣтами и образованностію. Впрочемъ мнѣнія различны: нѣкоторые полагаютъ, что языкоученіе, именно грамматика, есть предметъ занятій дѣтскаго возраста, и не можетъ съ пользою занимать никого, кромѣ учащихся въ школахъ и ихъ учителей. Это неосновательно. Важнѣйшіе предметы человѣческихъ познаній, труднѣйшіе вопросы жизни и науки

предлагаются намъ во младенчествѣ. На первой страницѣ Руководства къ Ариѳметикѣ для приходскихъ училищъ, находимъ толкованіе нуля, а онъ не былъ извѣстенъ ни Архимеду, ни Эвклиду. Первый вопросъ Сокращеннаго Катихизиса: что есть Богъ? составляетъ предметъ изысканій человѣчества съ самаго его рожденія, и никогда самимъ человѣчествомъ, безъ пособія свыше, рѣшенъ не будетъ. То же находимъ и въ отношеніи къ языку. Не предметъ нашихъ ученій и изслѣдованій измѣняется по мѣрѣ возрастанія лѣтъ нашихъ и укрѣпленія умственныхъ силъ, а способъ нашего воззрѣнія на этотъ предметъ. Вообще можно принять три степени воззрѣнія на предметы, подлежащіе нашему наблюденію и изученію *. Первая степень есть *наглядность*, взглядъ на предметъ съ внѣшней его стороны, познаніе просто чувственное, безотчетное, инстинктивное. На этой степени вѣримъ мы на слово и чувствамъ своимъ, и преданію отцевъ. Вторая степень есть *стройность*, порядокъ, послѣдовательность въ нашемъ ученіи. На этой степени стоитъ преподаваніе въ училищахъ среднихъ, предуготовительныхъ къ вышнимъ: обозначены предѣлы предмета, показано происхожденіе, изложены главныя качества; части его приведены въ стройный, согласный между собою порядокъ, объяснены и устранены обманы чувствъ; повѣрены и очищены преданія старины. Этого довольно для практической

* Окенъ.

нашей жизни, для вседневнаго обихода. Но наука тѣмъ не довольствуется: она силится проникнуть въ сокровенныя, таинственныя храмины и горнила природы; возносится на крыліяхъ умозрѣнія въ высшія полости вѣдѣнія, ищетъ причины вещей, доискивается невидимой между ими связи, и совокупляетъ міроздапіе одною общею, вседержащею, всеоживляющею мыслію. — Это третья степень — *умозрительная*, или философская. Младенчествующій человѣкъ съ безотчетнымъ равнодушіемъ смотритъ на небо, усѣянное звѣздами, отличаетъ нѣкоторыя изъ нихъ, устрашается другихъ, приписываетъ имъ чудесную силу и баснословное вліяніе на дѣла земныя; заставляетъ, въ дѣтскихъ мечтаніяхъ своихъ, свѣтила, блестящія на тверди небесной въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, заботиться о минутныхъ нуждахъ и страданіяхъ его скоролетной жизни. — На второй степени познанія, человѣкъ знакомится съ устройствомъ вселенной: видитъ предѣлы солнечной системы, слѣдитъ за движеніемъ планетъ и ихъ спутниковъ, узнаетъ кометы, считаетъ звѣзды неподвижныя, и сбрасываетъ съ себя вериги предразсудковъ и боязней близорукой наглядности. Жажда любознательнаго ума его тѣмъ не утоляется: онъ стремится въ глубину творенія, изыскиваетъ законы рожденія и существованія тѣлъ небесныхъ, извѣшиваетъ то, что едва доступно глазу нашему, измѣряетъ теченіе лучей тѣхъ солнцевъ, которыя, можетъ быть, потухли уже задолго до начатія его наблюденій, и тамъ, гдѣ оставляетъ

его путеводная нить созерцанія, опыта и исчисленія, дополняетъ, довершаетъ свою науку умозрѣніемъ, мыслію, которой, какъ и душѣ его, нѣтъ конца и предѣла.

Такимъ образомъ и изученіе, изслѣдованіе языка, этого воплощенія нашей мысли, можетъ быть различно по степени разумѣнія и потребности занимающихся имъ. Человѣкъ необразованный употребляетъ языкъ по навыку и преданію: онъ говоритъ правильно, точно такъ, какъ при движеніи наблюдаетъ центръ тяжести своего тѣла, и самъ того не зная. Человѣкъ образованный говоритъ и пишетъ по указаніямъ науки. Испытатель языка проникаетъ въ его сущность, въ его начала, изыскиваетъ его происхожденіе, причины его возрастанія, процвѣтанія и упадка, и ставитъ языкоученіе въ рядъ съ изслѣдованіемъ другихъ важныхъ предметовъ, обращающихъ на себя испытующій взоръ мыслителя и философа.

Мы займемся языкомъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи: постараемся разсмотрѣть его необходимость и важность, его происхожденіе и образованіе вообще; потомъ обратимся къ изслѣдованію языка отечественнаго, и изложивъ его свойства по общимъ началамъ, пройдемъ его исторію съ самаго его рожденія донынѣ, а вслѣдъ затѣмъ представимъ главнѣйшія его свойства. Начиная съ взглядовъ общихъ, теоретическихъ, будемъ обращать вниманіе и на практическую его сторону. Изъ главныхъ, основныхъ началъ будемъ выводить частныя правила. — Постараюсь изложить

все это, по крайнему моему разумѣнію, какъ можно яснѣе и удобопонятнѣе. Къ сожалѣнію, тѣсные предѣлы моихъ чтеній, ограничивающихся пятнадцатью, не позволяютъ входить въ подробности, и обязываютъ довольствоваться одними главными чертами.

⁂

Началомъ изложенія какого либо предмета науки, искусства и т. п. бываютъ обыкновенно доказательства его важности и пользы. Имѣемъ ли мы въ томъ надобность? Обязаны ли мы доказывать, какъ важенъ, дорогъ, необходимъ для человѣка даръ слова? Что былъ бы человѣкъ безъ этого небеснаго дара? — Вседневная привычка и недостатокъ размышленія производятъ въ насъ равнодушіе къ самымъ великимъ и чудеснымъ вещамъ. Мы дивимся красивому фейерверку, и безъ вниманія смотримъ на свѣтила небесныя. Насъ занимаетъ безмысленное пѣніе чижика, а слово человѣческое оставляетъ равнодушными. — Что для насъ всего дороже въ жизни? Что служитъ намъ залогомъ продолженія ея и въ будущемъ мірѣ? Наша душа, наша мысль, наше познаніе самихъ себя и Создателя нашего. Долгое время толковали и спорили философы о томъ, что въ семъ мірѣ наиболѣе проявляетъ величіе, всемогущество и благость Творца, и наконецъ сознались, что нѣтъ ничего выше мысли человѣческой. Солнце вещественное, средоточіе и живительная сила нашей системы, извлекло вол-

шебною силою своею изъ толщи земли нашей и золото и алмазы; произвело на ея поверхности и цвѣты разнообразные, благоуханные, и райскую птичку, и могучаго орла; создало, въ соотвѣтствіе себѣ, и глазъ нашъ, которымъ можно созерцать его величіе. Другое же солнце, невидимое вещественному глазу нашему, солнце духовное, средоточіе міра безплотнаго, зажгло въ избранномъ существѣ земнородномъ, въ человѣкѣ, другую искру, отверзло въ немъ иное око, око умственнаго созерцанія, проникающее въ вѣчность, познающее невидимаго своего Создателя и безсмертіе лучшей части своего существа *. Но какъ могъ этотъ незримый лучъ небесной благодати сдѣлаться видимымъ чувственному человѣку, какъ могъ проникнуть сквозь тлѣнную, тѣлесную оболочку, въ сокровенную храмину его души, и возжечь тамъ лампаду святаго вѣдѣнія? Онъ достигъ этого, облекшись въ звуки, имѣющіе отголосокъ въ нашемъ организмѣ. И эта оболочка, это проявленіе мысли, святѣйшаго достоянія нашего въ семъ мірѣ, это звено, связующее насъ съ существами безплотными, — есть слово! — Что были бы люди, если бъ не имѣли языка? Жили бы одинокіе или безмолвными стадами, подобно звѣрямъ, не имѣя даже искусственныхъ побужденій бобра и муравья! Не было бы общества гражданскаго, самаго важнаго изъ учрежде-

* Des mystères de la vie humaine, par le comte de Montlosier. Paris. 1829.

ній человѣческихъ: не было бы и богопознанія. Только чувственныя, тѣлесныя, скотскія нужды заставляли бы дѣйствовать людей; страхъ и вожделѣніе были бы единственными правилами ихъ поступковъ. Вмѣсто занятій поэзіею, музыкою, философіею, въ темной душѣ человѣка носились бы безобразныя фантазіи и мечтанія, выражаясь дикимъ воплемъ ужаса или визгомъ чувственнаго удовольствія. Съ рожденіемъ языка, падаетъ преграда духовнаго міра; человѣкъ вступаетъ въ права любимаго сына Высшей Силы на Земномъ Шарѣ, хранимаго ею въ здѣшней жизни, и принимаемаго ею на лоно безсмертія въ иномъ, лучшемъ мірѣ.

Языкъ имѣетъ для человѣка еще одну сторону, важную и драгоцѣнную: онъ есть признакъ, отличіе, выраженіе національности. Языкомъ отличаются великія семейства людей, именуемыя народами; онъ составляетъ невидимую, но крѣпкую цѣпь любви къ отечеству. Звуки, слышанные нами въ колыбели изъ устъ милой матери, навѣкъ приковываютъ насъ къ жизни семейственной: языкъ, которымъ выражались въ юности нашей первыя движенія жизни и любви, которымъ внушены намъ святыя истины религіи и великіе законы природы и науки, которымъ говорило съ нами отечество въ дни бѣдствій и славы, становится для насъ священнымъ и драгоцѣннымъ, одними уже звуками своими возбуждая въ душѣ понятіе о томъ, что всего выше для насъ въ мірѣ — о Богѣ и Отечествѣ!

■

Въ отношеніи къ наукѣ, языкъ есть мѣрило и указатель степени народнаго просвѣщенія. Онъ совершенствуется по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи народа, и служитъ вѣрнымъ зеркаломъ его исторіи и характера. Тамъ, гдѣ исчезаютъ вѣковые памятники, гдѣ безмолвствуютъ свидѣтели давнишнихъ событій, гдѣ теряются лѣтописи — тамъ языки народные даютъ изыскателю исторіи вѣрную нить, для изслѣдованія происхожденія и сродства племенъ людскихъ.

Займемся исторіею происхожденія и начальнаго образованія языка вообще.

⁂

О происхожденіи языка были мнѣнія различныя; изъ нихъ особенно отличались два. По первому, языкъ есть непосредственное вдохновеніе божественной силы, произведеніе не человѣческое, а сверхъестественное и непостижимое. По второму, языкъ произошелъ отъ свободнаго условія между людьми: они согласились между собою называть дерево деревомъ, камень камнемъ, человѣка человѣкомъ. Несбыточность и нелѣпость этого послѣдняго предположенія очевидна. Для заключенія подобнаго условія, надобно уже имѣть языкъ, слѣдственно языкъ не можетъ быть имъ созданъ. Это заблужденіе раздѣляли первоклассные писатели XVIII вѣка. Вольтеръ и его послѣдователи утверждали, что дитя, которое никогда не слыхало рѣчи человѣческой, не могло бы выучиться говорить, потому что все пріобрѣтается

подражаніемъ. Руссо признается, что онъ не въ состояніи рѣшить, нуженъ ли былъ языкъ для составленія общества, или нужно имѣть общество, чтобъ составился языкъ. — И такъ, надлежитъ обратиться къ первому мнѣнію, и принять, что языкъ произошелъ отъ вдохновенія свыше. Дѣйствительно такъ, но не должно думать, чтобъ младенчествующій человѣкъ получилъ непосредственно отъ Бога языкъ готовый, обработанный, достаточный *для* выраженія и тѣхъ понятій, которыхъ онъ не имѣлъ и не могъ имѣть на степени тогдашняго своею развитія. Премудрость Божія устроила все въ мірѣ въ непрерывномъ порядкѣ, въ строгой постепенности. Твореніе совершалось не въ одинъ день; оно не совершилось и донынѣ. Вложивъ въ человѣка душу, Провидѣніе даровало ему и зародышъ той способности, которою душа проявляется наружу.

Языкъ, даръ слова, или способность выражать звуками голоса движенія и дѣйствія душевныя, чувствованія и мысли, и сообщаться умомъ съ подобными намъ существами, есть органическое дѣйствіе, свойственное, врожденное человѣку. Поясвимъ эти выраженія. Греческимъ словомъ органъ называется орудіе, служащее для достиженія какой либо цѣли. Между органомъ и вещественнымъ орудіемъ, или инструментомъ, находится та разность, что послѣднее есть орудіе искусства или ремесла, а подъ органомъ разумѣется существенная часть органическаго, стройнаго тѣла, или организма. Организмъ есть суще-

ство, живущее внутреннею своею силою, котораго всѣ части совокуплены между собою, какъ средства и цѣли. Взаимное сцѣпленіе частей находимъ мы и во всѣхъ механисмахъ, произведенныхъ искусствомъ, напримѣръ, въ часахъ, но въ нихъ всѣ части существуютъ отдѣльно, служатъ одному цѣлому, а не одна другой, и не сливаются въ живую массу. Органисмъ же имѣетъ внутреннюю жизненную силу, посредствомъ которой онъ раждается и живетъ самъ собою. На высшей степени органическихъ существъ Земнаго Шара стоитъ человѣкъ: жизнь его не заключается въ предѣлахъ его тѣла, не ограничивается міромъ вещественнымъ: онъ чувствуетъ свое существованіе, отличаетъ себя отъ внѣшняго міра, и умомъ постигаетъ свои къ нему отношенія. — Органическими дѣйствіями называются существенныя отправленія органисма, то есть такія, безъ которыхъ онъ не могъ бы существовать въ своемъ видѣ. Въ числѣ органическихъ дѣйствій человѣка, какъ сказано выше, находится и языкъ. Это не звукъ колокола, это не безсознательный вопль животнаго. Языкъ есть необходимое послѣдствіе и твореніе жизни человѣка: человѣкъ говоритъ, потому что онъ мыслитъ. Всякое таинственное дѣйствіе природы проявляется и опредѣляется веществомъ; душа человѣка осуществляется и становится видимою въ его тѣлѣ: такъ мысль человѣческая воплощается и принимаетъ свой образъ въ словѣ.

Человѣкъ живетъ не отдѣльно, какъ животныя:

онъ имѣетъ надобность во взаимной мѣнѣ мыслей съ подобными себѣ; умственныя силы его могутъ развиваться и крѣпнуть только въ обществѣ. Животныя составляютъ породы и виды чувственнымъ, безмысленнымъ соединеніемъ: люди ведутъ существованіе свое, составляютъ поколѣнія умственною цѣпью. И языкъ не есть отдѣльное дѣйствіе каждаго человѣка: онъ есть дѣйствіе всего рода человѣческаго, производимое сношеніемъ отдѣльныхъ лицъ между собою. Органическая жизнь человѣка достигаетъ своей цѣли тогда только, когда умъ отдѣльнаго человѣка становится собственностію всѣхъ. — Если бъ возможно было поселять нѣсколько безсловесныхъ младенцевъ на отдѣльномъ островѣ, такъ чтобъ они, имѣя всѣ средства къ физическому своему пропитанію и охраненію своей жизни, предоставлены были во всемъ прочемъ своему произволу и внутреннему влеченію; — по истеченіи нѣкотораго времени представилось бы наблюдателю любопытное зрѣлище: младенцы, достигнувъ зрѣлаго возраста, непремѣнно имѣли бы понятіе о Высшемъ Существѣ, представляя его себѣ въ солнцѣ, въ звѣздахъ, въ грозныхъ явленіяхъ природы. Они непремѣнно имѣли бы правительство, то есть тотъ изъ нихъ, который сильнѣе или умнѣе другихъ, управлялъ бы прочими, не по условію, а по внутреннему влеченію и велѣнію природы человѣческой. Наконецъ, они имѣли бы языкъ, ограниченный выраженіемъ ихъ понятій, но составленный по общимъ правиламъ

мышленія человѣческаго, и выраженный общими органами. Познаніе Бога, жизнь общественная и взаимное сообщеніе посредствомъ языка — вотъ условія, тѣсно связанныя съ бытіемъ человѣка, необходимыя, существенныя свойства его жизни въ семъ мірѣ, жизни духовной, готовящей его къ переходу въ міръ совершеннѣйшій. И эти свойства соврожденны его бытію: онъ принялъ ихъ, въ минуту созданія своего, изъ рукъ Всеблагаго Творца и Хранителя Вселенной. По всѣмъ законамъ умозрѣнія и опыта, должны мы заключить, что слово наше есть непосредственный даръ Того, Кто создалъ нашу безсмертную душу.

Мы назвали языкъ дѣйствіемъ органическимъ, не произвольнымъ, не условнымъ, составляющимъ цѣлое, въ которомъ всѣ части совокуплены между собою и съ своимъ цѣлымъ. И это твореніе, это явленіе произошло на планетѣ нашей по тому самому закону, на которомъ основано рожденіе и существованіе всѣхъ явленій, всѣхъ организмовъ въ мірѣ. Законъ этотъ есть *полярность* *. Въ естествоученіи называютъ полярностію дѣйствій и веществъ противоположность составныхъ ихъ началъ, напримѣръ: внутренность и наружность, которыя именно этою противоположностью взаимно опредѣляютъ существованіе предмета. Таковы, въ организмѣ земли, положительное и отрицательное электричество, сѣверный и южный полюсъ; та-

* Abhandlungen des frankfurtischen Gelehrtenvereines für deutsche Sprache. Viertes Stück. Fr. am M. 1824.

ковы душа и тѣло, свѣтъ и масса, и т. под. Признавъ языкъ органическимъ произведеніемъ природы, можемъ мы предполагать, что и въ его составѣ есть полярность, или совокупленіе противоположностей для произведенія цѣлаго. Въ языкѣ полярность сія составляется разностью между мыслію и звукомъ. Мысль и звукъ, различныя, противоположныя между собою стихіи, совокупленіемъ своимъ составляютъ организмъ слова. Въ дальнѣйшемъ развитіи выраженія мыслей звуками, покажемъ мы, какъ и звуки, дробясь на противоположности, составляютъ цѣлое въ слогахъ и словахъ. Теперь удерживаемся отъ сихъ примѣровъ, положивъ себѣ за правило не упоминать ни о чемъ такомъ, что не было еще опредѣлено въ точности. Скажемъ только, что тотъ же самый законъ полярности явствуетъ и въ употребленіи языка, равно какъ и въ его устроеніи. Онъ есть безпрерывное взаимное даяніе и пріятіе, и предполагаетъ въ людяхъ двоякіе органы, для даянія органы голоса, для пріятія органы слуха. Гдѣ не достаетъ одного изъ этихъ двухъ родовъ органовъ, тамъ языкъ существовать не можетъ. И по взаимному соотношенію сихъ органовъ, пріятное впечатлѣніе въ слухѣ производятъ тѣ звуки, которые легко произносятся голосомъ. Такимъ образомъ органы голоса получаютъ отъ органовъ слуха законы и формы благозвучія. Глухонѣмой можетъ выучиться произносить слова, но въ нихъ не бываетъ благозвучія: они непріятны, противны слуху нашему въ срав-

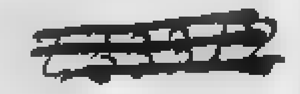
ненія съ произведеніями полнаго, здороваго организма.

Изложивъ условія существованія языка, взглянемъ на его рожденіе и образованіе.

Какимъ образомъ составились языки или могли составиться въ самомъ началѣ, мы въ точности сказать не можемъ, ибо не можемъ вообразить себѣ человѣка безъ языка, безъ общества: здѣсь дѣйствуютъ однѣ догадки, соображенія, сравненія. Лучше всего объясняется начало языка развитіемъ его въ младенцѣ: первые признаки языка показываются въ немъ съ первымъ появленіемъ понятій и мыслей, обыкновенно чрезъ полгода послѣ рожденія. Достойно замѣчанія, какъ рано образуются въ немъ органы голоса и слуха, какъ они мягки, нѣжны, воспріимчивы! Первые успѣхи въ языкѣ бываютъ изумительны. Дитя говоритъ не по необходимости: оно находитъ удовольствіе въ упражненіи своихъ органовъ; каждая мысль его тотчасъ проявляется словомъ. Въ три мѣсяца оно выучится чужому языку гораздо легче и правильнѣе, нежели взрослый человѣкъ въ три года. Отъ чего это? Отъ того, что дитя дѣйствуетъ по указанію природы, по влеченію живаго организма, орудіями свѣжими, чувствительными, незачерствѣлыми. Взрослый человѣкъ прибѣгаетъ къ средствамъ искусственнымъ, которыя гораздо слабѣе природныхъ, гораздо медленнѣе, труднѣе достигаютъ цѣли. — Уроки, указанія, поправки взрослыхъ для ребенка не нужны: онъ ихъ отвер-

гаетъ, и самое подражаніе не имѣетъ такого сильнаго вліянія на образованіе дѣтскаго языка, какъ обыкновенно полагаютъ. Дитя принимаетъ услышанное слово тогда только, когда имѣетъ для него свое понятіе, когда это слово становится его собственностію. Иногда придаетъ оно слову иной, чуждый смыслъ, и долго составляетъ, по внутреннему тайному соображенію, слова, которыхъ дотолѣ никогда не слыхало. Всѣ первыя слова дитяти односложны или состоятъ изъ повторенія одного и того же слога. Еще должно замѣтить, что дѣти упражняютъ сначала самые легкіе органы голоса: послѣ гласныхъ буквъ, появляются у нихъ согласныя, произносимыя сжатіемъ губъ: *мама*, *баба*, къ которому дитя привыкло, питаясь грудью. Произношенія, образуемыя языкомъ, небомъ, гортанью, появляются гораздо позже. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что у всѣхъ людей на земли, въ началѣ ихъ существованія, есть одинъ всеобщій языкъ, который потомъ, отъ подражанія старшимъ, принимаетъ свойства, особенныя въ каждомъ народѣ. Младенцы, сынъ Вальтеръ-Скотта, и сынъ готтентотскаго дикаря, говорили совершенно одинаково.

Нѣтъ сомнѣнія, что такимъ же образомъ составился бы языкъ и у первоначальныхъ людей, сихъ взрослыхъ дѣтей природы, если бъ мы могли предполагать, чтобъ человѣкъ могъ вырости безъ языка. Мы находимъ его на первой степени жизни и гражданственности уже обладающаго симъ божественнымъ даромъ, и всѣ изложенія

первоначальной исторіи языковъ суть, какъ мы доказали, только догадки, но такъ какъ эти догадки служатъ пріурочкою къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, то мы и не можемъ пройти ихъ молчаніемъ.

Спрашивается: съ какихъ звуковъ, съ какихъ буквъ начинается рожденіе языка? Разумѣется, съ гласныхъ. Чувствованія предшествуютъ понятіямъ и мыслямъ. Природа животная, физическая проявляется ранѣе умственной, духовной. Первыя движенія души нашей, страхъ, радость, гнѣвъ, удивленіе, и понынѣ обнаруживаются преимущественно гласными буквами, которыя, не получивъ права на мѣсто въ фразѣ или періодѣ, выражающихъ мысль, называются междометіями. Затѣмъ послѣдовали наименованія, заимствуемыя изъ подражанія слышимымъ дѣйствіямъ и явленіямъ природы: *громъ*, *трескъ*, *шорохъ*; звукамъ, издаваемымъ животными: *рыканіе* льва, *ревъ* медвѣдя, *вой* волка, *лай* собаки, *воркованье* горлицы, *чириканье* воробья. Въ американскихъ языкахъ есть рѣзкіе звуки, въ которыхъ отзывается шипѣніе змѣй мексиканскихъ; въ языкѣ Готтентотовъ слышно подражаніе реву африканскихъ тигровъ: эти звуки вовсе неизвѣстны въ Европѣ, и не могутъ быть выражены нашими органами*. Послѣ подражанія природѣ, стали переносить выраженіе

---

* Notions élémentaires de Linguistique, ou Histoire abrégée de la parole et de l'écriture, par Ch. Nodier. Bruxelles. 1834, стр. 78.

впечатлѣній съ одного чувства на другія: *острый* вкусъ, *рѣзкіе* звуки, *мягкія* цвѣта. Скорость и медлённость равномѣрно находятъ себѣ выраженіе въ звукахъ голоса; слова: *пихъ*, *скокъ*, *прыгъ*; *вялость*, *тянуть*, *растягивается*, въ слухѣ человѣка, который и не знаетъ языка, производятъ впечатлѣнія быстроты и медленности. Есть звуки, которыми исключительно выражаются впечатлѣнія нѣжныя, тихія, напримѣръ: *милъ*, *любъ*, и другіе, которыми представляется воображенію суровое и грозное: *страхъ*, *храбрость*, *ужасъ*, *мерзость*. Почти во всѣхъ языкахъ нѣкоторые извѣстные звуки служатъ къ выраженію извѣстныхъ впечатлѣній; напримѣръ: звукъ *ст* обыкновенно выражаетъ твердость, неподвижность: *стань*, *стой*, *ступи*, *столпъ*; греческія: *στάσις*, *στάδιος*, *στίχ*, *στερεός*; латинскія: sto, stipes, stamen; нѣмецкія: Stand, Stange, Stein, steif; французскія: stable, stage, station, statue; *ск*, пустоту: *сквозь*, *скважина*; греческія: *σκάλλω*, *σκάπτω*, *σκέλλω*; латинскія: scutum, scabies, sculpo; нѣмецкія: Scherbe, Schale, Schädel; *пл*, *фл*, теченіе огня, воды, воздуха: *плыть*, *пламень*; греческія: *φλέγω*, *φλέω*, *φλόξ*, *φλύω*; латинскія: flamma, fluo, flatus, fluctuo, fluidus, flumen: нѣмецкія: fließen, fliegen, fliehen, Flaum, Fluß, fluten; французскія: fluer, fleuve, fluctuation; *р*, рѣзкость, быстроту: *рубить*, *рѣзать*, *реять*, *рѣка*; греческія: *ῥέω*, *ῥόος*, *ῥίπτω*; латинскія: rota, ruo, ruptus; нѣмецкія: Rad, rasseln, rasch, reißen, rennen, rütteln; французскія: ruer, ruisseau.

Имѣя нѣсколько сотъ словъ, составленныхъ подражаніемъ, человѣкъ, дѣйствіемъ врожденнаго ему влеченія, по которому мысль насильно рвется наружу, и ищетъ себѣ выраженія въ голосѣ, составилъ тысячи другихъ, и изъ области чувственной перенесъ ихъ значеніе въ предѣлы ума и отвлеченности. Такъ, напримѣръ, слова: *понять, понятіе, понимать,* первоначально означали взять, схватить, обнять вещь обходомъ, обложеніемъ со всѣхъ сторонъ; потомъ слово *понятіе, понимать,* въ языкѣ умственномъ, стало означать присвоеніе себѣ предмета мыслію. И это отвлеченіе понятій отъ чувственныхъ къ умственнымъ началось у людей очень рано. Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ наблюденіи умнаго филолога. Дитя, начиная говорить, прежде всего произноситъ имя своей матери, кормилицы. Первая мысль его есть любовь и благодарность. Такъ и младенчествующій человѣкъ, первымъ лепетомъ своимъ, безотчетными, повидимому, гласными буквами, проявлялъ мысль объ отцѣ своемъ небесномъ. Въ пеленахъ человѣчества возникло слово Богъ, составившееся у Евреевъ изъ всѣхъ гласныхъ буквъ языка ихъ, которыя у нихъ письменами не выражаются. И святое слово сіе, во всѣхъ первообразныхъ языкахъ, есть односложное. Славнѣйшій мудрецъ древности, Пиѳагоръ, не дерзалъ произнести его. «Чтите Того, говорилъ онъ, Чье имя можно начертать четырьмя буквами* !» —

* Тамъ же, стр. 24.

Другой наблюдатель замѣтилъ, въ подтвержденіе этой же истины, что разныя произведенія природы, самыя простыя и обыкновенныя, имѣютъ, въ различныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка, различныя названія (такъ, напримѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ есть сорокъ словъ областныхъ для означенія можжевельника), но слово Богъ и другія наименованія умственныхъ, сверхчувственныхъ существъ суть общія всему народу, древнія, коренныя, непостижимыя, но всѣмъ понятныя *.

Краткость времени не позволяетъ намъ входить въ подробное изложеніе сего предмета, который одинъ могъ бы занять насъ въ продолженіе всѣхъ чтеній. Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ особенностяхъ въ образованіи языка, необходимыхъ для послѣдующихъ выводовъ.

Какая была первая часть рѣчи, по порядку появленія въ языкѣ? Если исключимъ упомянутое уже нами междометіе, должно дать первенство глаголу. Человѣкъ, въ младенчествѣ ума своего, когда еще вполнѣ играетъ его дѣтское воображеніе, замѣчаетъ дѣйствіе скорѣе нежели предметъ дѣйствующій, и по дѣйствію уже отличаетъ предметъ. Слова: *гремѣть*, *мычать*, *кукуетъ*, были ранѣе нежели: *громъ*, *туча*, *волъ*, *кукушка*. По этой причинѣ, не безъ основанія говорятъ нѣкоторые, что предложеніе, фраза, существовали ранѣе имени, потому что въ глаголѣ заключается

* Die Geschichte der Natur, von D. G. H. v. Schubert. Dritter Band. Erlangen. 1837, стр. 49.

и подлежащее и сказуемое. — За глаголомъ появилось прилагательное, также звукоподражательное, а по прилагательному составилось существительное: предметъ наименовали по отличительному его свойству.

Образованіе другихъ частей рѣчи, опредѣлительныхъ, замѣнительныхъ и соединительныхъ, произошло гораздо позже, своимъ порядкомъ. Человѣкъ, составляя слова, игралъ ими какъ дитя: то прислушивался къ природѣ, то давалъ волю прихоти и воображенію. Въ началѣ, слова, какъ у дѣтей, были односложныя; потомъ развились отъ нихъ вѣтви и отростки, и составились двусложныя, трехсложныя, и такъ далѣе. Но слова первоначальныя, отъ давнишняго своего въ языкѣ употребленія, получили большую неправильность въ начертаніи, уклонились отъ началъ своихъ, и приняли особенное произношеніе. Отъ этого всѣ слова, необходимыя въ языкѣ, большею частію неправильны въ своемъ употребленіи. Глаголы: *быть, пить, жить, ходить, лежать;* имена числительныя меньше десяти; важнѣйшія прилагательныя: *хорошъ, лучше; великъ, больше; малъ, меньше* — уклоняются въ образованіи и измѣненіи своемъ отъ правилъ, установившихся въ послѣдствіи. На этомъ наблюденіи, что всѣ первоначальныя слова односложны, и что бо́льшая часть первоначальныхъ словъ въ измѣненіяхъ своихъ неправильны, составилъ я свою систему глаголовъ, какъ изложено будетъ въ послѣдствіи.

Народы, размножившись въ мѣстѣ первоначальнаго своего жительства, разселяются въ иныя страны, занимаютъ пустыри и степи, или вытѣсняютъ слабѣйшихъ сосѣдей изъ прежнихъ ихъ жилищъ. Уклоняясь отъ главнаго племени, поколѣнія измѣняютъ свой языкъ отъ новыхъ понятій, отъ впечатлѣнія новыхъ предметовъ на ихъ чувства, и даже отъ различныхъ своихъ упражненій. Замѣчено, что звѣроловные народы молчаливѣе другихъ и бѣднѣе выраженіями: сторожа за своею добычею, они привыкаютъ къ молчанію. Народы кочевые вообще любятъ сказки и поэзію. Народы осѣдлые основываютъ свой языкъ на правилахъ неизмѣнныхъ, какъ ихъ жилища. Жители приморскіе и горцы составляютъ слова, въ которыхъ обитатели средины твердой земли и равнинъ надобности имѣть не могутъ: у Норвежцевъ есть нѣсколько десятковъ словъ, для названія морскаго залива, широкаго или узкаго, мелкаго или глубокаго, и. т. д. Швейцарцы имѣютъ особыя выраженія для холма всякаго вида. Слово *тундра* родилось въ Сибири; *лиманъ* принялось при впаденіи широкихъ рѣкъ въ Черное Море. Утверждаютъ, что нѣжность и пріятность языка зависятъ отъ климата, что народы южные употребляютъ болѣе буквъ гласныхъ, сѣверные богаче согласными гортанными и шипящими. Это правило не безъ исключеній. На Сѣверѣ есть языки пріятные, вокальные, гармоническіе. По нашему мнѣнію, на грубость и мягкость языка не столько имѣютъ вліянія сте-

пени широты, сколько мѣстоположеніе страны. Въ горахъ, посреди скалъ, пропастей и дикихъ водопадовъ, языкъ грубѣе и суровѣе нежели въ долинахъ, на равнинахъ и на отлогихъ берегахъ моря. Это мы видимъ въ языкѣ нѣмецкомъ. Южныя нарѣчія его, швейцарское и австрійское, образовавшіяся въ странахъ полуденныхъ, но пересѣкаемыхъ горами, гораздо жестче и суровѣе сѣверныхъ, которыя, спускаясь къ Нѣмецкому Морю, становятся мягкими и вялыми, и наконецъ исчезаютъ съ землею въ гладкомъ, лѣнивомъ языкѣ голландскомъ.

Столкновеніе и смѣшеніе съ народами иноплеменными производятъ важныя въ языкахъ перемѣны: народъ получаетъ отъ пришельцевъ новыя слова, новыя формы и обороты рѣчи, и въ этомъ случаѣ первенство иногда остается не на сторонѣ побѣдителей, а на сторонѣ многочисленныхъ побѣжденныхъ: въ Англіи, побѣдоносные Норманны приняли языкъ покореннаго народа, разумѣется, сообщивъ ему и изъ своего; въ Россіи, господствовавшая Варяжская Русь исчезла въ подвластномъ ей народонаселеніи славянскомъ. Такими средствами мало по малу образуются отдѣльные языки съ своими нарѣчіями, усвоиваютъ себѣ особенные свои звуки, принимаютъ свойственные имъ однимъ обороты, и составляютъ свой отличительный характеръ, эту особенность народнаго семейства, которая заставляетъ дѣтей своихъ жить и умирать за свою мать, родную землю. Такимъ образомъ составляется та неви-

димая, но неразрывная цѣпь, которая связываетъ насъ съ соотчичами, и раждаетъ братскій союзъ гражданства, проявляющійся благороднымъ чувствомъ святой любви къ отечеству! Повторяемъ: все это производится не произвольно, не условно, не по временной прихоти, а по вѣчнымъ уставамъ создавшей насъ Небесной Силы. Народъ, въ образованіи своего языка, всегда дѣйствуетъ по правиламъ органическаго сцѣпленія полярности, понятій ума, и выраженія ихъ звуками голоса, доступными и пріятными слуху. Отъ этого слова, составленныя народомъ, безъ умничанья, даже безъ всякаго отчета, по темному чувству его простодушной логики, знакомы и доступны нашему слуху, и легко понятны уму. Возьмемъ выраженіе, составленное народомъ. Пространство между деревянною стѣною и печью, закладываемое кирпичемъ, напримѣръ, русскій человѣкъ называетъ *проемъ*. Слово намъ понятное, знакомое, родное, удовлетворительное и чрезвычайно выразительное: оно составлено по всѣмъ правиламъ языка, и въ точности означаетъ занятіе какого либо пустаго пространства, и притомъ насквозь. Повѣрятъ ли, что разныя части и украшенія простой створчатой двери имѣютъ у насъ до тридцати названій выразительныхъ и правильныхъ, которыя составлены нашими плотниками и столярами! Они перенимали у Нѣмцевъ работу, и, не разумѣя техническихъ терминовъ иностранныхъ, вымышляли свои собственные. — Когда же народу случится заимствовать чужія слова, скла-

домъ своимъ противныя его уху, онъ обдѣлываетъ ихъ по требованіямъ своего языка. Такимъ образомъ произошли: отъ греческаго *ἑσπέρα*, латинское vesper, французское vêpres, русское *вечеръ;* отъ bissextus, *високосъ;* отъ Teller, *тарелка;* отъ Römer, *рюмка;* отъ Bleygelb, *блягиръ;* отъ Kraftmehl, *крахмалъ;* отъ bouteille, *бутылка;* отъ греческихъ именъ Исидоръ, *Сидоръ;* отъ Ксенія, *Аксинья;* отъ Елена, *Алена;* отъ Ларіонъ, *Ларивонъ.* — Языкъ возмужалый, грамотный лишается права и способности творить слова натуральнымъ, органическимъ образомъ. Онъ можетъ производить новыя слова или приспособленіемъ существующихъ къ выраженію требуемаго смысла, (такъ у насъ недавно стали употреблять слово *община* въ смыслѣ une commune,) или составленіемъ новаго слова изъ двухъ прежнихъ; таковы: *тепломѣръ, небосклонъ, землеописаніе.* Но эти послѣднія слова, какъ не органическія творенія живой природы, а мертвыя произведенія человѣческаго ума и искусства, во-первыхъ, требуютъ поясненія и долговременнаго навыка для введенія ихъ въ общее употребленіе; во-вторыхъ, сами лишены силы производить другія слова: термометрическій, горизонтальный, географическій не могутъ быть выражены словами: *тепломѣрный, небосклонный, землеописательный.* — Въ наше время сочинено было слово *видопись,* и сочиненіе его приписано геніяльному писателю: оно не принялось на почвѣ русскаго слова, и завяло вмѣстѣ съ листкомъ журнала, на которомъ подвесли его

русской публикѣ. Если должно выразить понятіе, для котораго нѣтъ слова въ языкѣ, лучше всего взять слово иностранное, особенно изъ языка мертваго, классическаго: оно поступаетъ въ службу нашего языка тѣмъ же чиномъ, облекшись только въ наши буквы. Такъ, не болѣе осьми лѣтъ, принято въ нашъ техническій языкъ слово *фактъ* съ латинскаго, factum; помнится, первый употребилъ его Г. Полевой. Удовлетворяя требованію языка, замѣняя выраженіе, котораго дотолѣ не было, оно укоренилось у насъ, и сдѣлалось общепонятнымъ и общеупотребительнымъ. — Приведенныя мною новыя слова составлены, по крайней мѣрѣ, безъ нарушенія основныхъ правилъ языка и смысла. Но что сказать о тѣхъ юродивыхъ исчадіяхъ прихоти, безвкусія и невѣжества, которыя насильно вторгаются въ нашъ языкъ, ниспровергаютъ его уставы, оскорбляютъ слухъ и здравый вкусъ! Таковы, напримѣръ, слова: *вдохновить, вдохновитель, вдохновительный*. Ими хотѣли перевесть слова inspiré, inspirateur. Но эти слова варварскія, безпаспортныя, и мѣста имъ въ русскомъ языкѣ давать не должно. Они производятся отъ слова *вдохновеніе*, которое само есть производное отъ глагола *вдохнуть*, какъ *отдохновеніе* отъ *отдохнуть*, *столкновеніе* отъ *столкнуть*; но можно ли сказать: *отдохновитель, столкновитель*! Если можно, то говорите и *вдохновить*. — Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что я самъ допускаю принятіе и составленіе словъ, когда ими означается опредѣленный

предметъ. Такъ! это правило существуетъ для выраженій техническихъ, для словъ, которыми называются предметы вещественные. О механикѣ пусть и говорятъ механически. Но тамъ, гдѣ идетъ дѣло о выраженіи понятій умственныхъ, отвлеченныхъ, гдѣ господствуетъ мысль, логика, высшая сила души, тамъ требуется гармонія безусловная. — А какъ выразить слово: inspiré? Жалокъ тотъ писатель, который, для выраженія своей мысли, имѣетъ надобность именно въ этомъ словѣ, а не въ другомъ! Есть тысячи средствъ выразить одну и ту же мысль. Конечно, изъ тысячи этихъ средствъ только одно истинное, но человѣкъ съ умомъ и дарованіемъ легко найдетъ это средство, и въ немъ не будетъ насильства и оскорбленія языку.

Вмѣстѣ съ языкомъ народъ составляетъ свою музыку въ мелодіяхъ своихъ пѣсень; въ этихъ пѣсняхъ и сказкахъ творитъ народную поэзію; въ пословицахъ передаетъ вѣкамъ свою философію. Счастлива та литература, которая изъ этого народнаго корня извлекаетъ свой характеръ и богатство! Она не имѣетъ надобности прибѣгать къ языкамъ чуждымъ, даже освященнымъ древностію: въ себѣ самой, на своей почвѣ, подъ роднымъ небомъ, находитъ она золотую руду, которая только ожидаетъ дѣлателей. Такимъ богатствомъ обладаетъ Литература Русская! У другихъ народовъ, напримѣръ у Французовъ, простодушныя и выразительныя нарѣчія народа, подъ

презрительнымъ названіемъ patois, предоставлены черни *. На берегахъ Луары, въ устахъ поселянъ и поселянокъ, слыхалъ я выраженія, читанныя мною въ Маро и Рабеле, и потерянныя въ нынѣшнемъ языкѣ французскомъ, который составился изъ греческихъ и латинскихъ лоскутьевъ, въ гостиныхъ приторныхъ жеманницъ (précieuses) XVII вѣка, безъ пользы осмѣянныхъ геніальнымъ Моліеромъ. Мы, Русскіе, черпаемъ изъ живаго источника; мы не имѣемъ надобности въ заимствованіи чужаго. Станемъ искать своихъ родниковъ: на русской землѣ есть чѣмъ утолить жажду любви нашей къ словесности; есть чѣмъ напоить и освѣжить цвѣтникъ нашей поэзіи!

Отъ чего именно въ народномъ языкѣ должно искать матеріаловъ для языка поэзіи? Отъ того, что поэзія участвовала въ первоначальномъ составленіи языковъ. Метафоры, аллегоріи, метонимія, употребленіе одного слова вмѣсто другаго, замѣна точнаго выраженія игривою фигурою — все это способствовало къ раздаѣченію младенчествующихъ языковъ радужными цвѣтами поэзіи. Языки эти въ началѣ были бѣдны, и эта самая бѣдность матеріала заставляла умъ прибѣгать къ помощи воображенія, чтобъ найти слова для своихъ понятій. Скажемъ болѣе: эта самая бѣдность, неопредѣленность, туманность языковъ дѣлаетъ ихъ способными къ начертанію образовъ поэтическихъ, порождаемыхъ фантазіею. Чѣмъ болѣе языкъ обра-

* Notions élémentaires etc., стр. 220—236.

ботанъ, чѣмъ онъ богаче, опредѣленнѣе, тѣмъ менѣе способенъ къ поэзіи. Самый точный и опредѣленный языкъ есть языкъ математики: прошу выразить что нибудь поэтическое самыми высприенними формулами алгебры!

Но всему въ мірѣ есть предѣлъ. Языки растутъ, мужаютъ, крѣпнутъ и лишаются своей творческой, органической силы. Народъ, достигнувъ извѣстной степени образованія, перестаетъ расти умомъ и проявленіемъ его, языкомъ. Тогда принимаются за языкъ грамотѣи. Общенародность лишается своего голоса, и передаетъ свои занятія и права немногимъ избраннымъ, но не всегда избраннымъ музами. Этотъ переломъ дѣлается введеніемъ грамоты, изображенія звуковъ письменами. Вотъ величайшее изъ человѣческихъ изобрѣтеній, неизмѣримый шагъ на пути образованія, славнѣйшее завоеваніе существа, одареннаго словомъ, не безъ причины приписываемое мудрецами древности самому божеству! Человѣкъ передалъ зрѣнію то, что дотолѣ принадлежало одному слуху; остановилъ, утвердилъ бѣглые звуки; создалъ память не одного человѣка, а всего рода человѣческаго; создалъ исторію, носившуюся дотолѣ въ туманахъ темныхъ преданій и баснословныхъ вымысловъ.

Между тѣмъ, человѣку ничто въ свѣтѣ и въ жизни не достается даромъ: за всякое искуcственное пріобрѣтеніе долженъ онъ платить утратою естественнаго блага. Такъ и съ грамотою: даровавъ съ одной стороны уму его новое сред-

ство къ дѣйствію, она, съ другой стороны, ослабляетъ дѣятельность въ немъ органической, животворящей силы. Читатель книгъ перестаетъ быть самостоятельнымъ, дѣлается ученикомъ, подражателемъ. Надѣясь на грамоту, онъ не радитъ о дѣлѣ ума и памяти. Живой примѣръ этому мы можемъ видѣть въ нашихъ солдатахъ. Грамотный унтеръ-офицеръ имѣетъ гораздо болѣе способовъ къ исполненію своего дѣла, нежели безграмотный: онъ можетъ правильнѣе вести счеты, исправнѣе представлять рапортички, можетъ вообще дѣйствовать съ бóльшею увѣренностію. Но какъ сравнить его съ тѣмъ солдатомъ, который достигъ унтеръ-офицерскаго званія безъ письменъ! Гдѣ эта расторонность, эта смѣтливость, это напряженіе всѣхъ умственныхъ силъ, чтобъ замѣнить недостатокъ науки, эта чудесная память, которая помѣщаетъ въ его головѣ цѣлыя книги! У насъ, на Руси, со времени Петра Великаго, образовался особый, оригинальный солдатскій языкъ: онъ составленъ солдатами безграмотными. Человѣкъ письменный удовольствовался бы чтеніемъ, можетъ быть и сочиненіемъ книгъ, на языкѣ уже готовомъ. Сынъ природы, не опутанный тенетами полуобразованности, началъ съ того, что создалъ себѣ слово. Образцики этого оригинальнаго, выразительнаго языка, въ которомъ вылилась вся душа добраго русскаго солдата, сохранены намъ однимъ почтеннымъ писателемъ, который самъ вышелъ изъ рядовъ солдатскихъ, и никогда не могъ бы постигнуть, ни передать намъ этого языка,

если бъ, до поступленія въ службу, получилъ образованіе ученое или даже грамотное. Тутъ можно сказать, что не грамота, а сердце сердцу вѣсть подаетъ.

Какъ произошла грамота? Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что началомъ всякой грамоты было изображеніе тѣхъ предметовъ, о которыхъ хотѣли передать понятіе другимъ, или сохранить оное для потомства: рисованіе, простое подражаніе природѣ, предшествовало письму. Отъ рисованія перешли къ аллегоріи, къ символамъ, изъ которыхъ составились іероглифы. Іероглифы были различные: въ нихъ изображался или весь предметъ или только часть его, для означенія цѣлаго: человѣкъ выражался изображеніемъ одного изъ его членовъ, солнце кружкомъ, пожаръ дымомъ; употреблялась аллегорія: двѣ руки, держащія щитъ и лукъ, означали войну; око и скипетръ, царя; солнце съ луною, теченіе времени. Сверхъ того выражались предметы подобіемъ: вѣчность змѣею, которая въ пасти держитъ свой хвостъ, и такъ далѣе. Отъ этого произошелъ письменный языкъ іероглифическій, или иносказательный, употреблявшійся у древнихъ Египтянъ, сохранившійся на ихъ памятникахъ, и разгаданный въ недавнія времена учеными путешественниками. До какой степени письмо іероглифическое происходитъ не отъ произвола и случая, а есть одинъ изъ самыхъ естественныхъ способовъ къ выраже-

нію мысли, явствуетъ изъ того, что оно существовало у самаго просвѣщеннаго народа въ Новомъ Свѣтѣ, у Мексиканцевъ. У Перуанцевъ, какъ извѣстно, были въ употребленіи киппосы, простые узелки, шерстяные, разноцвѣтные, которыми они изображали свои мысли довольно точно.

Египетскіе іероглифы послужили основаніемъ составленію письменъ китайскихъ, въ которыхъ каждое слово имѣетъ свой отдѣльный знакъ, составленный изъ одной или нѣсколькихъ черточекъ; онѣ въ началѣ означали самый предметъ, а потомъ упростились, и сдѣлались условнымъ его признакомъ. Но какъ многосложны, какъ неудобны эти знаки! Всей жизни человѣческой едва станетъ, чтобъ выучить ихъ основательно, не смотря на то, что они подведены подъ 214 ключей, или первоначальныхъ знаковъ. Съ этою азбукою остановились и языкъ и образованіе Китайцевъ. Языкъ остался дѣтскимъ, односложнымъ, форменнымъ. Образованіе окаменѣло. Вѣка проходятъ своимъ чередомъ; возвышаются и падаютъ царства; возникаютъ науки и искусства; отверзаются таинства и сокровища природы; дикіе народы возносятся на степень просвѣщенныхъ; Христіанская Вѣра распространяетъ благодѣтельные лучи свои. Китайцы щиплютъ чайные листья, сжимаютъ ножки своимъ красавицамъ, лакируютъ коробочки, и малюютъ каракулями шелковистые листы своихъ книжекъ.

Тотъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ человѣчества, кто изобрѣлъ азбуку фонетическую, то есть

изображающую не предметъ рѣчей нашихъ, а самую рѣчь, звуки нашего голоса. Міръ безпредѣленъ, и наполненъ несмѣтнымъ числомъ вещей. Органы голоса простираются отъ горла до губъ, и звуковъ, произносимыхъ ими, не болѣе пятидесяти, во всѣхъ измѣненіяхъ. Означеніемъ этихъ немногихъ звуковъ составилась грамота, употребляемая у большей части народовъ, орудіе и средство ихъ просвѣщенія. Кто былъ первымъ изобрѣтателемъ этой азбуки, намъ неизвѣстно. Г. Клапротъ думаетъ, что въ Старомъ Свѣтѣ азбука изобрѣтена трижды и въ трехъ различныхъ странахъ; онъ полагаетъ въ томъ числѣ и китайскую. Другая азбука (фонетическая) изобрѣтена древними обитателями Восточной Индіи: она называется санскритскою, состоитъ изъ четырнадцати буквъ гласныхъ и двугласныхъ, и тридцати четырехъ согласныхъ. У Индѣйцевъ была еще древнѣйшая азбука отличной красоты, которую они называли *дева нагари*, т. е. письмена боговъ. Многіе ученые выводятъ изъ нея буквы семитическія, но Клапротъ, какъ мы сказали, почитаетъ послѣднія оригинальными и отдѣльно изобрѣтенными. Семитическими письменами называются употреблявшіяся у древнихъ Эѳіоплянъ, Халдеевъ, Самаритянъ и Финикіянъ. Отъ нихъ произошли азбуки арабская и всѣ европейскія. Кадмъ перенесъ письмена финикійскія въ Грецію. Греція передала ихъ Риму, а въ послѣдствіи Россіи и другимъ славянскимъ народамъ, принявшимъ Вѣру Православную. У Рима заимствовали свою азбуку всѣ новые народы

Европы, принадлежавшіе къ Западной Церкви. Достойно замѣчанія, что и фонетическія письмена, то есть тѣ, которыми изображаются не предметы мыслей, а звуки нашего голоса, составлены въ подражаніе природѣ вещественной. Знакомъ *B* выражались губы, которыми эта буква произносится; круглость *о* означаетъ округленіе рта при произнесеніи этой буквы; *кси* (ξ) имѣетъ видъ и звукъ пилы; *пси*, (ψ) произошла отъ стрѣлы; *вита* (θ) означаетъ грудь съ сосцемъ; *укъ* (ȣ) рогатую голову вола, подражая его мычанію звукомъ *у*. Наша буква *ш* заимствована изъ азбуки Коптовъ, у которыхъ она также называлась *ша*, что значитъ огородъ.

Мы назвали изобрѣтеніе азбуки важнѣйшимъ подвигомъ человѣчества, и величайшимъ благодѣяніемъ, оказаннымъ роду человѣческому, но какъ слабы и недостаточны эти искусственные знаки въ сравненіи съ языкомъ звуковъ, который родился не отъ изобрѣтенія и умствованія смертныхъ, а по вѣчнымъ законамъ Неисповѣдимаго Творца земли и человѣка! Всѣ алфавиты, изобрѣтенные во младенчествѣ человѣчества, переходившіе отъ народа къ народу безъ примѣненія ихъ къ языку каждаго изъ нихъ, недостаточны, неполны, бѣдны и сбивчивы. Особенно скудны и безтолковы азбуки языковъ, происшедшихъ отчасти отъ латинскаго, языковъ французскаго и англійскаго. Въ нихъ гораздо болѣе звуковъ, нежели буквъ; есть буквы, имѣющія по шести разныхъ

знаменованій; есть и разныя буквы и совокупленія, которыми изображается одинъ и тотъ же звукъ голоса. И въ наукѣ и въ свѣтѣ видимъ близость и сродство излишка со скудостью. Самая богатая и правильная азбука въ Европѣ есть, безъ сомнѣнія, наша, русская: въ этомъ согласны всѣ филологи, и я постараюсь доказать это въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. При семъ случаѣ нельзя не вспомнить, что тончайшее кружево, издѣліе рукъ человѣческихъ, разсматриваемое въ микроскопъ, кажется грубымъ, тяжелымъ, въ сравненіи съ крыльями мухи или волокнами ничтожной соломинки, произведенныхъ природою, по волѣ Великаго Строителя вселенной. Эта недостаточность мертвой азбуки въ сравненіи съ органическою жизненностію звуковъ, это земное ея происхожденіе, должно полагать, были главною причиною того, что во всѣ времена книжники и грамотѣи умничали надъ азбукою, коверкали ее по своей прихоти. Всякъ изъ насъ старается говорить, какъ можно правильнѣе, по общепринятому употребленію господствующаго языка: провинціялы, пріѣзжая къ намъ, усиливаются забыть свое нарѣчіе, и поддѣлаться подъ столичное; мы, уроженцы ингерманландскихъ болотъ и отмелей Варяжскаго Моря, завидуемъ кореннымъ Москвичамъ въ неподражаемой чистотѣ и изяществѣ ихъ изустной рѣчи. Но не то бываетъ съ письмомъ: всякій школьникъ, всякій писарь умничаетъ въ правописаніи, старается отличиться чѣмъ нибудь новымъ, обыкновенно нелѣпымъ, и съ презрѣніемъ гордаго

невѣжества смотритъ на того, кто пишетъ, по словамъ Грибоѣдова, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Будемъ откровенны: кто изъ насъ, оставивъ школьныя скамейки, не считалъ себя великимъ человѣкомъ, призваннымъ преобразовать и исправить все, что было до нашего времени! Чрезъ пять лѣтъ смотришь на эти мечтанія и попытки съ досадою; чрезъ двадцать пять лѣтъ съ улыбкою снисхожденія и даже удовольствія: они напоминаютъ намъ то блаженное, невозвратное время, въ которое удачный каламбуръ, счастливый стихъ составляли наслажденіе и гордость нашу, а какая-нибудь ребяческая выдумка въ ороографіи ставила насъ, въ собственномъ нашемъ мнѣніи, на ряду съ Цицерономъ и Квинтилліаномъ. Утѣшимся: эти странныя и нелѣпыя нововведенія, неведущія ни къ чему, случались всегда и вездѣ. Въ Парижѣ, лѣтъ за десять предъ симъ, нѣкто господинъ Марлѣ, издавалъ Журналъ Общей и Французской Грамматики. Онъ умничалъ, умничалъ, и доумничался до того, что наконецъ сталъ писать по-французски такъ, какъ говорятъ, то есть такъ, какъ пишутъ кучера и кухарки, Но я слишкомъ далеко уклонился въ область ороографіи. Она будетъ разсмотрѣна въ свое время. Обратимся къ образованію литературы.

Изобрѣтеніемъ письменъ, какъ мы сказали выше, установляется языкъ, отдѣляется существенными признаками отъ другихъ языковъ, и принимаетъ постоянный, отличительный характеръ. Не одни звуки и слова составляютъ принадлеж-

ность и особенность языковъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою особую логику, свой отличительный складъ, порядокъ и размѣщеніе словъ, употребленіе той или другой части рѣчи. Восточные языки, напримѣръ, въ изложеніи мыслей принимаютъ ходъ превратный, если судить о нихъ по европейскимъ понятіямъ. — По образованіи языка и его грамоты, начинается собственная литература, выраженіе чувствъ, мыслей и наблюденій народа, изложенное его собственнымъ языкомъ, и сохраненное его письменами. Литература есть свидѣтельство умственнаго бытія народовъ, священное наслѣдіе, передаваемое ими позднѣйшему потомству, сокровище, святилище всего, что дорого человѣку въ жизни. *Всего*, говорю я. Не одна слава народная, не одни творенія поэтовъ передаются литературою. Во всякомъ народѣ возникаетъ, въ началѣ его образованія, особый, возвышенный, таинственный языкъ, для выраженія его благоговѣнія и богопочитанія, и для преданія потомству священныхъ событій и великихъ ученій Вѣры. — Съ рожденіемъ литературы, эпохи и періоды языка считаются по классическимъ писателямъ, какъ эпохи исторіи государствъ монархическихъ различаются по царствованіямъ. Одинъ великій человѣкъ даетъ направленіе уму и языку цѣлой націи, и воздвигаетъ себѣ памятникъ на все время существованія языка.

Просвѣщеніемъ народовъ вѣрою и наукою, знаменуется возвышеніе ихъ на степень народовъ образованныхъ. Литература есть необходимая спут-

ница этой образованности: она для народа то же, что грамота для отдѣльнаго человѣка. Только грамотный человѣкъ можетъ передать внукамъ свои мысли, ощущенія, опыты; только народы, имѣющіе собственную свою литературу, передаютъ существенную часть свою, свою душу, свою славу, свое бытіе, позднему потомству. Гдѣ грозные завоеватели, приводившіе въ трепетъ обитателей юнаго міра? Гдѣ слава дикихъ разрушителей царствъ сѣдой древности? Страшныя о нихъ сказанія отзвучали въ устахъ растерзанныхъ ими народовъ, и только тѣ изъ нихъ перешли именами и дѣлами своими въ потомство, которые бились съ врагами грамотными. Побѣжденные отистили своимъ побѣдителямъ безсмертіемъ, и навѣкъ внесли въ книгу дѣлъ человѣческихъ протестъ свой противъ варварства, насилія и безчеловѣчія. Имена Камбизовъ, Аттилъ, Батыевъ съ ужасомъ произносятся въ потомствѣ. Творенія Гомера, Виргилія составляютъ наслажденіе всего образованнаго міра, радуютъ и утѣшаютъ человѣчество въ теченіе тысячелѣтій. Гунны, Авары, Вандалы исчезли съ лица земли. Греки и Римляне живутъ благороднѣйшею частію своею съ позднѣйшихъ вѣкахъ, и обѣщаютъ безсмертіе своимъ подражателямъ и ревнителямъ.

Что было первымъ твореніемъ всякой литературы? Поэзія, дѣтская пѣснь народа, первый вопль радости и унынія человѣческаго сердца, безотчетно выражавшаго свои наслажденія и горести. Проза родилась гораздо позже, да и

та въ началѣ смѣшана была съ поэзіею, и съ трудомъ отъ нее отдѣлялась. Исторія первыхъ временъ всякаго народа есть сказка, смѣсь вымысла съ истиною, дѣйствительности съ чародѣйствомъ и вліяніемъ грозныхъ силъ. За нею идетъ собственное краснорѣчіе, слово ума, выраженное поэтическими формами. Съ водвореніемъ наукъ, возникаетъ проза философическая и дидактическая. Высшая степень прозы есть искусственный книжный языкъ, который образуется у всякаго грамотнаго народа изъ національныхъ стихій, изъ подражанія языкамъ классическимъ, изъ выводовъ, указаній и требованій науки, изъ законовъ вкуса, который можетъ быть названъ совѣстью ума, и изъ утонченія и облагороженія общественной жизни. Есть еще языкъ легкій, пріятный, игривый, острый, прихотливый, неуловимый — это языкъ бесѣды высшаго общества: это, какъ утверждаютъ, предвѣстникъ паденія языковъ, но онъ до такой степени прельщаетъ и своихъ и чужихъ, такъ счастливо выражаетъ всякую мысль, такъ искусно скрываетъ скудость мысли, такъ мило замѣняетъ ея отсутствіе, что его можно сравнить съ мелодическою пѣснію лебедя предъ его смертію. Ужъ если языку должно умереть, пусть скончается онъ, совершивъ на земли все свое теченіе, оставляя по себѣ нетлѣнные монументы во всѣхъ родахъ и память счастливаго, благодатнаго своего бытія. Пусть дѣти отдаленнаго потомства читаютъ надгробную его надпись, какъ мы разбираемъ письмена санскрит-

скія, свидѣтельствующія о существованіи въ глубочайшей древности народа великаго, умнаго и просвѣщеннаго!

Представивъ въ общихъ очеркахъ происхожденіе, рожденіе, образованіе и паденіе языковъ, являющихся во времени, взглянемъ на нихъ, какъ на данныя, какъ на явленія въ пространствѣ.

Общее и сравнительное языкоученіе существуетъ издавна, но не всегда было основано на здравыхъ философскихъ началахъ. Нерѣдко являлись въ ученой публикѣ самыя странныя выдумки и предположенія лингвистовъ: многіе изъ нихъ хотѣли изъ существующихъ языковъ доискаться языка первоначальнаго; другіе выводили происхожденіе всѣхъ языковъ изъ какого нибудь имъ извѣстнаго: такъ одинъ нидерландскій ученый производилъ всѣ языки отъ голландскаго, а этотъ языкъ самъ образовался, лѣтъ за триста предъ симъ, изъ областнаго германскаго нарѣчія. Безплодные и отчасти безтолковые труды сіи оцѣнены по достоинству ученою критикою, но съ ними не должно смѣшивать сравнительнаго языкоученія, основаннаго не на догадкахъ и соображеніяхъ, а на дѣйствительныхъ фактахъ и вещественныхъ матеріалахъ, собранныхъ систематически, приведенныхъ въ стройный, сообразный съ цѣлію порядокъ, и очищенныхъ строгою, ученою критикою. Важнѣйшимъ для того матеріаломъ служатъ сравнительные словари всѣхъ языковъ, составленные по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины II. Сама Импера-

трица участвовала въ ихъ составленіи, и всѣми средствами старалась ихъ пополнить. На основаніи сихъ словарей выведены позднѣйшими учеными многія, важныя историческія и филологическія наблюденія. Въ числѣ особъ, трудившихся по сей части, отличается А. С. Шишковъ.

По новѣйшимъ изысканіямъ, языковъ на Земномъ Шарѣ болѣе трехъ тысячъ. Вообще они могутъ быть раздѣлены на языки односложные, каковы: китайскій, тонкинскій и кохинхинскій, тибетскій, сіамскій и другіе въ Задней Индіи, и на языки многосложные, къ которымъ принадлежатъ всѣ прочіе. Насъ должны преимущественно занять языки, давшіе начало Языку Русскому, и имѣвшіе на него вліяніе.

Это система Языковъ Индо-Европейскихъ. Европа есть полуостровъ Азіи, подобно Аравіи, Деккану и Малаккѣ, и изъ этого общаго источника получила свое населеніе и языки. Въ глубочайшей древности образовалась въ Средней Азіи система языковъ, пустившая свои вѣтви во всѣ стороны. Къ ней принадлежатъ: А. Оставшіеся въ Азіи: 1. Языкъ *Санскритскій*, первоначальный языкъ Индіи, сохранившійся въ священныхъ книгахъ Индѣйцевъ; ближайшая отрасль его есть языкъ малайскій, или Кави, распространившійся на югъ отъ Азіи и на востокъ отъ Мадагаскара, по всему Индѣйскому и Тихому Океану до самаго Острова Пасхи. 2. *Мидійскіе* языки, зендскій, сходный съ санскритскимъ, пелевскій, древній и новый персидскій. 3. *Семитическіе* языки, къ которымъ при-

надлежатъ арабскій и еврейскій. В. Перешедшіе въ Европу: 1. *Греческій*. 2. *Германскіе* языки, раздѣляющіеся на сѣверные, или скандинавскіе, и собственно нѣмецкіе, къ которымъ принадлежатъ англійскій и голландскій. 3. *Кельтическіе* языки. 4. *Латинскій*, или *римскій языкъ*, отъ котораго, въ смѣшеніи съ прежними, происходятъ италіянскій, испанскій, португальскій, романскій, французскій. 5. *Славянскіе* языки, о которыхъ мы въ послѣдствіи будемъ говорить подробнѣе *. Сверхъ того перешли въ Европу изъ Азіи финскіе, или чудскіе языки, венгерскій и татарскій. Оставимъ безъ вниманія прочіе языки Азіи и другихъ частей Свѣта, не имѣющіе отношенія къ излагаемому нами предмету. Скажемъ, что не всѣ изъ упомянутыхъ нами языковъ, и еще менѣе изъ неупомянутыхъ, имѣютъ письмена, а литература находится еще у меньшаго числа. Литература классическая, имѣвшая вліяніе на ходъ образованія рода человѣческаго, и извѣстная дѣйствіемъ своимъ на прочіе языки, найдется едва ли у двадцати народовъ.

Мы говорили досель о языкахъ народныхъ, о языкахъ, составившихся органически, утвержденныхъ грамотою, и обогащенныхъ литературою. Сверхъ того существуютъ языки условные, вымышленные людьми для употребленія ихъ въ переговорахъ, которые должны быть тайною для дру-

* Ueber den Ursprung und die verschiedenartige Verwandschaft der europäischen Sprachen, von Chr. G. v. Arndt. Fr. am M. 1828.

гихъ. Такой языкъ существуетъ во Франціи между ворами, и называется argot; въ Германіи онъ составился также между ворами и разбойниками, называется Rothwelsch, имѣетъ свои словари и правила. У насъ, въ Россіи, существуетъ такой же условный искусственный языкъ, не между ворами, а между торгашами, ходебщиками, суздалами — то есть людьми, которые у древнихъ Грековъ поклонялись Меркурію, наравнѣ съ вышеприведенными классами. Этотъ языкъ, называютъ суздальскимъ, и — очень странно — офенскимъ *.

Всякій языкъ, какъ мы уже сказали выше, носитъ на себѣ отпечатокъ исторіи и характера народа, который его употребляетъ: разныя слова ложатся въ немъ, какъ слои земель въ геологическихъ формаціяхъ, иногда правильными пластами, но большею частію смѣшанные и искаженные. Въ англійскомъ языкѣ, напримѣръ, видимъ слова древняго языка Бриттовъ, потомъ слова латинскія, занесенныя къ нимъ первыми ихъ покорителями, Римлянами; слова Англь-Саксовъ, слова датскія, слова французскія. Въ немъ есть даже слова чисто италіянскія. Французскія формы сохранились въ актахъ парламентскихъ и королевскихъ донынѣ. Нѣмецкій языкъ гораздо оригинальнѣе и самостоятельнѣе англійскаго, но и въ немъ много латинскихъ и славянскихъ стихій, что объясняется его происхожденіемъ и древнею исторіею. О составѣ

* См. *Труды Московскаго Общества любителей Россійской Словесности*. М. 1820. Томъ XX. стр. 237.

Языка Русскаго будемъ говорить подробнѣе, когда коснемся его исторіи. Филологія, какъ мы уже замѣтили выше, есть вѣрная спутница исторіи, особенно народовъ древнихъ. Одно какое-нибудь слово подаетъ нить къ открытіямъ и изысканіямъ въ лабиринтѣ темныхъ сказаній, въ тѣ времена, когда не было не только исторіи, но и грамоты, и когда народы, проходя по обширнымъ странамъ, оставляли единственными по себѣ памятниками слова свои въ урочищахъ и въ нарѣчіяхъ покоренныхъ ими племенъ. Въ этомъ отношеніи представляются намъ любопытные феномены. Такъ, напримѣръ, посреди народовъ дикаго Кавказа есть племя, которое говоритъ чисто древнимъ ирландскимъ нарѣчіемъ.

Характеръ народа, равно какъ и свойство страны, равномѣрно проявляется въ свойствахъ языка его. Въ языкѣ греческомъ, напримѣръ, видимъ раздробленіе народа на многія, отчасти враждебныя племена; видимъ пылкое, свѣтлое и игривое воображеніе, особенную музыкальность народа, проявившуюся въ обиліи звуковъ языка, по которой онъ составилъ и стихи свои и прозу; видимъ творческую его силу и занятіе игрушками младенчествующей жизни. Пѣснопѣнія и повѣствованія Гомера остались у насъ, какъ колыбельная пѣснь человѣчества, какъ дѣтская сказка ребяческихъ дней его. Языкъ позднѣйшихъ греческихъ писателей являетъ намъ развитіе юношескаго духа человѣчества во всей его красѣ. — Языкъ Римлянъ есть глаголъ воинственныхъ, неумолимыхъ побѣдителей, без-

смертнаго сената, величавыхъ императоровъ, судей и ораторовъ. Слова повелительныя короче всѣхъ прочихъ: Римляне отсѣкли членъ и мѣстоименіе отъ своихъ именъ и глаголовъ, и то, что въ Спартѣ, подъ именемъ лаконисма, было искусственнымъ отличіемъ воинственнаго племени, въ Римѣ сдѣлалось характеромъ владыкъ вселенной. Языкъ Рима сохранился въ употребленіи неумолимаго закона, въ Римскомъ Правѣ, и сдѣлался словомъ Церкви твердой, исключительной и нетерпящей совмѣстничества и противорѣчія.

Языкъ французскій — прошу почтенныхъ моихъ слушателей, изъ нѣкоторыхъ словъ и замѣчаній моихъ объ элементахъ и качествахъ языка французскаго, не заключать, чтобъ я имѣлъ нелѣпую мысль возставать на него: всякій языкъ есть твореніе людей, по непреложнымъ законамъ души и жизни человѣческой, слѣдственно всякій заслуживаетъ наше уваженіе. Скажу болѣе: образованіе прекраснаго Французскаго языка изъ началъ скудныхъ, разнородныхъ и безсвязныхъ, приноситъ великую честь уму, геніяльности и любви къ отечественному слову прежнихъ и нынѣшнихъ Французовъ. Въ этомъ случаѣ намъ не худо было бы взять съ нихъ примѣръ: мы подражаемъ имъ во многомъ, что не достойно подражанія. Станемъ, подобно имъ, любить отечественный языкъ, обработывать, обогащать его новыми національными выраженіями и оборотами; будемъ стараться объ очищеніи его отъ всего неблагороднаго, грубаго, варварскаго, чуждаго; будемъ говорить въ

Петербургѣ и Москвѣ по-русски, какъ говорятъ въ Парижѣ и въ Ліонѣ по-французски. Перестанемъ бояться граматтики, и отсылать ее въ дѣтскую и въ приходское училище. Такое подражаніе поведетъ насъ къ оригинальности и самостоятельности. Къ счастію, это желаніе наше исполняется въ нынѣшнее время. — Первоначальная скудость французскаго языка отнюдь не подаетъ повода унижать этотъ языкъ; напротивъ, онъ тѣмъ болѣе достоинъ уваженія, что изъ малыхъ началъ и способовъ, сдѣлалъ удивительное употребленіе. Народъ, который не радитъ о прекрасномъ, обильномъ, живомъ отечественномъ языкѣ, есть невѣжда, скрывающій богатое наслѣдство, чистое золото, въ сундукахъ, безъ пользы себѣ и другимъ. Народъ, который изъ лоскутьевъ, обрывковъ и крохъ составилъ языкъ выразительный, общепонятный и всѣми изучаемый, есть Ротшильдъ, который даетъ жизнь и цѣну ничтожнымъ бумажкамъ, выдѣланнымъ изъ тряпья. Кто же изъ нихъ истинно богатъ? — Въ которомъ языкѣ мысль можетъ быть выражена такъ вѣрно, чисто, ясно и отчетисто, какъ во французскомъ? Гдѣ найдемъ столько синонимовъ, и такъ вѣрно оттѣненныхъ и постепенныхъ, какъ, напримѣръ, слѣдующіе: bas, abject, vil, grossier, rustique, rustre, manant, impoli, incivil, impertinent, insolent, malhonnête, suffisant, important, rogue, arrogant, impudent, éhonté, effronté, fat, fanfaron, orgueilleux, vain, fier, dédaigneux, glorieux, avantageux, présomptueux, ambitieux, hautain, superbe. Французскій языкъ по-

ситъ на себѣ характеръ народа умнаго, словоохотнаго, тщеславнаго и достигшаго высшей степени образованія. Въ немъ преимущественно красуется упомянутый нами слогъ бесѣды высшаго общества, предвѣстникъ паденія языка. Французскій языкъ съ XVII вѣка сдѣлался преимущественно языкомъ дипломатическимъ, какъ по обработанности и ясности своей, такъ и по удобству его къ двуличности: слово δίπλωμα отъ διπλοῦς, двойной, и значитъ двойственность. Ни на одномъ языкѣ въ свѣтѣ нельзя наговорить такъ много, и не сказать тѣмъ ничего, какъ на французскомъ. Только французскому дипломату, Талейрану, можно было сказать, что языкъ данъ человѣку для сокрытія его мысли. Есть, правда, мастера и на другихъ языкахъ говорить безъ толку и безъ мыслей, но они вскорѣ выведутъ изъ терпѣнія, а Французъ заставитъ забыть, что въ свѣтѣ есть терпѣніе. Нашему вралю, послѣ длинной тирады, скажешь: помилуй, братецъ, не понимаю! А на пустую рѣчь умнаго Француза по неволѣ дашь отвѣтъ: сущая правда, а что вы изволили сказать? — Изъ французскаго языка заимствованы, у насъ и въ многихъ другихъ языкахъ Европы, слова, относящіяся къ военному дѣлу (*алебарда, армія, баттарея, бригада, гвардія, дивизія, драгунъ, жандармъ, залпъ, инженеръ, казарма, капралъ, канонада, кирасъ, мортира, партизанъ, сержантъ, солдатъ, траншея, эполетъ*), къ нарядамъ (*камзолъ, кокарда, мода, парикъ, помада, пудра, сюртукъ, тафта*), къ театру (*актеръ, актъ, амплуа,*

водевиль, *пiеса*, *репертуаръ*, *роль*, *спектакль*), и къ кухнѣ (*булiонъ*, *бутылка*, *кастрюля*, *лимонадъ*, *оржатъ*, *паштеты*, *салатъ*, *сосиська*, *соусъ*, *супъ*).

Англiйскiй языкъ представляетъ также достойное примѣчанiя явленiе. Британцы, какъ я сказалъ выше, составили его изъ разнородныхъ частей и началъ, но придали ему свой оригинальный характеръ, образовали для него такое произношенiе, которое могло составиться только на островѣ, у народа, считающаго себя (и во многихъ отношенiяхъ, не безъ причинъ) выше другихъ. Только Русскiе могутъ поддѣлаться подъ этотъ британскiй выговоръ, и нѣкоторые изъ нашихъ земляковъ удивляютъ Англичанъ своимъ произношенiемъ ихъ языка. Языкъ Англiи, земли библейскихъ обществъ, парламентовъ и прейскурантовъ, способенъ къ выспренней поэзiи, къ сильному, дѣльному витiйству, къ отправленiю дѣлъ общественной жизни. Шекспиръ и Мильтонъ, Питтъ и Каннингъ, Ротшильдъ и Бернагъ употребляютъ его съ равнымъ искусствомъ и успѣхомъ. Грамматика англiйская есть самая опредѣленная, логическая. Характеръ народа выразился у Англичанъ и въ правописанiи: кромѣ именъ собственныхъ, начинается у нихъ прописною буквою, или лучше сказать составляется этою буквою, одно слово, и это слово есть I, — *я*. У насъ заимствовало немного словъ англiйскихъ: таковы относящiяся къ морскому дѣлу (*бимсы*, *блоки*, *болтъ*, *бушпритъ*, *брасъ*, *виндзейль*, *декъ*, *докъ*, *лагъ*, *мичманъ*, *моль*, *порты*, *рифъ*, *флейтъ*, *шлюпъ*, *штормъ*,

юнга, яхта), и еще нѣкоторые термины, которыми означаются предметы, исключительно принадлежащіе Англіи; напримѣръ: *леди, денди, комфортъ, пуддингъ, ярдъ.*

На противоположномъ краю Европы, на развалинахъ средоточія исполинской Римской Имперіи, возникло умственное царство изящныхъ искусствъ. Италія, утративъ вещественную власть надъ тремя частями Свѣта, потерявъ торговлю съ Востокомъ, которою цвѣла въ Средніе Вѣки, славится и владычествуетъ донынѣ своими талантами и геніемъ. И языкъ ея, нѣжный, пріятный, мелодическій, отличается отъ прочихъ языковъ тѣмъ, что богатъ поэзіею, и не имѣетъ прозы: она разцвѣла и увяла съ вѣкомъ Медичи и Льва X. Этимъ сладостнымъ языкомъ только и могли говорить Рафаэль и Микель-Анджело, Канова и Россини. Но, при успѣхахъ и процвѣтаніи въ Италіи всего прекраснаго и высокопарнаго, видимъ тамъ, въ то же время, человѣчество на низшей его степени: видимъ чернь, коснѣющую въ невѣжествѣ и во всѣхъ порокахъ, грубую, неопрятную, корыстолюбивую, кровожадную. Вмѣстѣ съ техническими словами искусствъ, sestini и concetti, alfresco и adagio, furore и fiasco, вошли въ общее употребленіе Европы коммерческіе термины: agio, banquiere, ristretto, обломки старинной италіянской торговли, и сверхъ того, для означенія людей близкихъ къ животнымъ, вкралось во всѣ европейскіе языки италіянское слово canaglia.

Къ сѣверу отъ Италіи, въ самой срединѣ Ев-

ропы, образовался языкъ нѣмецкій, имѣвшій, особенно въ послѣднее время, важное вліяніе на литературу и самые языки остальныхъ странъ нашей части Свѣта. Происходя непосредственно отъ общаго источника языковъ индо-европейскихъ, собственно книжный нѣмецкій языкъ образовался съ XVI вѣка Лютеровымъ переводомъ Библіи, и богатствомъ, гибкостію, способностію принимать всѣ формы и пользоваться сокровищами другихъ языковъ, занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми языками въ свѣтѣ. Германія есть преимущественно страна умозрѣнія и науки: богословіе, правовѣдѣніе, раціональная медицина и философія процвѣтаютъ въ ней во всей силѣ, и распространяютъ изъ этого средоточія Европы лучи просвѣщенія во всѣ страны. Нѣмцы, основательнымъ изученіемъ всѣхъ иноплеменныхъ языковъ, усвоили себѣ, въ близкихъ, классическихъ переводахъ, литературу всѣхъ прочихъ новыхъ и древнихъ народовъ. Тому, кто основательно знаетъ по-нѣмецки, открытъ входъ въ святилище всякой науки, всякой словесности. Но, по странному сгибу ума человѣческаго, собственный языкъ у Нѣмцевъ долгое время былъ въ презрѣніи. Знаменитый философъ нѣмецкій и европейскій, Лейбницъ, выражалъ мысли и наблюденія свои по-латыни и по-французски. Величайшій изъ протестантскихъ владыкъ Германіи, Фридрихъ II, не зналъ литературы своего отечества, даже презиралъ ее — и въ то время, когда въ ней уже славились Клопштокъ, Лессингъ, Гете, Виландъ, осыпалъ ее насмѣш-

ками въ французской брошюркѣ. Христіанъ Вольфъ первый рѣшился говорить о философіи по-нѣмецки, и распространилъ занятія умозрительными науками во всемъ своемъ отечествѣ. Но долгое еще время ученый языкъ нѣмецкій коснѣлъ въ дикости и варварствѣ. Достойное вниманія явленіе! Поэтическій языкъ Нѣмцевъ, выразителенъ, глубокъ, нѣженъ, изобилуетъ задушевными словами, которыхъ ни на какомъ другомъ передать не возможно (кто переведетъ: Gemüth, Sehnsucht, Ahnung?); служилъ орудіемъ къ выраженію созданій великихъ поэтовъ, и принималъ, по указанію ихъ генія, всѣ возможные виды и формы, отъ временъ миннезингеровъ донынѣ, а языкъ умозрѣнія и науки влачился въ оковахъ педантства. Кантъ писалъ слогомъ тяжелымъ и темнымъ, въ которомъ молнія его генія блистали какъ въ ночномъ мракѣ. Подражатели и послѣдователи, которые въ своемъ подлинникѣ перенимаютъ всегда только легкое, то есть слабое, перещеголяли его въ непостижимости. Выспренность, туманность, непонятность сдѣлались оболочкою великихъ истинъ и открытій въ области ума человѣческаго. Многіе ученые поступали такъ отнюдь по необходимости: они щеголяли этою непостижимостью, которая, имѣя свое начало въ выспренности и отвлеченности выражаемыхъ ими идей, въ теченіе времени сдѣлалась привычкою, отъ которой не могли освободиться и первые мыслители націи. Знаменитѣйшій изъ новѣйшихъ философовъ (Гегель), на смертномъ одрѣ своемъ, сказалъ: «только одинъ ученикъ меня по-

ніяхъ,» и потомъ съ унынiемъ прибавилъ: «нѣтъ! и онъ меня не понималъ!» Кажется однако, что мода на этотъ, такъ называемый, философскій образъ изложенія мыслей проходитъ въ самой Германіи. Недавно читали мы въ одномъ ученомъ журналѣ дѣльныя замѣчанія, что пора оставить этотъ искусственный, высокопарный языкъ; пора называть каждую вещь ея собственнымъ именемъ. Нѣкоторые новые писатели Германіи, и въ числѣ ихъ недавно умершій Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, представили образцы ученаго языка благороднаго, возвышеннаго, притомъ яснаго и понятнаго. Къ сожалѣнію, страсть къ отвлеченному выраженію предметовъ вовсе не отвлеченныхъ, перешла изъ Германіи въ другія страны, въ другіе языки, и сдѣлалась тамъ смѣшною и нелѣпою. Въ Германіи философскій этотъ языкъ образовался мало по малу, отъ постепеннаго возвышенія мыслей тамошнихъ мудрецовъ на лѣстницѣ умозрѣнія, и публика въ теченіе времени къ нему привыкла; тамъ онъ облекаетъ понятія и мысли возвышенныя и недостижимыя простому читателю, а у подражателей нѣмецкимъ философамъ, онъ сдѣлался какою-то барабанною дробью, въ которой, если и есть какіе тоны, то они исходятъ изъ пустоты. Эта комическая проза возносится на высшую свою степень въ твореніяхъ тѣхъ софистовъ, которые и по-нѣмецки не знаютъ, а только вторятъ дѣйствіямъ своего доморощеннаго тамбуръ-мажора. Французы заимствовали встарину ученость и словесность у Италіянцевъ и Испанцевъ; потомъ, по

рекомендаціи Вольтера, обратились къ Англичанамъ; нынѣ стараются изучать Нѣмцевъ, переводить ихъ философовъ, историковъ и поэтовъ, и забавляютъ грамотный міръ своими промахами. Во Франціи это дѣло моды; она пройдетъ скоро, и конечно оставитъ по себѣ и благотворные слѣды: нѣсколько счастливыхъ выраженій, нѣсколько новыхъ смѣлыхъ оборотовъ. Гимнастика ума и языка не мѣшаетъ ихъ развитію; только должно знать, гдѣ остановиться. — Достойно любопытства, что мы заимствовали изъ нѣмецкаго языка множество словъ, относящихся къ обыкновенной жизни; напримѣръ: *галстухъ, квартира, муфта, позументъ, почта, слесарь, трауръ, тюрьма, факелъ, фалда, фальшивый;* означающихъ предметы ремеслъ, торговли и купеческаго мореходства: *балластъ, биржа, бличирь, бургомистръ, вексель, верфь, гавань, гезель, гильдія, дрягиль, ефимокъ, кассиръ, маклеръ, процентъ, рашуша, рейдъ, фунтъ, ярмарка;* термины военные: *абшидъ, арестъ, брустверъ, гауптвахта, егерь, картечь, лагерь, лафетъ, мундиръ, провіантъ, ранецъ, рапира, рекрутъ, ротмистръ, турниръ, фельдъегерь, фурлетъ, шарфъ, шлагбаумъ, штурмъ;* горные: *бергмейстеръ, гиттенфервальтеръ, горнъ, шахта,* и наконецъ все, что относится къ конюшнѣ: *берейтеръ, капцунъ, кучеръ, муштукъ, рейткнехтъ, тренгель, форрейтеръ, шпоры, шталмейстеръ.*

Обратимся теперь къ Языку Русскому. Хотя полное и совершенно достаточное обозрѣніе его свойствъ и особенностей можетъ быть представлено

не прежде изложенія его исторіи и главныхъ началъ, но мы предваримъ это заключеніе легкимъ обзоромъ предлежащаго намъ предмета, полагая, что повтореніе сказаннаго, въ бесѣдахъ нашихъ, не всегда будетъ неумѣстнымъ.

Языкъ Русскій, происходя непосредственно отъ древняго славянскаго корня, носитъ на себѣ печать отличительной самородности. Устройство его, въ грамматическомъ и лексикографическомъ отношеніи, удивительно своею правильностію, отчетливостію, неуклонностію отъ общихъ началъ, на которыхъ воздвигнуты условія человѣческаго слова. Неоднократно случалось мнѣ, при составленіи моей грамматики, замѣчать, что вопросы, приводящіе въ затрудненіе глубокомысленнѣйшихъ лингвистовъ иностранныхъ, въ русскомъ языкѣ разрѣшаются сами собою. Правила, неполныя въ теоріи другихъ языковъ, находятъ свое довершеніе въ русскомъ. Логика его, строгая и отчетливая, свидѣтельствуетъ о необыкновенно правильномъ и твердомъ умѣ русскаго народа, который самъ, по влеченію своего здраваго смысла и музыкальнаго слуха, составилъ этотъ языкъ, какъ соловей изливаетъ свою разнообразную, неподражаемую и невыразимую мелодію.—Богатствомъ и гибкостію формъ онъ немногимъ уступаетъ языку греческому, и можетъ стать наряду съ нѣмецкимъ. У насъ выражается гомерически: и румяноланитная дѣва, и конноспѣшные мужи, и лѣпокудрая Гера, и широкоразливное море. Цесарь, только на русскомъ языкѣ, могъ бы сказать знаменитое: пришелъ,

увидѣлъ, побѣдилъ! Образовавшись отъ двухъ различныхъ началъ, языка простонароднаго, и другаго, языка искусственнаго, языка Церкви, онъ различными способами выражаетъ предметы выспренніе, и вещи обыкновенной жизни; не говоримъ уже о разныхъ словахъ: *ротъ* и *уста*, *щеки* и *ланиты*; *лобъ* и *чело*, *топоръ* и *сѣкира*; и въ самыхъ формахъ словъ выражается возвышеніе понятія отъ чувственнаго къ умственному; напримѣръ: *огораживать заборомъ*, и *ограждать спокойствіемъ*; *выбѣливать стѣну*, и *убѣлять сѣдиною*; *отбоживаться отъ вины*, и *обожать святыню*. Конструкція русскаго языка, или совокупленіе и порядокъ словъ его въ предложеніи или періодѣ, долгое время почитавшаяся произвольною, основана на ясныхъ и твердыхъ правилахъ, сообразныхъ съ требованіями строгой логики. Въ стихосложеніи своемъ русскій языкъ счастливо подражаетъ гексаметру греческому и латинскому, передаетъ намъ и шестистопный александрійскій стихъ Расина, и пятистопные ямбы Шиллера, съ риемою и безъ риемы; легокъ и натураленъ въ комедіяхъ, басняхъ и эпиграммахъ; выразителенъ и унылъ въ элегіяхъ. Если у насъ нѣкоторые роды прозы еще не установлены, это единственно по той причинѣ, что русскіе писатели въ этихъ родахъ не упражнялись. Гдѣ только рука генія коснется сихъ громадныхъ гранитовъ, тамъ въ ту же минуту забьетъ живой ключъ слова русскаго, свѣжаго, неподдѣльнаго, нашего. Въ безуспѣшности другихъ дѣлателей виноватъ не языкъ.

Одинъ нѣмецкій писатель * сказалъ очень умно и справедливо: «Языкъ есть мечъ, зарытый въ землю; надобно, во-первыхъ, умѣть найти его; во вторыхъ, умѣть употребить. Не мечъ слабъ, а рука слаба.»

История и характеръ Русскаго Народа проявляются въ языкѣ его не одними отдѣльными словами, заимствованными имъ у народовъ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія. Разлегшись по привольной, обширной равнинѣ, не пересѣкаемой горами, раздѣляющими народы на многія нарѣчія, орошаемой широкими и глубокими рѣками, лучшими средствами сообщенія, великороссійскій языкъ почти вовсе не имѣетъ областныхъ нарѣчій. Утвердивъ главное сѣдалище Церкви и власти государственной не на границѣ съ чужими краями, а въ самомъ сердцѣ своемъ, Русскій Народъ сохранилъ въ языкѣ самобытность и оригинальность, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе народы заимствуютъ слова, выраженія у иноплеменныхъ сосѣдей, долженъ былъ черпать изъ собственнаго своего сокровища: такимъ образомъ возникъ этотъ удивительный организмъ русскаго слова. Охраняясь въ единствѣ Вѣры попеченіемъ Православной Церкви, ограждаясь благодѣтельною Верховною Властію отъ злоупотребленій дара слова въ письмѣ и печати, онъ, въ характерѣ своемъ, принялъ какое-то цѣломудріе и благородство, чуждающееся дикости, разврата и цинисма въ выраженіяхъ,

* Гердеръ.

которыя у другихъ просвѣщенныхъ народовъ терпимы и позволительны. Но языкъ этотъ не лишился оттого иныхъ свойствъ народныхъ, веселости, замысловатости, простодушной насмѣшливости — которыя проявляются и въ поговоркахъ народныхъ и въ произведеніяхъ литературы, напримѣръ, въ эпиграммахъ, въ басняхъ Крылова, въ комедіи Грибоѣдова, этихъ оригинальныхъ созданіяхъ, въ которыхъ видна, по выраженію Карамзина, вся игра ума Русскаго.

Обратимъ бѣглый взглядъ на путь, нами пройденный, и повторимъ главные выводы нынѣшней нашей бесѣды:

Языкъ, даръ слова, или способность выражать звуками голоса движенія и дѣйствія душевныя, чувствованія и мысли, и сообщаться умомъ съ подобными намъ существами, есть предметъ достойный вниманія, изученія и изслѣдованія всякаго образованнаго, мыслящаго человѣка; родной языкъ драгоцѣненъ, важенъ и любезенъ всякому сыну отечества.

Языкъ есть органическое дѣйствіе, свойственное и прирожденное человѣку, любимцу Божества на землѣ, созданному для жизни общественной, одаренному душею безсмертною.

Языкъ происходитъ въ обществѣ человѣческомъ по законамъ полярности, т. е. взаимнаго содѣйствія двухъ противоположныхъ началъ, мысли и звука. Мысль есть душа его; звукъ есть тѣло, оболочка, проявленіе невидимой души въ видимомъ.

Языкъ составился въ обществѣ людей мало по малу, по мѣрѣ распространенія ихъ нуждъ и понятій точно такъ, какъ составляется языкъ младенца.

Подражаніе звукамъ природы было одною изъ стихій образованія языка, но не единственною и не исключительною. Мысль о Божествѣ проявилась въ немъ ранѣе всѣхъ прочихъ.

Разность языковъ произошла отъ постепеннаго разселенія людей по странамъ различныхъ свойствъ, и отъ столкновенія съ другими народами, но это образованіе всегда происходило по дѣйствію и указанію внутренняго, непостижимаго чувства, во-первыхъ человѣчества вообще, во-вторыхъ особенной народности.

Изобрѣтеніе грамоты. Прекращеніе органическаго образованія языка, и начало искусственнаго и ученаго.

Грамота произошла отъ представленія понятій посредствомъ ихъ изображенія; потомъ возникли іероглифы; наконецъ родились письмена, которыми выражаются не предметы мыслей, а звуки слова.

Грамота есть величайшее изобрѣтеніе человѣчества, но она слаба и ничтожна въ сравненіи съ органическимъ образованіемъ языка, дѣломъ Божіимъ.

По изобрѣтеніи грамоты отдѣльнаго человѣка, возникаетъ грамота цѣлаго народа — это литература.

Поэзія была первымъ творевіемъ всякой литературы. Языкъ высшаго, утонченнаго общества есть послѣднее ея произведеніе.

Всеобщее сравнительное языкоученіе представляетъ намъ языки Земнаго Шара въ общей между ними связи, но мы, готовясь къ изслѣдованію Русскаго Языка, должны ограничиться обозрѣніемъ языковъ Азіи, и изъ нихъ заняться тѣми только, которые, прежде ли нашего языка, въ одно ли съ нимъ время или послѣ, перешли въ Европу, и имѣли на него существенное вліяніе.

Всякій языкъ носитъ въ себѣ отпечатокъ исторіи и характера народа, что въ особенности будетъ ян-

ствовать, при изложенія происхожденія, образованія и нынѣшняго состоянія Языка Русскаго, главнаго предмета нашихъ бесѣдъ.

Въ исторіи нашего языка откроется намъ любопытная и великолѣпная картина. Исторія Русскаго Слова есть исторія Россійскаго Государства. Происходя отъ знаменитаго племени славянскаго, раскинувшаго вѣтви свои отъ рѣки Эльбы до Калифорніи, отъ Колы до Адріатики и мыса Матапана въ Европѣ, и до Аракса въ Азіи, Русскій Языкъ въ младенчествѣ пріялъ крещеніе и наслѣдіе просвѣщенія Восточной Церкви и Имперіи; росъ и и мужался въ борьбѣ и опытахъ, крѣпился вѣрою и правдою. Сколько нашествій иноплеменныхъ не претерпѣлъ онъ отъ Батыя до Бирона включительно! Монголы и Турки, Поляки съ латынью, Шведы съ реформаціею, напирали на него съ сѣвера и юга, съ востока и запада. Всѣ оковы чужеземныя стряхнулъ съ себя нашъ мощный исполинъ, освободился отъ иноплеменнаго папства, но не отвергалъ добраго, когда находилъ его у сосѣдей и супостатовъ. — Въ этомъ случаѣ опять находимъ дѣйствіе полярности: и правители и народъ, каждый съ своей стороны, стремились къ созданію нашей національности. Правительство шло впереди въ просвѣщеніи и образованіи, указывая путь народу. Народъ не отставалъ, трудился, работалъ, и такъ возникло то великолѣпное и богатое зданіе русскаго слова, которое насъ восхищаетъ и радуетъ, которое всякому изъ насъ

внушаетъ благородное чувство справедливой народной гордости. Было на насъ еще нашествіе французскаго языка со всѣми чарами и прельщеніями образованности, наукъ и литературы. Далеко ли то время, въ которое у насъ стыдомъ считали говорить по-русски? Давно ли комедіи, сатиры, эпиграммы принуждены бывали вооружаться за родной языкъ? Нынѣ это прошло. И для Языка Русскаго былъ двѣнадцатый годъ; и онъ изгналъ это нашествіе, вѣроятно, послѣднее; и онъ торжествуетъ тризну надъ могилами падшихъ пришельцевъ, но, памятуя признательность Петра Великаго за уроки, данные ему братомъ его, Карломъ, не поноситъ, не унижаетъ бывшихъ враговъ своихъ, а благодаритъ ихъ за наставленіе, и обѣщаетъ имъ воспользоваться.

Какъ древле глаголъ державнаго Рима господствовалъ въ трехъ частяхъ Свѣта, такъ Русскій Языкъ сталъ языкомъ государственнымъ имперіи, превосходящей обширностью всѣ древнія и новыя царства, имперіи, въ которой, дѣйствительно можно сказать, солнце не заходитъ, но это солнце, питающее, освѣщающее, оживляющее Русскую Землю, есть благотворное око нашего Царя, Котораго, за любовь Его къ Россіи, за прославленіе ея имени, за утвержденіе ея счастія, будутъ славить въ мірѣ, доколѣ будутъ говорить по-русски!

ВТОРОЕ ЧТЕНІЕ.

(8-го Декабря.)

Нынѣшнее чтеніе посвящено будетъ изложенію Исторіи Русскаго Языка. Въ заключеніи первой бесѣды упомянулъ я о главныхъ эпохахъ сей исторіи, и теперь предлежитъ мнѣ развить полнѣе то, о чемъ я тогда говорилъ слегка. Повторяю, что я намѣренъ представить Исторію собственно Русскаго Языка, а отнюдь не Исторію Русской Литературы, со всѣми ея отраслями, вѣтвями, листочками и цвѣточками. Буду говорить только о тѣхъ писателяхъ и твореніяхъ, которые имѣли вліяніе на образованіе и усовершеніе языка; стану касаться и тѣхъ, которые посягали на его правильность, чистоту и самородность; но вся средина между отлично хорошимъ и рѣшительно вреднымъ останется у насъ въ полусвѣтѣ: мои слу-

шатели рѣшатъ сами, который изъ неупомянутыхъ мною писателей болѣе приближается къ той или къ другой сторонѣ. Постараюсь снабдить всѣ выводы и мнѣнія мои ссылками и доводами, предоставляя всякому повѣрить истину сравненіемъ словъ моихъ съ живыми доказательствами.

Сказано уже мною, что всѣ языки Европы вышли изъ Азіи, но это переселеніе произошло не въ одно время и не одинаковымъ способомъ, а въ различныя эпохи и разными путями. Самыми древними обитателями нашей страны Свѣта, сколько можемъ догадываться, были Скиѳы и Кельты, или Цельты. Первые обитали въ сѣверной и восточной ея части, послѣдніе населяли западъ и часть юга. Слѣдами существованія Кельтовъ остались языки бретонскій во французской провинціи Бретани, басскій, или кантабрскій, въ Горахъ Пиренейскихъ, каледонскій въ сѣверной Шотландіи, гаэльскій въ Валлисѣ, и арнаутскій въ горахъ Эпира. Всѣ эти языки сохранились на оконечностяхъ земель, въ тѣсныхъ междугорьяхъ, куда загнали ихъ новые пришельцы. Остатки языка Скиѳовъ являются въ языкахъ чудскихъ (финскихъ), которые были оттѣснены къ сѣверу. Въ тѣхъ и другихъ находимъ монгольскія, тунгусскія и другія подобныя слова, свидѣтельствующія о происхожденіи ихъ изъ Средней Азіи. Старинное сродство языка кельтскаго съ арнаутскимъ видно изъ того, что въ послѣднемъ остались тѣ же имена

числительныя. Албанцы считаютъ, какъ Французы: un, deux, trois, quatre, и т. д.

За несколько тысячъ лѣтъ предъ симъ образовались въ Азіи двѣ системы языковъ, упомянутыя въ первомъ нашемъ Чтеніи: система языковъ индійскихъ, въ числѣ которыхъ самый обработанный былъ санскритскій, и языковъ мидійскихъ, т. е. зендскаго и персидскихъ, древняго и новаго. Эти языки, по мѣрѣ распространенія говорившихъ ими народовъ, заняли значительное пространство Средней и Южной Азіи, къ востоку простерлись до языковъ китайскаго и сходныхъ съ нимъ односложныхъ языковъ Азіи; къ западу дошли до языковъ семитическихъ, т. е. арабскихъ. Многія отрасли этого индійскаго корня пустились въ Европу, вѣроятно чрезъ Кавказъ, т. е. между Чернымъ и Каспійскимъ Морями, и получили оттого, въ новѣйшія времена, названія индо-европейскихъ или индо-кавказскихъ языковъ. Переходя въ Европу, сіи языки оставляли слѣды свои на пути, и эти оставленныя ими отрасли, смѣшавшись съ языками семитическими и татарскими, произвели нынѣшнія разнообразныя нарѣчія племенъ, населяющихъ Кавказъ. Азіатская громада нахлынула въ Европу, повидимому, въ несмѣтномъ числѣ и съ превосходнымъ по тому времени оружіемъ. Населявшія ее дотолѣ племена скиѳскія и кельтскія уклонились отъ грозныхъ и сильныхъ пришельцевъ: первыя, какъ мы сказали, переселились въ самыя сѣверныя страны; послѣднія скрылись въ горахъ и неприступныхъ доли-

нахъ, на самомъ краю извѣстныхъ тогда земель. Новоприбывшіе поселенцы разсѣялись во всѣ стороны: первая часть ихъ, которую мы назовемъ отраслію ѳракійскою, обогнувъ Черное Море, перешла Дунай, и заняла всѣ страны нынѣшней Европейской Турціи, населила острова Архипелага, и смѣшавшись съ прежними тамошними жителями, Пелазгами, составила прекраснѣйшій изъ языковъ Европы, не мертвый, а безсмертный языкъ эллинскій. Другая отрасль пошла далѣе, проникла до юга Европы по полуострову Италіи, и составила языкъ Латиновъ, въ послѣдствіи Римлянъ, который былъ въ безпрерывномъ сношеніи съ греческимъ, и получилъ отъ него многія слова и обороты, сверхъ принадлежавшихъ имъ обоимъ, по общему происхожденію. — Третье отдѣленіе этого переселенія двинулось на западъ, и составило языки германскіе, въ средней Европѣ, пустившіе отрасли свои къ сѣверу и западу. — Четвертая громада отъ Кавказа потянулась къ сѣверу, основалась въ нынѣшней Россіи, двинулась за Вислу до предѣловъ германскихъ: на сѣверѣ притиснула племена скиѳскія къ Балтійскому Морю и Сѣверному Океану; на югозападѣ простерлась до Адріатики, и тамъ столкнулась съ латинскою отраслію; къ югу пролилась до оконечности Мореи. Это послѣднее, обширнѣйшее противу всѣхъ поколѣніе есть *славянское*. — Вотъ четыре отрасли индоевропейскаго древа языковъ: другое древо осталось на старинной почвѣ, въ Индіи в Персіи. Вы потребуете у меня доказательствъ сказанному,

ссылокъ на древнихъ и новыхъ писателей, на книги и рукописи. Ссылокъ на современныхъ событіямъ писателей нѣтъ, потому что въ то время, когда совершались эти переселенія, не было еще ни писателей, ни письменъ. Обитатели просвѣщенной потомъ Греціи жили въ дремучихъ лѣсахъ и пещерахъ, ходили въ звѣриныхъ шкурахъ, и едва имѣли образъ человѣческій. Другихъ народовъ не было и въ поминѣ. Доказательства же находятся въ языкахъ сихъ народовъ: коренныя слова греческія, латинскія, германскія и славянскія сходны между собою, и имѣютъ сродныя слова въ языкахъ индѣйскихъ и персидскихъ. Напримѣръ: слово *мать*, греческое *μήτηρ*, латинское mater, нѣмецкое Mutter, санскритское *матри*, персидское *мадъ* и *мадеръ*; *отецъ*, греческое *πατὴρ*, и *ἄττα*, латинское pater, нѣмецкое Vater, санскритское *тата* и *питри*, персидское *педеръ*; *братъ*, греческое *φρατὴρ*, латинское frater, нѣмецкое Bruder, санскритское *братри*, персидское *берадеръ*; *дочь*, греческое *θυγατὴρ*, нѣмецкое Tochter, санскритское *дуитри*, персидское *дохтъ* и *дохтеръ*; *сестра*, латинское soror, нѣмецкое Schwester, готское swistar; *вдова*, латинское vidua, нѣмецкое Wittwe, санскритское *видава*, отъ *ви*, безъ, и *дава*, мужъ, т. е. безмужница; *сердце*, греческое *καρδία*, латинское cor, въ род. падежѣ cordis, нѣмецкое Herz, санскритское *гридъ*, персидское *хиредъ*; *вода*, греческое *ὕδωρ*, латинскія unda и vadum, готское wato, нѣмецкое Wasser; *ночь*, греческое *νύξ*, латинское

нох; нѣмецкое Nacht; санскритское *ниса; смерть*, латинское mors, нѣмецкое Mord; санскритское *мрита*, персидское *мергъ*. Также сходны между собою частицы рѣчи сихъ языковъ: *не, безъ, гдѣ, ли, но, изъ, пре, при, про*; окончанія словъ: *na, ище, ичъ, ие, икъ, окъ, ость, скій, ливъ*, и многія другія.

Пройдите сравнительные словари сихъ языковъ: вы найдете, что почти всѣ корни словъ въ нихъ одни и тѣ же; только эти слова или потеряли нѣкоторые слоги предъидущіе и послѣдующіе, напр. *дочь*, Tochter, перемѣнили согласную букву на сходную съ нею; напр. *п*, на *ф*, *пламя*, flamma; *т* на *д*, vadum, *вода*, water; исключили или переставили гласную, mord, *мру*, и т. д. Мнѣ кажется еще, что и звуки санскритскихъ словъ имѣютъ въ себѣ что-то славянское, родное нашему уху. Сдѣлаю одно замѣчаніе. Извѣстно, что у древнихъ Индѣйцевъ *слонъ* посвященъ былъ *солнцу*, и замѣнялъ его изображеніе. Не достойно ли вниманія, что въ славянскихъ языкахъ *слонъ* и *солнце, длунце*, есть одно и то же слово? — Если санскритскій языкъ близокъ къ славянскимъ, то персидскій сроденъ съ германскими. Въ новомъ персидскомъ языкѣ нѣсколько тысячъ словъ совершенно нѣмецкихъ. Возражаютъ, что эти сходства могутъ быть случайными, но, отчего ихъ нѣтъ въ другихъ азіятскихъ языкахъ, напримѣръ въ арабскомъ? И эти слова еще менѣе измѣнились, нежели слова нарѣчій одного языка, напримѣръ великороссійскаго и малороссійскаго. Если бъ

ороографія Англичанъ и Французовъ не сохранила происхожденія словъ этихъ языковъ, кто бы могъ по произношенію догадаться, что значительная часть ихъ словъ происходитъ отъ латинскаго и нѣмецкаго?

Славяне вышли изъ Азіи позже поименованныхъ нами племенъ, оракійскаго и германскаго, и задолго до Рождества Христова стали занимать мѣста своего нынѣшняго жительства. Въ пятомъ вѣкѣ по Р. Х., когда пала Западная Римская Имперія, а Восточная колебалась отъ ударовъ азіятскихъ пришельцевъ, и Славяне возвѣстили о бытіи своемъ нападеніями на послѣднюю. Они были народъ дикій, храбрый, воинственный, любили музыку и родную сестру ея, поэзію. Тогдашній языкъ Славянскій намъ вовсе неизвѣстенъ, потому что мы не имѣемъ ни какихъ его памятниковъ до раздѣленія славянскихъ племенъ, и до перевода на этотъ языкъ церковныхъ книгъ съ греческаго. Одинъ умный изыскатель языковъ утверждаетъ, что слѣдовало бы составить сводный словарь и сводную грамматику всѣхъ существующихъ донынѣ славянскихъ нарѣчій, и, по сходству ихъ, по общимъ чертамъ, вывести свойства древняго, кореннаго славянскаго языка. Это предпріятіе, хорошо исполненное, конечно представило бы намъ любопытную картину, и послужило бы къ ближайшему изученію сихъ разныхъ нарѣчій и одноплеменныхъ языковъ, но врядъ ли могло бы дать матеріялы къ составленію языка утраченнаго, первоначальнаго. Положимъ, что языкъ латинскій

утратился совершенно. Возможно ли было бы сравненіемъ происшедшихъ отъ него языковъ, италіянскаго, французскаго, испанскаго, португальскаго, вывести основныя его правила и элементы? Не думаемъ, чтобъ успѣли составить и одно первое склоненіе.

Древніе писатели византійскіе раздѣляютъ извѣстныхъ имъ Славянъ на Антовъ и собственныхъ Славянъ, но это разумѣютъ они о Славянахъ южныхъ, извѣстныхъ имъ своими набѣгами и опустошеніями. По нашему мнѣнію, изъ всѣхъ письменныхъ и народныхъ памятниковъ того времени явствуетъ, что Славянъ должно раздѣлить совсѣмъ не такъ. Славянское племя водворилось въ Европѣ, какъ сказано, позже ѳракійскаго и германскаго: это явствуетъ изъ того, что оно осталось на жительствѣ ближе къ Азіи, между тѣмъ какъ прежнія племена подвинулись далѣе на западъ и на югъ Европы. Но такъ какъ мы не знаемъ народовъ, жившихъ въ этихъ мѣстахъ прежде Славянъ, то и можемъ принять ихъ за первобытныхъ обитателей восточной Европы. Мы полагаемъ средоточіемъ, сердцемъ всѣхъ славянскихъ странъ и языковъ нынѣшнюю Россію, и важнѣйшимъ славянскимъ племенемъ считаемъ жителей сѣверной части нашего отечества. Отъ нихъ отдѣлились, во-первыхъ, Славяне балтійскіе, или Венды; двинулись за рѣку Эльбу, гдѣ столкнулись съ Германцами, и были удержаны отъ дальнѣйшаго вторженія на западъ Карломъ Великимъ. Во-вторыхъ, пошли отъ нихъ на югъ племена Сла-

вянъ и Антовъ, которыя воевали, грабили и приводили въ трепетъ Восточную Имперію, прорвались сквозь Термопилы, наводнили Морею, истребили часть ея жителей, и оставили тамъ слѣдами своего вторженія славянскія названія многихъ урочищъ, самую одежду и вооруженіе, и наконецъ исчезли въ покоренномъ народѣ. Между сими двумя отдѣлившимися славянскими племенами двинулось на западъ третіе, и образовало народъ польскій, обитающій понынѣ по обоимъ берегамъ Вислы, и, подобно балтійскимъ Славянамъ, граничащій съ Нѣмцами. Часть ихъ пошла далѣе, въ средину Германіи, и составила область чешскую, или богемскую, отдѣленную высокими горами отъ народовъ германскихъ. Собственные Славяне, обитатели Россіи, оставались на жительствѣ въ древнихъ своихъ областяхъ, имѣли важные города Новгородъ и Кіевъ; съ одной стороны были въ сношеніяхъ съ Норманнами и Нѣмцами по рѣкамъ, впадающимъ въ Балтійское Море, съ другой сообщались по Днѣпру и Черному Морю съ Византіею. Эти Славяне раздѣлялись на два главныя поколѣнія, сѣверныхъ и южныхъ, нынѣшнихъ Великороссіянъ и Малороссіянъ, отличающихся и понынѣ нравами своими, нарѣчіемъ, одеждою, упражненіями, душевными склонностями и даже чертами лица. Отъ южнаго племени, Русняковъ, произошли племена, водворившіяся на развалинахъ Восточной Имперіи. Мы не думаемъ, чтобъ Россія населена была Славянами, пришедшими съ юга, отъ Чернаго Моря, а утверждаемъ и увѣрены,

что отъ Славянъ северныхъ, обитателей нынешней Россiи, отделились все прочiя племена, теченiемъ времени стали разниться съ ними въ нравахъ, обычаяхъ, языке, но сохранили главныя общiя черты однонародности. Это мненiе о коренномъ отечестве Славянъ почерпнуто нами изъ сочиненiй писателя, на котораго одного, по законамъ скромности, налагаемымъ долголетнею дружбою, мы сослаться не смеемъ.

Славяне Русскiе, позвольте предварительно употреблять это названiе для отличiя ихъ отъ прочихъ, обитая несколько сотъ летъ неизменно на однихъ и техъ же местахъ, размножались естественнымъ, а не насильственнымъ образомъ, то есть не соединяясь съ другими народами; составили такимъ образомъ свой языкъ самымъ правильнымъ, органическимъ способомъ изъ самороднаго своего начала, и несравненно менее другихъ братiй своихъ заимствовали чуждаго. Языки отшедшихъ племенъ балтiйскаго, польскаго и южнаго, коснувшись народовъ чуждыхъ, приняли въ себя множество словъ германскихъ, латинскихъ. Чего не сделало соседство съ иноплеменниками, то довершено введенiемъ Веры Католической у большей ихъ части.

Въ девятомъ веке возникло Россiйское Государство призванiемъ варяжскаго, или норманскаго Князя Рюрика, съ русскою дружиною, къ Славянамъ новгородскимъ. При семъ случае долгомъ считаю выразить мое мненiе о древней Русской Исторiи. Я принадлежу къ темъ читателямъ ея,

которые, относя Кія, Щека и Хорева, царевенъ Лыбедь и Любушу въ область сагъ, сказокъ или преданій, вѣрятъ въ дѣйствительное существованіе Рюрика, Олега и Игоря, убѣждены въ томъ, что жизнь и подвиги ихъ описаны преподобнымъ Несторомъ, и не дерзаютъ называть баснями, или миѳами того, что существуетъ въ хартіяхъ и въ живыхъ урочищахъ. Нынѣ вошло въ моду замѣнять историческія лица идеями, но идея должна явиться человѣкомъ, чтобъ быть видимою и осязаемою; она проникаетъ своимъ единствомъ поколѣнія людей и династіи царскія, но не уничтожаетъ ихъ въ исторіи. Въ этомъ отношеніи странныя мнѣнія историческихъ иконоборцевъ (въ числѣ которыхъ есть много людей умныхъ и ученыхъ, какъ и между гомеопатами), представлены въ забавной пародіи, которою утверждали и доказывали, что Наполеонъ Бонапарте никогда не существовалъ, и что повѣсть о жизни и подвигахъ его есть миѳъ, представляющій иносказательно солнце съ планетами, бывшими маршалами Французской Имперіи, а его дѣла, слова и самое лице помнитъ не только вся Европа, но даже истопникъ Петровскаго Дворца, въ Москвѣ, который остался было тамъ при своей должности, и въ разсказахъ своихъ донынѣ называетъ его маленькимъ сердитымъ бариномъ. Для насъ существуютъ и храбрый Норманъ Рюрикъ, и знаменитый воитель Царяграда Олегъ, и русскій витязь Святославъ, и дѣеписатель ихъ, скромный Несторъ.

При переселеніи норманской дружины въ сѣ-

верную Россію, и прежде того времени, при частыхъ торговыхъ и другихъ сношеніяхъ новгородскихъ Славянъ съ Финнами, Скандинавами и обитателями сѣверной Германіи, Фризами, вошли въ нашъ языкъ многія слова, заимствованныя у обитавшихъ тамъ народовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ сихъ словъ: исландскія: röd, *рядъ;* köstr, *костеръ;* ketill, *котелъ;* sina, *сѣно;* gardr, *градъ;* датскія и шведскія: torg, *торгъ;* mork, *маркъ;* dal, *долъ;* bösemen, *безменъ;* финскія: birta, *бердо;* populi, *бобыль;* buraira, *буракъ;* wirwet, *вервь;* wartännä, *веретено;* wirsta, *верста;* wiekha, *вѣха;* kakar, *гагара;* kormen, *карманъ;* talto, *долина;* kuli, *куль;* lapoti, *лапоть;* laari, *ларь;* lahanka, *лоханка;* manitta, *манить;* mursi, *моржъ;* saani, *сани;* toraka, *таракань;* harius, *харіусъ;* hamutte, *хомутъ;* фризскія, или сѣверо-нѣмецкія: dela, *дѣлить;* duer, *дверь;* leck, *лекарь;* liudun, *людъ;* melocon, *молоко;* sterwa, *стерво.* Впрочемъ, можетъ быть и то, что эти слова перешли отъ Русскихъ къ иноплеменникамъ; въ противномъ случаѣ нѣкоторыя изъ нихъ не встрѣчались бы въ другихъ языкахъ славянскихъ.

Славяне прибалтійскіе имѣли и грамоту, именно руническую, но слѣды и памятники ея совершенно истреблены ревностію служителей Римско-Католической Церкви. Какъ въ Средніе Вѣки они уничтожали всѣ древнія греческія и латинскія рукописи, напоминавшія о поэтахъ и историкахъ языческихъ, и на смытыхъ страницахъ Ливія и Светонія, писали свои легенды, такъ въ послѣд-

ствія истребляли они рунические камни и древніе сосуды съ письменами языческихъ Славянъ. Нѣкоторыя изъ перемытыхъ рукописей греческихъ и латинскихъ (палимпсестовъ) возстановлены учеными антикваріями, но та же ученость уничтожаетъ памятники славянскіе. Въ Германіи, по странному предубѣжденію, ученые не даютъ вѣры нашей старинной грамотѣ, и отвергаютъ ея существованіе всякими доводами. Вообще, по бѣдности и необразованности славянскихъ племенъ, населяющихъ Силезію, Лузацію и Богемію, Германцы смотрятъ на нихъ какъ на людей низшей степени, и не даютъ развиться ихъ просвѣщенію и народности. Съ недавняго только времени, стараніями нѣкоторыхъ чешскихъ патріотовъ возникаетъ въ Богеміи изученіе древняго славянскаго языка, быта и жизни.

Олегъ двинулъ владычество Руси на югъ, и вступилъ въ воинственныя и мирныя сношенія съ Царемъ-градомъ. Этимъ онъ опредѣлилъ характеръ Русскаго Народа и образовавшагося имъ государства, и проложилъ стезю, которою Россія пошла къ славѣ, величію и просвѣщенію. Истинный основатель Россіи, какъ государства, положившій въ ней начала ея самобытности, твердости, такъ сказать живучести, которая не дала ей погибнуть среди всѣхъ бурь и напастей, былъ Владиміръ Великій, свѣтило Русской Земли, возсіявшее въ ней въ то время, когда весь Западъ Европы покрытъ былъ густымъ мракомъ. Просвѣщеніе Россіи Христіанскою Вѣрою, и именно Православной

Восточной Церкви, есть корень, начало и причина всѣхъ ея успѣховъ прежнихъ, нынѣшнихъ и будущихъ. Одинъ государственный человѣкъ, и притомъ человѣкъ умный и ученый, возгласилъ великую истину, что основанiемъ нравственнаго и умственнаго существованiя Россiи служатъ три начала: православiе, самодержавiе и народность. О томъ, что самодержавiе было виною возвеличенiя, укрѣпленiя, прославленiя Россiи, нѣтъ спору, и всякiй мыслящiй человѣкъ, читая со вниманiемъ Исторiю Русскую, долженъ согласиться, что все хорошее и полезное въ Россiи произошло отъ твердой воли благихъ и мудрыхъ ея правителей, нестѣсняемыхъ въ своихъ дѣйствiяхъ ни какими феодальными и муниципальными формами варварскихъ Среднихъ Вѣковъ, неизвѣстными и чуждыми Россiи. Карамзинъ прекрасно сказалъ, что «личное благо людей самыхъ знатнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть противно общему; только одинъ человѣкъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушенiи добродѣтели, и сей человѣкъ есть монархъ самодержавный *.» — Другой элементъ русскiй, православiе, подвергся разнымъ толкамъ и опроверженiямъ софистовъ и невѣждъ. Православiе, внушая всѣмъ Россiянамъ святыя истины первородной Церкви Христовой, красуется духомъ христiанскаго смиренiя, кротости и терпимости;

---

* Въ статьѣ. *О московскомъ мятежѣ въ царствованiе Алексѣя Михайловича.* Сочиненiя Карамзина. С. П. б. 1835. Томъ VIII, стр. 206.

утверждаетъ собственнымъ примѣромъ повиновеніе благой царской власти, и ограждаетъ народность русскую отъ всякаго зловреднаго вліянія извнѣ; споспѣшествуетъ просвѣщенію и образованію, укрощаетъ и исправляетъ нравы; проливаетъ свѣтъ евангельскій, средствами кроткаго убѣжденія, въ нѣдра языческихъ племенъ, обитающихъ въ пустынныхъ странахъ Азіи и на туманныхъ островахъ Восточнаго Океана, не препятствуя и иновѣрцамъ христіанскимъ, именно британскимъ миссіонерамъ, содѣйствовать ему въ великомъ и благомъ дѣлѣ обращенія сидящихъ во тмѣ. И самые тѣ, которые сомнѣваются въ благихъ дѣйствіяхъ православія, не ему ли обязаны привольною, спокойною жизнію въ Россіи, свободнымъ отправленіемъ обрядовъ своей религіи, ограждаемымъ самимъ правительствомъ нашимъ? То ли видимъ мы въ другихъ странахъ, славящихся издревле просвѣщеніемъ? Не говоримъ уже объ Англіи, гдѣ недавно только дарованы католикамъ права гражданства. Въ республиканской и протестантской Женевѣ долгое время не позволяли строить церкви лютеранской. Въ знаменитѣйшемъ католическомъ городѣ Германіи, церкви реформатская и лютеранская помѣщаются въ частныхъ домахъ, и не могутъ имѣть даже входа и подъѣзда съ улицы. Въ Парижѣ, гдѣ еще на нашемъ вѣку чествовали богиню разума, исповѣдующіе Православную Вѣру, сбираются къ заутрени на Свѣтлое Христово Воскресенье, въ русскую церковь, украдкою, оставляя экипажи въ разныхъ улицахъ, по-

тому что тамъ по ночамъ позволено все, кромѣ богослуженія. — Во Градѣ Святаго Петра, на первенствующей его улицѣ, по правую руку воздвигнутъ *одинъ* православный соборъ, Казанскія Божія Матери; по лѣвую возвышаются великолѣпныя зданія, построенныя при пособіи правительства: тамъ въ *семи* храмахъ, на *десяти* различныхъ языкахъ, иновѣрцы совершаютъ свое богослуженіе гласно, свободно и подъ защитою православныхъ властей. — Нѣкоторые полагаютъ что вѣротерпимость введена у насъ Петромъ Великимъ. Нѣтъ! она существовала въ Россіи искони, въ народѣ и духовенствѣ. Приведемъ въ свидѣтельство изъ Никоновской Лѣтописи, подъ 1228 годомъ, что отвѣчали Псковичи Князю Ярославу, побуждавшему ихъ итти войною на иновѣрную Ригу...... «Князь же Ярославъ Всеволодовичъ, слышавъ, яко за единъ совокупишася Псковичи съ Рижаны, и посла къ нимъ, глаголя: хощемъ итти съ Новгородцы ратью на Ригу, идите съ нами. Псковичи же отвѣщаша, глаголюще сице: Господине Княже Ярославе Всеволодиче, ты князь смысленъ, премудръ еси, и вѣси, яко вси есмя едино Адамово племя, и вси едино братія, и дяди, и сродницы, и сестры, и тетки, и вси родъ одинъ есмя, и вѣрніи и невѣрніи, но убо и съ невѣрными неудобно есть ни прочего же брань сотворити, но со всѣми въ мирѣ быти, точію къ безвѣрію и къ беззаконію ихъ не приступати, а въ мирѣ съ ними быти, да и тіи невѣрніи, увѣдѣвше наше житіе и смиреніе и любовь, пріидутъ въ богоразуміе, и

обратятся и крестятся, и всѣ спасены будемъ благодатію Христовою и Пречистыя Его Матери.» — Мы, въ бесѣдахъ своихъ, должны обратить, преимущественное вниманіе на тѣ блага, которыми православіе осыпало Россію, оградивъ, утвердивъ и возвысивъ ея народность. Взгляните на иныя племена славянскія, Исповѣданія Западнаго: они утратили и чистоту языка и другіе отличительные признаки своего происхожденія. Не одни Русскіе, и прочіе Славяне православные, напримѣръ: Сербы и Черногорцы, томившіеся въ теченіе столѣтій подъ игомъ магометанскимъ, удержали и Вѣру свою и народность. Римскіе миссіонеры старались заглушать народность въ странахъ, обращаемыхъ ими къ Христіанству, вводили повсюду языкъ латинскій, и истребляли, какъ выше сказано, памятники народнаго быта. Духовенство греческое начало просвѣщеніе Россіи Христіанскою Вѣрою, утвердивъ въ ней языкъ славянскій на прочныхъ, незыблемыхъ началахъ, сообщивъ ему красоты и характеръ первенствующаго изъ языковъ Европы, эллинскаго. И въ послѣдствіи изслѣдованія судебъ Русскаго Языка, увидимъ мы, что онъ портился и бѣднѣлъ по мѣрѣ удаленія своего отъ святаго и роднаго источника.

Славянская азбука составлена въ половинѣ IX вѣка. Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ, просили Греческаго Императора прислать къ нимъ христіанскихъ учителей. Онъ отправилъ къ нимъ двухъ братьевъ, Меѳодія и Константина (въ монашествѣ Кирилла), уроженцевъ

Солуня, жившихъ посреди Славянъ, которые, какъ мы сказали выше, распространились съ VI вѣка въ областяхъ Имперіи. Они не изобрѣли, а составили славянскую азбуку, названную, по имени послѣдняго изъ нихъ, кирилловскою. Главнымъ основаніемъ ея былъ алфавитъ греческій, къ которому они прибавили буквы: *Б, Ж, Ц, Ч, Ѣ* изъ армянскаго, *Ш* и *Щ* изъ еврейскаго и коптскаго, *Ъ, Ы, Ь, Ю, Я,* и *Юсъ*. Эта азбука, съ нѣкоторыми перемѣнами, урѣзками и прибавками, о которыхъ скажемъ въ послѣдствіи, существуетъ у насъ понынѣ. Ей обязаны мы возможностію выражать большую часть звуковъ голоса человѣческаго, которые, въ языкахъ, имѣющихъ азбуку латинскую, изображены быть не могутъ. Неудобства ея произошли, во-первыхъ, отъ того, что составители ея слишкомъ близко придерживались азбуки греческой, и ввели въ нее многія буквы лишнія, напримѣръ: *зѣло*, *і*, *укъ*, *ижицу*, *кси*, *пси*; во-вторыхъ, для насъ есть въ ней нѣкоторые недостатки, происшедшіе отъ того, что она составлена не для русскаго, а для другаго нарѣчія славянскаго, близко подходившаго къ нынѣшнему сербскому. Есть еще одна славянская азбука, глаголитская, или буквица, которой изобрѣтеніе, католики приписываютъ Св. Іерониму, жившему въ IV вѣкѣ, но это та же кирилловская, только обезображенная вычурными украшеніями, которые придуманы Западнымъ Духовенствомъ въ XIII вѣкѣ для Далматовъ: это родъ грамматической уніи.

Изобрѣтатели кирилловской азбуки перевели на славянскій языкъ съ греческаго Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь и другія книги, нужныя для богослуженія: они переводили словомъ въ слово, почти буквою въ букву, сохраняя и словосочиненіе, и обороты, и особенности греческаго языка; ввели и членъ, несуществующій въ языкахъ славянскихъ, употребляли и двойственное число, вводили слова, составленныя ими по сходству съ греческими, или оставляли греческія слова безъ перевода. Эти нововведенія были возможны и легки въ языкѣ слѣженъ, не грамотномъ, не установившемся. Полагаемъ, что языкъ церковный древнимъ Славянамъ, по новости своей, былъ менѣе понятенъ, нежели послѣдовавшимъ. Къ нему привыкли въ теченіе времени; мало по малу стали понимать и цѣнить его, считая сіе нарѣчіе исключительнымъ языкомъ Церкви и науки.

Священныя книги сіи, а съ ними и славянская грамота, водворились въ Россіи въ исходѣ X вѣка, съ просвѣщеніемъ ея Христіанскою Вѣрою. Съ того времени существовали у насъ два языка: церковный, собственно называвшійся славянскимъ, и языкъ народный, русскій, который заимствовалъ изъ перваго многія особенности и красоты, а изъ грецисмовъ принялъ только то, что не противно природному его духу. — Церковный языкъ измѣнялся въ теченіе времени, но не значительно. Святители Церкви и прилежные справщики иногда дѣлали въ духовныхъ книгахъ нѣкоторыя перемѣны, поясняли темныя мѣста, исправляли ошиб-

ки; измѣняли нѣкоторыя грамматическія формы, и упростили правописаніе, но существенныхъ перемѣнъ въ немъ не происходило. Съ употребленіемъ церковныхъ книгъ вошли и въ простонародный языкъ многія греческія слова, касавшіяся предметовъ церковныхъ, напримѣръ: *монастырь*, *икона*, *келлія*, *клиросъ*, *іерей*, *трапеза*, *налой*, вм. аналогій, *паникадило* вм. πολυκάντιλο, т. е. многосвѣщіе; относившіяся къ книжному ученію: *грамота*, *тетрадь*. Достойно замѣчанія, что мы заимствовали у Грековъ только одно числительное имя *сорокъ*, отъ новогреческаго σαράκοντα и σαράντα. Вѣроятно, что Греки считали тогда сороками, и это перешло и въ русскій обычай. — Впрочемъ мы не можемъ сказать, до какой степени русскій простонародный языкъ измѣнился отъ греческаго, потому что не имѣемъ ни какихъ памятниковъ перваго до введенія Христіанской Вѣры. Древнѣйшіе документы не духовные суть договоры Олега и Игоря съ Греками, 912 и 945 года, но они переведены съ греческаго, и самое лѣтосчисленіе въ нихъ византійское.

За владычествомъ Владиміра послѣдовало княженіе Ярослава, который довершилъ дарованныя Россіи Христіанскою Вѣрою блага, введеніемъ въ ней гражданственности. Онъ даровалъ своему отечеству законы, Правду Русскую, въ то время, когда въ большей части Европы господствовало одно право сильнаго. Въ этомъ законоположеніи видно значительное вліяніе германскихъ и сѣверогерманскихъ обычаевъ, введенныхъ въ страну

новгородскую сношеніями ея съ южными и западными берегами Варажскаго Моря. Но эти самые обычаи имѣли пагубное вліяніе на цѣлость и силу Россійской Державы, утвердивъ въ ней законъ, по которому не сынъ умершаго князя, а старшій въ родѣ наслѣдовалъ власть. Присоединивъ къ тому раздробленіе на удѣлы, увидимъ причины паденія великой Державы Владиміра и Ярослава. А что была бы Россія, если бъ она сохранила свое единство, и успѣла отразить нашествіе Монголовъ? Она сдѣлалась бы преемницею ветшавшей Имперіи Греческой, была бы не ученицею, а наставницею Европы. Уже занималась въ ней заря просвѣщенія. Многіе князья ея, Константинъ Всеволодовичъ, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, дочь Князя Полоцкаго, Евфросинія, занимались словесностію духовною и свѣтскою. Возникла отечественная Исторія, въ тихой кельѣ Печерской Обители. Преподобный Несторъ есть самое замѣчательное лице въ исторіи древняго нашего просвѣщенія. Ему обязаны мы Русскою Исторіею до XII вѣка, которой ни какіе софисмы критики, и, что еще важнѣе, ни какія живыя доказательства опровергнуть не могутъ. — Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что попеченіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія печатается нынѣ сводъ лѣтописи Несторовой, его продолжателей, также другихъ лѣтописцевъ сѣверныхъ и южныхъ, очищенный и извлеченный изъ сравненія шестидесяти списковъ. — XII-й же вѣкъ оставилъ намъ памятникъ тогдашней поэзіи, въ Пѣсни о несчастномъ

походѣ Сѣверскаго Князя Игоря, изъ которой вѣетъ на насъ умилительнымъ духомъ русской старины. Эту единственную нашу народную поэму многіе новѣйшіе писатели переводили и перелагали въ стихи разной мѣры, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, но тѣмъ не приблизили ея къ нашему слуху и сердцу. Гораздо пріятнѣе читать ее въ подлинникѣ. Всѣ эти передѣлки и пародіи старины похожи на варіаціи русскихъ пѣсень, хотя бъ сочинителемъ этихъ варіацій былъ самъ Россини. Въ кудрявыхъ перекатахъ дослушиваешься подлинной темы, слѣдишь за нею жаднымъ ухомъ, и радуешься, когда, сквозь блистательныя рулады и украшенія, она сверкнетъ своимъ собственнымъ лучемъ, и согрѣетъ родное сердце. И въ Несторѣ, и въ Поученіи Мономаха, и въ самой Пѣсни о походѣ Игоря находимъ языкъ народный, но сильно отзывающійся вліяніемъ на него слога церковнаго. Какъ на Западѣ, въ Средніе Вѣки, латинскій языкъ имѣлъ исключительныя права языка книжнаго, и языки народные считались неспособными и недостойными выражать что либо кромѣ предметовъ ежедневной, обыкновенной жизни, такъ у насъ долгое время писали на одномъ церковномъ языкѣ, оставляя языкъ народный для изустнаго употребленія. Причиною тому было и то, что до XVIII вѣка почти всѣ наши писатели были духовные.

Всѣ благіе начатки исчезли, всѣ лучи юнаго просвѣщенія въ Россіи померкли, когда Провидѣнію угодно стало испытать Вѣру и любовь къ отечеству Россіянъ, проливъ на нихъ варварское

населеніе цѣлой части Свѣта. Обратимся къ бѣдственному перевороту, погрузившему Россію въ пучину бѣдствій и страданій. Монголы покорили Россію, истребили въ ней всѣ памятники гражданскаго благоустройства, сожгли города, а въ нихъ рукописи и хартіи. Символомъ тогдашнихъ опустошеній остались украшенныя мозаикою стѣны Кіевскаго Софійскаго Собора. Эти украшенія сбиты съ нихъ на ту высоту, до которой могло достать копье татарское. Россія превратилась въ пустыню, въ которой мѣста кровопролитныхъ побоищъ знаменовались грудами костей, а бывшихъ городовъ пожарищами. И въ этой мертвой пустынѣ, возвышались, какъ зеленые оазисы среди песчаной Степи Ливійской, православные русскіе монастыри, въ которыхъ укрывалась Вѣра съ науками и просвѣщеніемъ. Тамъ смиренные иноки продолжали древнія лѣтописи, списывали душеспасительныя книги; туда приносили изъ Царяграда и съ Горы Аѳонской книги духовныя и свѣтскія, и если мы, по словамъ Карамзина, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ рабства не утратили достоинства христіанъ и Русскихъ, то обязаны этимъ Православному Духовенству. Православіе и народность, Вѣра и языкъ, были единственною, невидимою цѣпью, которою связывались русскія сердца, и эта цѣпь была тверда и неразрывна. Татары владычествовали въ Россіи въ правительственномъ и финансовомъ отношеніи: требовали покорности, униженія и денегъ. Душа русская оставалась свободною: вѣрила въ Провидѣ-

*

ніе, и ждала дней счастливыхъ. Отъ этого языкъ Монголовъ не имѣлъ значительнаго вліянія на русскій: къ намъ вошли разныя татарскія слова, означающія части одежды и предметы жизни общественной; напримѣръ: *кафтанъ*, *кушакъ*, *алтынъ*, *деньга*, *булатъ*, *караулъ*, *сарай*, *чердакъ*, *шатеръ*, *ярлыкъ;* но эти слова не вытѣснили одно-знаменательныхъ съ ними русскихъ, и не имѣли ни какого дѣйствія на языкъ книжный. Въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного, которымъ бы выражался предметъ умственный или отвлеченный. Складъ русской рѣчи, собственное выраженіе мысли оставались прежніе. Русскіе, считая Татаръ погаными, не могли заразиться ихъ духомъ.

Гораздо большая и важнѣйшая опасность угрожала русскому духу и языку съ запада. Великое Княжество Литовское отдѣлилось отъ братій, порабощенныхъ варварами, склонилось къ Польшѣ, и потомъ вошло въ составъ ея. Древнія отчины Князей Русскихъ, Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ, отторглись отъ своего корня. Это владычество для Русскихъ было хуже татарскаго: оно старалось истребить и духъ народный, и чистоту языка, и Вѣру Православную. Нѣтъ спору, что западныя провинціи стояли гораздо выше восточныхъ въ просвѣщеніи, но это просвѣщеніе было не наше; для насъ оно было чуждое, наносное, прививное, совершенно противное тому, которое озаряло Россію въ первые вѣки ея Христіанства. Народъ, въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Волыни, Подоліи, Галиціи, устоялъ отъ всѣхъ усилій Католицисма, и для

пріобрѣтенія его хотя вполовину, надлежало вымыслить Унію; но высшее сословіе прельстилось блескомъ европейскаго просвѣщенія, и забыло братьевъ, томившихся въ тяжеломъ рабствѣ. Дворянство перешло въ Католическую Вѣру, часть духовенства приняла Унію: другая, устоявъ въ Вѣрѣ, не могла однако уклониться отъ вліянія наукъ и языковъ Запада. Въ Малороссіи грамотѣи сбивались на тамошнее нарѣчіе. Въ Литвѣ, гдѣ народъ говоритъ по-руськи, дворяне и духовенство презирали его языкъ, какъ нарѣчіе черни, старались говорить и писать по-польски и по-латыни. Учрежденныя въ то время духовныя училища основаны были по примѣру іезуитскихъ: не греческій, а латинскій языкъ сдѣлался въ нихъ господствующимъ; изъ языка простонароднаго, и не русскаго, а малороссійскаго, съ примѣсью словъ польскихъ и латинскихъ, произошло то варварское нарѣчіе, которое господствовало въ нашей свѣтской и духовной литературѣ до XVIII вѣка. Москва отстояла Вѣру и Престолъ Русскій отъ пособниковъ Самозванца, и отдохнувъ отъ ужасовъ безначалія и междоусобія, начала помышлять о водвореніи у себя образованія. Откуда взять учителей? Разумѣется, изъ прежнихъ областей русскихъ. Такимъ образомъ перешло въ Россію устройство училищъ польскихъ, основанныхъ Римскимъ Духовенствомъ, а съ ними и многія иныя нововведенія, не во всемъ сообразныя съ русскою національностію. Это было совершенно противоположно тому вліянію, которое имѣли на насъ Монголы.

Мы получили изъ Запада малое только число словъ, и то относившихся только къ школьному ученію; напримѣръ: *префектъ*, *регентъ*, *студентъ*, *бурса*, *ферула*; но переняли тамошній складъ въ прозѣ и въ стихахъ, и долго не могли отъ него освободиться. Возьмемъ живой примѣръ изъ писаній того времени. Во времена Петра Великаго, когда еще жили и дѣйствовали и святители Церкви, и сановники, получившіе образованіе XVII вѣка, особенно отличались дѣлами духовными и краснорѣчіемъ два незабвенные мужа Русской Исторіи, Св. Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, и Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новгородскій; оба они были родомъ изъ Малороссіи, оба учились въ тамошнихъ школахъ. Димитрій былъ поборникомъ и защитникомъ Церкви Православной, написалъ Житія Святыхъ, Розыскъ, или разсмотрѣніе ученія брынскихъ раскольниковъ, сочинилъ поучительныя слова и духовныя пѣсни. Онъ писалъ исключительно языкомъ церковнымъ, чисто, правильно и пріятно.

Ѳеофанъ былъ и пастырь Церкви, и человѣкъ государственный. Получивъ высокое образованіе, онъ совершенно постигалъ цѣль и намѣренія Петра Великаго въ преобразованіи Россіи, усердно ему содѣйствовалъ, и былъ даже обвиняемъ въ излишней приверженности къ нововведеніямъ. Въ произнесенныхъ имъ рѣчахъ, привѣтствіяхъ и другихъ сочиненіяхъ его, видимъ умъ глубокій и острый, образованный чтеніемъ и изученіемъ древнихъ, видимъ порывы истиннаго душевнаго краснорѣчія,

которыми онъ приводилъ своихъ слушателей въ восторгъ и умиленіе. Но какимъ языкомъ писалъ онъ, когда оставлялъ стезю языка церковнаго! Это была самая странная смѣсь разнородныхъ словъ, расположенныхъ несвойственнымъ русскому языку образомъ: это былъ языкъ и не церковный, и не русскій! Возьмемъ въ примѣръ, не духовное сочиненіе его, а рѣчь, написанную имъ отъ лица малолѣтныхъ Царевенъ Анны Петровны и Елисаветы Петровны, которою онъ поздравляли родителя своего по возвращеніи его изъ Персидскаго Похода.

«Не смотря на сіе, Державнѣйшій Родителю, яко тихимъ и легкимъ шествіемъ исходимъ въ срѣтеніе твое: творитъ то кротость, возрасту и полу нашему приличная, а радость хотѣла бы исполинскимъ поскокомъ ускорити. Аще бо и прочіихъ всѣхъ, то насъ наипаче ублажаетъ приходъ твой; понеже прочіи Царя своего пріемлютъ, мы же и родителя нашего объемлемъ. О сладкаго благополучія! И что о немъ достойно изречемъ? Вѣру имѣй намъ, яко тебѣ возвратитуся, возвращаются сердца наша къ намъ. Лучшею самыхъ насъ частію, тамо мы доселѣ были, гдѣ не были: тѣломъ въ дому, духомъ же въ странствіи съ тобою пребывали. О которыхъ мѣстахъ твоего путешествія сказывала намъ вѣдомость, тамъ всегда и мысли наши. Но не удовлялася любовь умными оными видѣніемъ, невидящи тебе очима тѣлесныма, и потому непріятно было намъ что либо утѣшенію служащее видѣти: не свѣтлы палаты, не веселы вертограды, не сладки трапезы: самое сіе новопрестольнаго града твоего мѣсто дивное, сугуболичное, вод-

нымъ и земнымъ позоромъ очи на себе влекущее, мнилося намъ быти не тое, которое было при тебѣ, и аще бо не имя твое на себѣ имѣло, было бы весьма нелюбое. Едина неложная была утѣха живый образъ твой, прелюбезнѣйшій братъ нашъ Петръ: въ его лицѣ, аки въ зерцалѣ, самаго тебе видѣли мы, и нѣчто забывали печали нашея. Обаче его жъ безъ родителей стуженіе и сію намъ отраду отнимало, и тако все утѣшеніе наше оставалось во ожиданіи, но въ колицѣмъ ожиданіи, довольное искуство имѣемъ, какъ то долгія часы ожидающимъ бываютъ. Кому бо скорое, а намъ вельми лѣнивое было солнечное теченіе, и двулѣтнее удаленія твоего время вмѣняемъ себѣ за многолѣтнее. Но се уже доспѣло въ конецъ свой желаніе наше! Видимъ возвращенное намъ лице отеческое, и туги прежнія забываемъ. Все при тебѣ лучшій видъ пріемлетъ, и солнце свѣтитъ веселѣе, и дни осенніи пріятнѣйшіи намъ паче весеннихъ и лѣтнихъ мимошедшихъ: лучи очесъ родительскихъ вся намъ видимая предивнѣ позлащаютъ. Видимъ же въ побѣдоносный домъ твой, преопочій на престолѣ твоемъ, здравъ, радостенъ, благополученъ. Мы же всеусердно толикаго гостя привѣтствующіи, сіе къ Богу (еже и непрестанное намъ есть) возсылаемъ моленіе: да сподобитъ насъ видѣти тебе тако царствующа и побѣждающа въ долгая лѣта.»

Мысли прекрасныя, но какъ онѣ выражены! И все это оттого, что проповѣдникъ былъ не Великороссіаниңъ, что онъ учился въ Литвѣ и въ Римѣ, напитался чтеніемъ древнихъ и польскихъ писателей, и лишь только оставлялъ единственную путеводную нить свою, языкъ церковный, терялся

въ лабиринтѣ дикаго языка, составившагося вопреки русскимъ началамъ.

Намъ возразятъ, можетъ быть, что Русскимъ нечего было терять въ сношеніяхъ съ Польшею и Римомъ; что они могли только выиграть, ибо сами не имѣли ничего своего, собственнаго. Нѣтъ! У насъ былъ встарину языкъ русскій, благородный, чистый, прекрасный, заимствовавшій свои красоты у богослужебнаго, но проникнутый русскою народностью. За сто десять лѣтъ до сочиненія Преосвященнымъ Ѳеофаномъ рѣчи, которую мы привели въ примѣръ, Исидоръ, Митрополитъ Новгородскій, вѣнчая на царство Князя Василія Ивановича Шуйскаго, привѣтствовалъ его слѣдующимъ словомъ:

«Вседильнаго и вседержащаго Бога Отца изволеніемъ, и благоволеніемъ единороднаго Сына Его Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и поспѣшеніемъ Святаго и Животворящаго Духа, Всемогущія Троицы волею и хотѣніемъ, отъ Святаго Равноапостольнаго Самодержца Россійскія Земли, Благовѣрнаго Великаго Князя Владиміра, нареченнаго во святомъ крещеніи Василія, и отъ его сродниковъ, отъ прародителей вашихъ государскихъ, Великихъ Государей Царей Россійскихъ, и доселѣ, отецъ сыновемъ своимъ по себѣ вручали скифетръ и престолъ царскій и все Великое Княженіе Россійское: и по преставленіи сродника вашего, блаженныя памяти Великаго Государя нашего, Богомъ вѣнчаннаго Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всея Русіи Самодержца, по его Государеву благословенію, на Россійскомъ Государствѣ былъ благородный сынъ его, Великій Государь нашъ

Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ, всея Русіи Самодержецъ, и вѣнчался тѣмъ же царскимъ вѣнцомъ и діадимою, по древнему обычаю; и Божіимъ праведнымъ судомъ, Богомъ вѣнчанный и благочестивый Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ, всея Русіи Самодержецъ, оставль земное царство, отъиде въ небесное блаженство, а по немъ царскаго его корени чадъ не остася, и потомъ Божіимъ изволеніемъ, возста инъ Царь, не отъ царскаго корени, избранъ бысть на царство всея Великія Россіи отъ царскаго синклита Борисъ Годуновъ, и той, мало лѣтъ пребывъ, ко Господу отъиде; по немъ же возста, Божіимъ попущеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, злочестивый и богоотступникъ, и проклятый еретикъ, и Православныя Христіанскія Вѣры гонитель, Гришка Отрепьевъ, самонареченный Царь Дмитрій, иже ангельскій и иноческій образъ, паче же и святительское на немъ священнодіаконское рукоположеніе разрушивъ, и заповѣди святыхъ и духоносныхъ Отецъ отринувъ, и Святыя Божія Церкви невѣрными осквернивъ, и латинскую богомерзкую вѣру восприявъ, вторый Ульянъ законопреступникъ явися, иже восхотѣвъ до конца искоренити Православную и Благочестивую Вѣру, но Божіимъ праведнымъ судомъ вскорѣ злый злѣ живота лишися. Нынѣ же тобою, великій, богоизбранный Государь, паки благочестіе обновляется, и Православная наша Христіанская Вѣра просвѣщается, и святыя Божія церкви отъ еретическихъ соблазнъ свобождаются, и великій царскій престолъ паки благочестія тобою украшеніе пріемлетъ. Тебѣ, Великому Государю, довлѣетъ быти на престолѣ прародителей своихъ и вѣнчатися царскимъ вѣнцемъ по древнему нашему царскому обычаю, и намъ бы,

богомольцомъ твоимъ, тебя, о Святѣмъ Дусѣ Святыя Церкви нашего смиренія возлюбленнаго сына, Государя нашего Царя и Великаго Князя Василья Ивановича, всея Русіи Самодержца, по Божію премудрому промыслу, благословити и поставити на царское величество и на великое княженіе Россійскому Государству Богомъ вѣнчаннаго Самодержца, и нарещи, и помазати, и вѣнчати царскимъ вѣнцемъ: и отныне, о Святѣмъ Дусѣ, Государь и возлюбленный сынъ Святыя Великія Апостольскія Церкви и нашего смиренія, Богомъ возлюбленный и Богомъ избранный и Богомъ почтенный и нареченный, поставляемый отъ вышняго неизреченнаго промысла Божія, по данной намъ благодати отъ Святаго и Животворящаго Духа, се нынѣ отъ Бога поставляешися, и помазуешися, и нарицаешися Богомъ вѣнчанный Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ, всея Русіи Самодержецъ: да умножитъ Господь Богъ лѣтъ царству твоему, и положитъ на главѣ твоей царскій вѣнецъ отъ камени честнаго, и даруетъ тебѣ долготу дни и въ вѣкъ вѣка, и въ десницѣ твоей дастъ скифетръ царствія, и посаждаетъ тебя на престолѣ правды, и ограждаетъ тя нынѣ и въ предъидущая лѣта живота твоего всеоружествомъ Святаго Духа, и укрѣпитъ мышцу твою на вся видимыя и невидимыя враги, и покоритъ тебѣ вся варварскія языки, иже бранемъ хотящая, и да вселитъ Господь въ сердцѣ твоемъ божественный страхъ свой и еже къ послушнымъ милостивное и къ повинующимся милосердое, и соблюдетъ же тя Господь въ непорочной истинной Христіанской Вѣрѣ, и покажетъ тя опасна хранителя Святыя своея Соборныя Апостольскія Церкви въ повелѣніяхъ, да судиши люди твоя правдою и нищихъ твоихъ судомъ Божіимъ;

да возсіяетъ во днехъ твоихъ правда и множество мира, да въ тихости твоей тихо и безмолвно житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ; да здѣ добре и благородне поживеши и наслѣдникъ будеши небеснаго царствія со всѣми святыми православными Цари, нынѣ и въ безконечные вѣки, аминь*.»

Вотъ русскій языкъ, вотъ наше народное нарѣчіе, облагороженное глаголомъ Православной Церкви, неискаженное мудрованіемъ и витійствомъ латинскихъ школъ!

Петръ Великій, творецъ нынѣшней славной Европейской Россіи, отецъ русскаго воинства и флота, водворитель наукъ и искусствъ въ отечествѣ, обращалъ свое попечительное вниманіе и на русскій языкъ и на русскую грамоту. Онъ самъ составилъ нынѣшнюю нашу гражданскую азбуку, исключивъ лишнія буквы и удареніа, и тѣмъ ознаменовалъ начало Гражданской Русской Словесности. — Къ сожалѣнію, его окружали грамотѣи бѣлорусскіе и малороссійскіе; всякое латинское слово считали они красотою; русское выраженіе казалось имъ слишкомъ простымъ и низкимъ. Притомъ же Петръ Великій смотрѣлъ на дѣла, а не на слова, и, заимствуя у иностранцевъ полезныя вещи, не срывалъ съ нихъ ярлыка съ чужимъ именемъ. Отъ этого вошли въ нашъ языкъ судебный, административный и техническій, сотни иностранныхъ словъ, для которыхъ можно бь было пріискать слова русскія. Нашъ корабль, напримѣръ, строится

---

* Акты Археографической Экспедиціи, томъ II, стр. 108.

по-англійски, а оснащается по-голландски. Выше упомянуто, что термины военные у насъ нѣмецкіе и французскіе; предметы, относящіе къ нарядамъ, къ театру и къ кухонному дѣлу, французскіе; къ мелочной торговлѣ, къ городскому управленію, къ купеческому мореходству, къ горному дѣлу и къ конюшнѣ, нѣмецкіе. Всѣ выраженія книгопечатнаго дѣла у насъ италіянскія *. Наименованія драгоцѣнныхъ камней, впрочемъ вошедшія къ намъ гораздо ранѣе (*алмазъ*, *бирюза*, *изумрудъ*, *лалъ*, *сапфиръ*, *топазъ*, *яхонтъ*, *яшма*), арабскія, еврейскія и персидскія. — Отъ вторженія иностранныхъ словъ произошла въ тогдашнемъ слогѣ странная и непріятная пестрота. Слова русскія, малороссійскія, польскія, латинскія, нѣмецкія толпились въ немъ пестрымъ, безпорядочнымъ строемъ. Что люди умные дѣлали по необходимости, то въ рукахъ подражателей и невѣждъ становилось прихотью, щегольствомъ. Не должно думать, чтобъ тогдашніе умники видѣли несообразность и скудость этого языка! Нѣтъ, они въ немъ щеголяли какъ въ Тришкиномъ кафтанѣ, считая всякую латинскую или нѣмецкую заплату признакомъ новаго просвѣщенія, которымъ надлежало отличиться отъ брадатыхъ отцевъ и дѣдовъ. Такъ точно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія мнимые послѣдователи и подражатели Карамзина красовались своею приторною чувствительностью въ

---

* *Кука*, cocca; *піанъ*, piano; *марзаны*, margini; и т. д.

коротенькихъ фразахъ. Такъ, въ наши дни, нѣкоторые писатели, составивъ свои рѣчи изъ затычекъ: *тотъ*, *этотъ*, *который*, *какъ*, *такъ*, воображаютъ, что говорятъ языкомъ высшаго общества, а другіе, толкуя, напримѣръ, о субъективной и объективной рефлекціи внутренней индивидуальности, проявляющейся нормально въ моментахъ развитія жизни, богатой обособленіями, увѣряютъ своихъ читателей, что передаютъ имъ всю новѣйшую Нѣмецкую Философію. Между тѣмъ, какъ на Русской Землѣ кипѣло броженіе разныхъ стихій, изъ которыхъ готовилось новое наше гражданское образованіе, въ нѣдрахъ ея прозябали сѣмена, брошенныя рукою благотворнаго ея преобразователя. Самое безкорыстное дѣло есть трудъ воспитателя юношества. Полководецъ, мужъ государственный, градоправитель, посвящая жизнь исполненію своихъ обязанностей, видитъ и вкушаетъ награду своихъ подвиговъ. Тотъ же, который трудится для воспитанія, рѣдко успѣетъ дожить до жатвы посѣяннаго имъ, иногда не дождется и цвѣта: онъ дѣйствуетъ для потомства, и ждетъ хвалы и славы своей за гробомъ, славы безкорыстной и нетлѣнной. Петръ Великій видѣлъ при жизни послѣдствія своихъ трудовъ въ устроеніи флота и арміи, торжествовалъ побѣды на морѣ и на сушѣ, радовался рожденію новыхъ городовъ благоустроенныхъ, но не видалъ плодовъ своихъ учебныхъ и ученыхъ предпріятій: плоды сіи пожаты его преемниками. Россія насладилась ими, уже по утратѣ великаго своего Государя.

Въ царствованіе Петра Великаго родились три человѣка; имѣвшіе вліяніе на Рускую Словесность, каждый особеннымъ, свойственнымъ ему образомъ.

Первый былъ Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, родомъ Грекъ, сынъ умнаго и ученаго Молдавскаго Господаря, вступившаго въ подданство Петра Великаго. Онъ получилъ образованіе классическое, отличался умомъ необыкновеннымъ, былъ человѣкъ свѣтскій и любезный, служилъ сначала въ гвардіи, и на двадцать третьемъ году назначенъ былъ посланникомъ при Англійскомъ Дворѣ, потомъ переведенъ къ Двору Французскому, и скончался, въ Парижѣ, на тридцать пятомъ году отъ рожденія. Главныя изъ его сочиненій суть сатиры философскія и живописныя, въ которыхъ онъ караетъ людей порочныхъ и невѣжественныхъ. Прекрасныя мысли свои, почерпнутыя изъ общежитія, выражаетъ онъ въ нихъ кратко, живо и рѣзко. Мы не смѣемъ вдаваться въ *содержаніе* его стихотвореній. Наше дѣло смотрѣть на языкъ, и въ этомъ отношеніи скажемъ, что Кантемиръ не имѣлъ силы расторгнуть оковы, въ которыхъ влачилось тогда русское слово. Стихосложеніе его было польское, то есть стихи его состояли изъ равнаго числа слоговъ, безъ наблюденія мѣры и удареній, съ риѳмою женскою, или оканчивавшеюся короткимъ слогомъ, напримѣръ:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ

Мыслей, что мучатъ другихъ, и точчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Небольшой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Дастъ нужное моей умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и среднюю забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуки бремя.
Гдѣ бъ отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провождать межъ мертвыми Греки и Латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
И учась знать образцемъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно;
То одни желанія мои составляетъ.

И въ этомъ, какъ во многихъ другихъ фактахъ, является подтвержденіе сказаннаго уже нами, что языкъ поэзіи предшествуетъ прозаическому: стихи эти не гладки, составлены безъ мѣры, тяжелы, но внятны и не противны слуху. Къ нимъ можемъ привыкнуть; читая ихъ, можемъ наслаждаться красотою и вѣрностью мыслей, и забывать скудную ихъ одежду. Но проза Кантемира далеко отставала отъ его стиховъ, и въ прозѣ (достойно замѣчанія), свои собственныя мысли излагалъ онъ гораздо яснѣе и правильнѣе, нежели чужія, когда переводилъ ихъ. Теперь слѣдовало бы привести нѣсколько мѣстъ изъ прозаическихъ его творенiй, но я, для сбереженія времени, оставляю это: къ сожалѣнію, обязанъ я буду еще неоднократно занимать моихъ слушателей примѣрами дурнаго слога; постараюсь наблюдать въ этомъ

отношенія должную мѣру, и чаще приводить хорошее, достойное памяти и подражанія. Для отысканія примѣровъ дурнаго, нѣтъ надобности углубляться въ сѣдую старину.

Въ то время, когда Князь Кантемиръ учился въ Харьковѣ и въ Москвѣ у греческихъ наставниковъ, воспитывался въ Астрахани другой молодой человѣкъ, рожденный въ тепломъ климатѣ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ, способствуетъ развитію нѣжныхъ органовъ души поэтической. Не знаемъ, какимъ языкомъ говорилъ онъ во младенчествѣ, посреди тамошняго населенія, составленнаго изъ выходцевъ и ссыльныхъ Русскихъ, смѣшанныхъ съ Татарами, Персіянами и Индѣйцами, но онъ учился многому, прилежно и неутомимо. Окончивъ науки въ Московской Духовной Академіи, отправленъ былъ въ Парижъ, и тамъ довершилъ свое образованіе у первыхъ профессоровъ, въ кругу просвѣщеннаго общества. Занимаясь преимущественно исторіею, онъ часы досуга посвящалъ поэзіи, и писалъ легкіе французскіе стихи. Приведемъ нѣсколько куплетовъ изъ его стихотворенія *Сонъ:*

Aimable délire
D'un songe amoureux!
Seul prix du martyre,
De mes tendres feux!
Instant, où ma belle
Me serroit si fort,
Tu fuis avec elle!
Vraiment elle a tort.

***

Sa langue à ma bouche
Répondoit si bien,
Son coeur si farouche
Se changeoit au mien;
Nos bras pêle mêle
Se serroient si fort.
Où s'envole-t-elle?
Vraiment elle a tort.

*
* *

Est-il bien possible,
Disois-je en son sein,
Que tu sois sensible,
Que tu m'aimes enfin!
Iris moins cruelle
Ne veut plus ma mort!
Ah! répondoit elle:
Vraiment elle a tort.

*
* *

Je l'entendois dire
D'un ton plein d'amour:
Cruel, tu peux rire,
Je souffre à mon tour.
Sa tendre prunelle
Le disoit encor.
Que n'attendoit elle!
Vraiment elle a tort.

*
* *

Tandis que mes larmes
Couloient de plaisir,
Par quelles alarmes
Se met-elle à fuir?
Pour fruit de mon zèle

Quand je mouille au port,
Où s'envole-t-elle?
Vraiment elle a tort.

*
* *

Cette enchanteresse
Change en ce moment
Ma tendre allegresse
En affreux tourment.
Comme une hirondelle
Qui prend son essort
Où s'envole-t-elle!
Vraiment elle a tort.

Кто, вы думаете, этотъ русскій Шолье? Конечно, одинъ изъ тѣхъ царедворцевъ, которые блистали въ великолѣпной свитѣ Императрицъ Анны и Елисаветы, и изумляли Европу своею образованностью, любезностью, вѣтреностью, счастливо поддѣлываясь подъ тонъ придворныхъ Лудовика XV? Ахъ, нѣтъ! Это Василій Кирилловъ сынъ Тредьяковскій, профессоръ элоквенціи, творецъ Тилемахиды и Деидаміи, котораго умѣла съ пользою употребить одна Великая Екатерина, заставивъ читать его русскіе стихи въ наказаніе. Въ противоположность его стихамъ *французской работы*, какъ онъ самъ ихъ называетъ, приведемъ стихи его, россійскаго издѣлія:

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЯ ПАРИЖУ.

Красное мѣсто! драгой берегъ Сенски!
тебя не лучше поля Елісейски:

всѣхъ радостей домъ и сладка покоя,
гдѣ ни зимня нѣтъ, ни лѣтняго зноя.

* * *

Надъ тобой солнце по небу катаетъ
смѣясь, а лучше нигдѣ не блистаетъ.
Зефиръ пріятный одѣваетъ цвѣты.
красны и вонны чрезъ многія лѣты.

* * *

Чрезъ тебя лимфы текутъ всѣ прохладны,
Нимфы гуляя поютъ пѣсни складны.
Любо играетъ и Аполлонъ съ Музы
въ лиры и гусли, также и въ флейдузы.

Примѣръ любопытный и поучительный! Все, что составляетъ ученаго и полезнаго человѣка, соединялось въ Тредьяковскомъ: умъ, знанія, опытность, прилежаніе, любовь къ наукамъ и словесности; былъ и случай употребить въ пользу свои дарованія и ученость. И онъ произвелъ только уродливыя созданія, передавшія его имя потомству въ незавидныхъ лучахъ педанта и безплоднаго труженика. Отчего это? Оттого, что онъ родился въ такое время, когда въ Россіи надлежало созидать, творить, изъ самородныхъ матеріяловъ, а не съ готовыхъ образцевъ иностранныхъ. Онъ нашелъ во Франціи примѣры стиховъ, и сталъ писать такъ какъ другіе; въ Россіи не видѣлъ онъ предшественника, и не могъ самъ произвести ничего хорошаго. Ему не доставало врожденнаго чувства русскаго, а что и было въ немъ, то заглушалось подражаніемъ иностранцамъ. Ему не доставало того, что творитъ людей великихъ, что опережаетъ вѣкъ и воздвигаетъ себѣ мо-

нументы въ потомствѣ — не доставало генія. Вѣкъ его въ томъ не виноватъ. — Въ какое бы время онъ ни родился, всегда былъ бы только подражателемъ и поставщикомъ толстыхъ книгъ.

Въ то время, когда уроженецъ Царяграда, Кантемиръ, готовился выступить на поприще дипломата, а Тредьяковскій, сынъ знойной Астрахани. тяжелымъ трудомъ пріобрѣталъ плоды иностраннаго образованія, на льдистомъ берегу Бѣлаго Моря, въ рыбачьей хижинѣ, зрѣлъ тотъ великій человѣкъ, которому судьбы нашего отечества назначили быть творцемъ Русскаго Языка. Ломоносовъ — имѣю ли надобность прибавлять, что говорю о немъ? — выросъ посреди чистаго русскаго народа, рыбаковъ новгородскаго племени, съ дѣтства читалъ однѣ церковныя книги, утолялъ жажду юношескаго любопытства въ двухъ самородныхъ ключахъ нашего языка, и началъ искусственное, ученое образованіе свое уже тогда, когда природныя его силы и дарованія укрѣпились здоровою русскою пищею. Но въ одно съ нимъ время, на той же русской землѣ, росли тысячи юношей въ тѣхъ же обстоятельствахъ. Отчего же онъ, именно онъ одинъ, успѣлъ воспользоваться мѣстомъ и временемъ своего рожденія? Оттого, что Всеблагое Провидѣніе вложило въ него ту искру, которая производитъ великихъ людей, тотъ зародышъ генія, который пробивается наружу и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, а въ удобное для развитія его время, при счастливомъ стеченіи внѣшнихъ случаевъ, дѣлаетъ его

свѣтиломъ и благотворителемъ своихъ ближнихъ. Въ теченіе столѣтій жители Урала рылись въ пескахъ своихъ, не зная ихъ сокровищъ. Геніальный человѣкъ, взглянувъ на песокъ, сказалъ: это золото! Теперь тысячи людей безъ труда пользуются драгоцѣннымъ даромъ природы, который всегда оставался бы въ нѣдрахъ земли, если бъ не озарилъ его лучъ свѣтлаго ума. — Россія можетъ славиться, что въ одинъ вѣкъ произвела трехъ первостепенныхъ геніевъ: Петра Великаго, Суворова и Ломоносова. Не думайте, почтеннѣйшіе слушатели, чтобъ я возвышалъ геній поэта по пристрастію къ литературѣ! Ломоносовъ былъ великъ во всемъ до чего ни касался: онъ занимался физикою, и открылъ законы происхожденія сѣверныхъ сіяній, которые подтверждены новыми естествоиспытателями; онъ сталъ писать Русскую Исторію, и удачнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, современниковъ и даже многихъ послѣдователей, указалъ мѣсто, изъ котораго вышли Норманны, для принятія владычества въ Россіи; онъ обратился къ искусствамъ, и оставилъ единственные въ своемъ родѣ памятники мозаическихъ картинъ. Если бъ онъ родился дворяниномъ и былъ въ военной службѣ, то, вѣроятно, одержалъ бы верхъ надъ Фридрихомъ II.

Но мы должны смотрѣть на него только, какъ на преобразователя Русскаго Языка, и съ него начнемъ будущую нашу бесѣду.

ТРЕТЬЕ ЧТЕНІЕ.

(16-го Декабря.)

Обративъ вниманіе на литераторовъ, рожденныхъ въ царствованіе Петра Великаго, но дѣйствовавшихъ, разумѣется, гораздо позже, мы должны упомянуть объ успѣхахъ Русскаго Языка въ обществѣ, со времени кончины великаго Монарха. Первыя пять лѣтъ прошли въ дѣлахъ распрей и споровъ олигархіи, которая воспользовалась личною довѣренностію Императрицы Екатерины I и несовершеннолѣтіемъ Петра II. Видимъ одни послѣдствія трудовъ и начинаній Петра Великаго, открытіе Академіи Наукъ, продолженіе разныхъ наблюденій и изысканій, но собственно для Русскаго Языка и Словесности не было сдѣлано ничего. Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Анны возникло правленіе благоустроенное, твердое въ своихъ началахъ и дѣйствіяхъ. Минихъ

и Остерманъ, найденные и избранные Петромъ Великимъ, прославили Россію дѣлами войны и политики. Во внутреннемъ управленіи произошли многія благодѣтельныя перемѣны; возникли новые, полезные законы: но тогдашніе министры, полководцы, важнѣйшіе сановники государственные были не Русскіе: при всемъ умѣ своемъ, при великихъ дарованіяхъ, даже при ревностномъ желаніи добра, они не могли ни понимать, ни любить новаго своего упрямаго отечества, и тамъ, гдѣ проявлялся истинный духъ русскій, искренняя любовь къ Государынѣ и Россіи, видѣли непокорность и крамолу. Между тѣмъ возникло при Дворѣ невиданное дотолѣ въ Россіи великолѣпіе. Балы, маскарады, нѣмецкія комедіи, италіянскія оперы смѣнялись одни другими. О Русскомъ Языкѣ, о Русской Поэзіи не было и помину. Самымъ національнымъ произведеніемъ того времени былъ ледяной домъ на Невѣ. И могли ли просвѣщенные иностранцы, и даже Русскіе высшаго круга, уважать и любить литературу, которой первымъ представителемъ былъ Тредьяковскій? Профессоръ элоквенціи, ученый и трудолюбивый, игралъ роль жалкаго шута; его заставляли читать свои стихи въ публичныхъ маскарадахъ, въ гаерскомъ нарядѣ. — Вдругъ, посреди этого общества, ода Ломоносова, на взятіе Хотина, упала какъ бомба на вражеской баттареѣ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ нелѣпыхъ виршей и нескладныхъ силлабическихъ стиховъ того времени, можно ли было читать безъ восторга и изумленія стихи, подобные слѣдующимъ,

которые и нынѣ, по прошествіи ста лѣтъ (они написаны были въ 1739 году), не утратили цѣны и красотъ своихъ:

Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.
Какъ сильный левъ стада волковъ,
Что кажутъ острыхъ рядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонитъ страхомъ,
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ
Разитъ извившись сильнымъ махомъ.

* * *

Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ
И съ сѣрою кипя клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ,
И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы,
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ, среди болотъ
Чрезъ быстрый токъ на огнь дерзаетъ;

* * *

За холмы, гдѣ паляща хлябь
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбулъ своихъ заграбь,
Что камни съ береговъ сдираетъ:
Но чтобъ орловъ сдержать полетъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины —
Глухія степи — равенъ путь!

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть —
Проступятъ тамъ полки орлины!

Въ 1741 году вступила на престолъ Императрица Елисавета Петровна, любительница музыки и другихъ изящныхъ искусствъ, словесности и поэзіи. Знаменитые вельможи ея времени, Разумовскіе, Воронцовы, Шуваловы, были ревнителями и покровителями наукъ и Русскаго Слова. Съ самаго начала ея царствованія возникла любовь къ просвѣщенію. Гетманъ Малороссіи и президентъ Академіи Наукъ, Графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій собственноручнымъ письмомъ пригласилъ Эйлера посвятить Россіи свои таланты, открытія и труды, и тѣмъ положилъ основаніе водворенію въ Россіи высшихъ математическихъ наукъ, которыя до сихъ поръ находятся у насъ въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Попеченіемъ и ходатайствомъ Ив. Ив. Шувалова основались Московскій Университетъ, самое важное и полезное учебное заведеніе Россіи, и процвѣтающая донынѣ Академія Художествъ.

Единственнымъ образцовымъ писателемъ того времени оставался Ломоносовъ. Достойно замѣчанія, что изстари вошло въ привычку называть, для примѣра, обыкновенно двухъ писателей одного вѣка, хотя бъ они вовсе не были похожи другъ на друга или равны талантами; такъ говорятъ обыкновенно: Горацій и Виргилій, Корнель и Расинъ, Вольтеръ и Руссо, Гете и Шиллеръ, Линней и Бюффонъ. По этому обычаю, и у насъ ввелось называть въ одно время

Ломоносова съ Сумароковымъ. Но какая между ними разница! Сумароковъ былъ стихотворецъ своего *времени*, слѣпо подражалъ и вѣрилъ авторамъ французскимъ, и писалъ варварскимъ слогомъ. Онъ оттого только имѣлъ большое вліяніе на современную публику, что писалъ для раждавшагося въ то время Русскаго Театра, и дѣйствовалъ вдругъ и на читателей и на зрителей. И Тредьяковскій, и Сумароковъ преслѣдовали Ломоносова, пигмеи бросались на исполина. Тредьяковскій первый вздумалъ писать русскіе стихи не силлабическіе, подобно кантемировскимъ, а составленные по удареніямъ, но, не имѣя, какъ мы сказали, дарованій, которыя одни даютъ право на законодательство въ языкѣ, не могъ ввести ихъ въ употребленіе: онъ опозорилъ и великолѣпный гекзаметръ, который потомъ лѣтъ восемьдесятъ былъ у насъ не въ забвеніи, а въ совершенномъ презрѣніи, и съ трудомъ, при усиліяхъ ученыхъ, образованныхъ и геніальныхъ литераторовъ, получилъ свои права въ переводахъ съ древнихъ языковъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ твореніяхъ. Ломоносовъ подражалъ преимущественно поэтамъ нѣмецкимъ, и въ какое время! Когда въ Германіи первенствовалъ свой Тредьяковскій, Готшедъ, съ многочисленною дружиною тяжелыхъ и безвкусныхъ педантовъ. Нашъ юный атлетъ взялъ себѣ за образецъ молодаго поэта Гюнтера, который обратилъ на себя скоропреходящее вниманіе публики въ началѣ XVIII вѣка, и умеръ въ развратѣ и убожествѣ, оставивъ въ своихъ твореніяхъ, написанныхъ наскоро, безъ

размышленія и критики, нѣсколько счастливыхъ стиховъ, вылившихся изъ пера, вѣроятно безъ его вѣдома. Ломоносовъ отличилъ этого поэта отъ прочихъ, въ которыхъ не было ничего хорошаго, и сталъ подражать ему, но не рабски, а именно въ томъ, чего недоставало тогда въ Русской Поэзіи: онъ заимствовалъ у него стихосложеніе лирическое, четырехстопныя ямбическія десятистрочныя строфы, и эта форма, примѣромъ Ломоносова, утвердилась въ нашей лирической поэзіи. У Нѣмцевъ же заимствовалъ онъ шестистопные ямбы, или александрійскіе стихи, для поэмъ эпическихъ и трагедій. Сравнивая Ломоносова съ его совмѣстниками, не должны мы забывать, что эти совмѣстники были записные литераторы, и посвящали свои труды исключительно словесности; Ломоносовъ же былъ профессоромъ химіи и металлургіи, и литературою занимался только въ часы досуга, по влеченію творческаго своего генія и по страстной любви къ поэзіи. По содержанію лучшихъ его торжественныхъ одъ на тогдашнія происшествія, можно еще заключить, что онъ писалъ ихъ на празднества и побѣды, по желанію своихъ благотворителей, а можетъ быть и самой Императрицы, урывая время свое отъ должностныхъ занятій. Этого обстоятельства не должны мы терять изъ виду, если хотимъ вполнѣ оцѣнить его дѣятельность и успѣхи. Но стихи не составляютъ еще собственной литературы, и поэзія не можетъ быть мѣриломъ и закономъ языка, такъ какъ обиліе пріятныхъ розъ и лилій не возвѣ-

щаетъ объ урожаѣ ржи и пшеницы, питательныхъ и необходимыхъ. Картины воображенія, величественныя мысли, удачно выраженныя рѣзкимъ стихомъ, иногда заглушаютъ недостатки языка и слога. Ломоносовъ и не удовольствовался стихами: онъ написалъ прозою два похвальныя слова, Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и Императору Петру Великому, которыя можно назвать одами, или лирическими поэмами, въ прозѣ: то же пареніе, то же величіе, то же благородство чувствъ, мыслей и выраженій. Въ похвальныхъ словахъ своихъ подражалъ онъ ораторамъ римскимъ, особенно Плинію, и даже заимствовалъ у него нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ, но то, о чемъ мы говоримъ преимущественно, *языкъ*, есть неотъемлемая его собственность. Ломоносовъ первый у насъ постигъ и выразилъ разность между словами языка церковнаго и народнаго, далъ каждому изъ нихъ мѣсто и силу, и правилами и примѣрами. Онъ изгналъ изъ нашего языка ту непріятную, комическую пестроту, которая безобразила всѣ наши писанія отъ начала XVIII вѣка до его времени. И у него встрѣчаются нѣкоторыя иностранныя слова, но только въ сочиненіяхъ дидактическихъ, какъ принятыя выраженія науки. Если же, въ другихъ его прозаическихъ сочиненіяхъ, останавливаютъ насъ слова, нынѣ неупотребляемыя или одичавшія, то не ему ли мы обязаны этимъ исправленіемъ и утонченіемъ нашего вкуса? Языкъ дидактическихъ его творецій, напримѣръ Слова о пользѣ Химіи, простъ, ясенъ, приличенъ своему предмету, и до-

вольно пріятенъ даже для нашего избалованнаго слуха. Замѣтьте, что я говорю *языкъ*, а не *слогъ*. Слога тогда еще не было, если мы подъ симъ словомъ разумѣемъ свойственное духу нашего языка расположеніе словъ, приличныхъ предмету. Слогъ, или складъ, у Ломоносова въ просторѣчіи, т. е. въ письмахъ и учебныхъ сочиненіяхъ, былъ нѣмецкій; въ торжественныхъ рѣчахъ и исторія, подражаніе латинскому. Еще не наступило время вполнѣ соорудить зданіе Русскаго Слова.

Ломоносовъ не удовольствовался тѣмъ, что представилъ соотечественникамъ своимъ примѣры языка: онъ же занялся и выводомъ правилъ — сочинилъ первую Русскую Грамматику, — трудъ, по тогдашнему времени, необъятный и неоцѣненный. Дотолѣ существовали у насъ только двѣ Грамматики: Лаврентія Зизанія, напечатанная въ Вильнѣ въ 1596 году, и Епископа Мелетія Смотрицкаго, напечатанная тамъ же, въ 1619. Обѣ онѣ представляютъ намъ правила церковно-славянскаго языка, сильно отзываясь вліяніемъ литовскимъ. Правила собственно Русскаго Языка изложены были, очень скудно, иностранцемъ Генрихомъ Вильгельмомъ Лудольфомъ: онъ напечаталъ Русскую Грамматику, на латинскомъ языкѣ, въ Оксфордѣ 1696 года. — Ломоносовъ пользовался Грамматикою Смотрицкаго, но умѣлъ и тутъ различить языкъ собственно церковный отъ общеупотребительнаго русскаго. Достойно вниманія, что онъ, въ Грамматикѣ своей, равно и въ Риторикѣ, не говоритъ о собственной русской конструкціи, то

есть о порядкѣ и размѣщеніи словъ, свойственномъ Русскому Языку: онъ упоминаетъ только о тѣхъ фигурахъ словъ, которыя свойственны всѣмъ языкамъ вообще — новое свидѣтельство, на какой степени находился тогда Русскій Языкъ: были славянскія и русскія слова; были періоды, составленные по образцу классическихъ и иностранныхъ, но собственной русской рѣчи на письмѣ еще не было. Отъ этого опущенія, оправдываемаго тогдашнимъ состояніемъ теоріи и практики Русскаго Слова, возникло странное и нелѣпое правило позднѣйшихъ грамотѣевъ: ставь слова какъ хочешь, все равно, и этотъ недостатокъ дерзали называть преимущественно свойствомъ и красотою Русскаго Языка. Надлежало бы сказать: слова въ русскомъ періодѣ, или предложеніи, могутъ быть располагаемы въ различномъ порядкѣ, по требованію мысли, по законамъ логики и гармоніи, но это размѣщеніе словъ отнюдь не есть произвольное или случайное: оно проистекаетъ отъ условій смысла рѣчи, отъ духа языка и отъ законовъ слуха. Въ свое время постараюсь я изложить это въ подробности, и доказать на самомъ дѣлѣ.

Въ то время готовилась другая русская грамматика, которая могла принести большую пользу Русскому Языку точнымъ и яснымъ изложеніемъ его формъ. Въ 1761 году прибылъ въ С. Петербургъ Августъ Лудовикъ Шлецеръ, по приглашенію исторіографа Миллера; прилежно занялся Русскимъ Языкомъ, и вскорѣ выучился ему до

такой степени, что рѣшился сочинить его грамматику. Ломоносовъ составилъ свою Грамматику по образцу извѣстныхъ ему латинскихъ, нѣмецкихъ и славянскихъ учебниковъ того времени, и дополнялъ недостающее основательнымъ знаніемъ отечественнаго языка, впрочемъ не вдаваясь въ толкованія о тѣхъ предметахъ, которые русскому человѣку извѣстны по навыку. Шлецеръ приступалъ къ сочиненію своей книги, вооружась познаніемъ всѣхъ европейскихъ и многихъ восточныхъ языковъ; составилъ общее обозрѣніе стихій языка, его происхожденія и сродства съ другими, изложилъ склоненія именъ существительныхъ, и принялся за прилагательныя. Девять листовъ его Грамматики (на нѣмецкомъ языкѣ) уже были отпечатаны. Ломоносовъ узналъ объ этомъ, и не могъ не почувствовать опасенія, видя, что молодой Нѣмецъ дерзаетъ перебивать у него дорогу; но это дѣло обошлось бы безъ бѣды и шуму, если бъ Шлецеръ не затронулъ авторскаго самолюбія, выписавъ, въ примѣръ негладкаго совокупленія согласныхъ, стихъ Ломоносова:

Прілвъ мечъ, скиптръ, щитъ!

Почтенные мои слушатели! знаете ли вы, что значитъ оскорбить самолюбіе автора, обидѣть любимое его дѣтище, милое и дорогое со всѣми его недостатками, а можетъ быть, любезное именно по причинѣ сихъ недостатковъ! Отнимайте у меня имѣнье, морите меня голодомъ, но не троньте, не обижайте моихъ стиховъ! Это мои милыя дѣтки, мои птенчики, мои созданія, часть, благород-

нѣйшая часть самого меня! — Ломоносовъ, пылкій, раздражительный, вышелъ изъ себя. Въ это время одинъ плохой литераторъ (они всегда и вездѣ окружаютъ великихъ писателей, кормятъ ихъ своею лестью, и питаются крохами ихъ поэтической трапезы) вздумалъ подслужиться Ломоносову, досталъ отпечатанные листы Шлецеровой Грамматики, и изъ этимологическихъ его изысканій вывелъ криминальное дѣло. Шлецеръ, доискиваясь корня слова *князь*, сказалъ, что оно, вѣроятно, произошло отъ старипнаго нѣмецкаго слова Knecht, которое означало пажа, и удержалось, въ смыслѣ кавалера, или рыцаря, въ англійскомъ языкѣ, гдѣ оно произносится *нейтъ* (knight.) Довольно для ревнителя стиховъ Ломоносова: онъ вывелъ, что Шлецеръ производитъ русскихъ князей отъ нѣмецкихъ рабовъ, Knechte, и составилъ о таковомъ посягательствѣ иноземца самый благонамѣренный доносъ. Шлецеръ узналъ о томъ, перепугался, и сжегъ свою Грамматику. — Но тогда царствовала Екатерина: она отринула гнусные навѣты доносчика, повелѣла увѣрить Шлецера въ своей милости, и опредѣлить его въ Академію Наукъ. А Грамматика пропала. Шлецеръ занялся исключительно Русскою Исторіею, и изъ драгоцѣннаго его сочиненія уцѣлѣли только три экземпляра. Я пользовался однимъ изъ нихъ, и ему обязанъ моею системою склоненій именъ существительныхъ.

Упомянувъ объ одной слабости Ломоносова, о раздражительномъ пристрастіи къ своимъ произведеніямъ, которую онъ раздѣляетъ со многими дру-

8

тами, если не со всѣми писателями, неизлишнимъ считаю коснуться здѣсь обвиненія, которымъ клеветники дерзали оскорблять память великаго человѣка, называя его пьяницею, и утверждая, что онъ отъ невоздержанія своего рановременно сошелъ въ могилу. Это неправда. Дѣдъ мой, профессоръ Кадетскаго Корпуса, жившій въ одно время съ Ломоносовымъ, былъ его пріятелемъ, и въ нашемъ семействѣ сохранялись о немъ преданія, какъ о человѣкѣ пламенномъ, пылкомъ, раздражительномъ, но я не слыхалъ, чтобъ онъ былъ подверженъ гнусному пороку пьянства. Вообще, обвиняя человѣка въ какой либо слабости, въ какой либо дурной привычкѣ, должны мы брать въ разсужденіе время и мѣсто его жизни. Въ тотъ вѣкъ, когда жилъ и дѣйствовалъ Ломоносовъ, неумѣренность въ употребленіи горячихъ питей, особенно ненавистнаго для насъ нынѣ пуншу, отнюдь не считалась предосудительною. Какъ нынѣ никого не станутъ называть пьяницею, когда онъ выпьетъ за столомъ бокала три шампанскаго, такъ въ тогдашнее время три, четыре стакана пуншу въ вечеръ считались порціею всякаго здороваго, особенно дѣловаго человѣка. Водку пили нѣсколько разъ передъ обѣдомъ, и никто изъ тѣхъ, которые слѣдовали этому обычаю, еще сохранившемуся въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, не считался пьяницею. Сверстники мои помнятъ еще то недавнее время, когда спиртные напитки замѣняли нынѣ употребляемые виноградные. Лѣтъ за тридцать предъ симъ, Графъ Д. И. Хвостовъ на-

писалъ цѣлую оду на *одну* бутылку шампанскаго, поданную за столомъ въ порядочномъ домѣ, въ день семейнаго праздника. Такъ рѣдко было тогда употребленіе слабыхъ винъ! И этотъ обычай господствовалъ не только у насъ, но и во всей Европѣ между особами средняго и даже высшаго сословія. Въ правленіе Регента, Герцога Орлеанскаго, во Франціи, въ тонѣ было являться въ общество въ похмѣльѣ, и люди трезвые поддѣлывались подъ невоздержныхъ модниковъ. Въ Германіи пьянство было общею язвою. Въ Англіи, еще недавно, каждый обѣдъ оканчивался отвратительною оргіею. И такъ перестанемъ обвинять Ломоносова въ томъ, что принадлежало его вѣку. — Можетъ быть, найдутъ, что я, вдаваясь въ эти подробности, уклонился отъ своего предмета, но я полагаю долгомъ честнаго человѣка пользоваться всякимъ случаемъ, чтобъ оправдывать людей великихъ и достойныхъ нашей хвалы и благодарности, отъ гнусныхъ навѣтовъ клеветы и несправедливости. Еще недавно кто-то (къ стыду и огорченію нашему, Русскій), дерзнулъ напечатать въ Германіи эту клевету на нашего великаго писателя. Къ числу людей, умершихъ у насъ отъ пьянства, присоединилъ онъ еще одно имя, которато я произнести не дерзаю, имя героя, который лишился жизни отъ простуды, спасая матроса, тонувшаго въ Финскомъ Заливѣ*. — Нѣтъ! Ломоносовъ умеръ, какъ

* Literarische Bilder aus Rußland von H. König, Stuttgart, 1837, стр. 44.

жилъ, любя отечеству, славу и науки. — «Умираю, пріятель!» говорилъ онъ профессору Штелину: «на смерть взираю равнодушно: сожалѣю о томъ, чего не успѣлъ довершить для пользы наукъ, для славы отечества и академіи нашей. Съ сожалѣніемъ вижу, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною.» Тѣнь великаго мужа утѣшилась, скажемъ съ однимъ изъ его біографовъ: труды его не потеряны, имя его безсмертно!

Одною изъ послѣднихъ одъ своихъ Ломоносовъ воспѣлъ восшествіе на престолъ Екатерины Второй, которой имя повѣкъ будетъ дорого и любезно всякому Русскому, незабвенно и священно ревнителямъ наукъ и отечественной словесности. Она довершила начатое Петромъ Великимъ, и, въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, была истинною его преемницею. Здѣсь не мѣсто распространяться о славныхъ ея дѣлахъ въ войнѣ и политикѣ, о возвышеніи имени русскаго громкими побѣдами и безсмертными торжествами, о ея законахъ и гражданскихъ учрежденіяхъ. Коснемся только того, что она сдѣлала въ пользу нашего просвѣщенія, и этого было бы довольно для прославленія иныхъ десяти царствованій. Образованная уроками, примѣрами и бесѣдою величайшихъ писателей и ученыхъ своего времени, она охотно говорила и писала по-французски, но страстно любила языкъ и литературу Россіи: отыскивала таланты, ободряла, подкрѣпляла ихъ наградою и ласковымъ словомъ; въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, который она звала разсадникомъ ве-

ликихъ людей, возбудила во всѣхъ воспитанникахъ страсть къ изящной словесности; въ Смольномъ Монастырѣ готовила Россія будущихъ матерей русскихъ писателей. При ней процвѣли и возвысилась Академія Наукъ и Художествъ; недоступныя до тѣхъ поръ страны необозримой Россіи были осмотрѣны и описаны учеными людьми, возникли разныя духовныя, военныя и техническія училища, и наконецъ народныя школы. Знаменитые пастыри и служители Церкви, въ числѣ которыхъ преимущественно сіяли Платонъ, Анастасій и Леванда, подали изящные примѣры духовнаго красно рѣчія и христіанскаго нравоученія. Сама Императрица занималась Русскою Исторіею, сравнительнымъ языкознаніемъ, сочиняла повѣсти и сказки для своихъ внуковъ, національныя комедіи и оперы для просвѣщаемой ею публики. Наконецъ, для усовершенія и очищенія Русскаго Языка, учредила она Россійскую Академію, и когда президентъ этой академіи, Княгиня Дашкова, въ Свѣтлое Воскресенье 1789 года, поднесла ей первый томъ Академическаго Словаря, великая Государыня залилась радостными слезами. — Достойно замѣчанія и то, что при учрежденіи губерній она вводила во всѣ части управленія русскія выраженія, вмѣсто прежнихъ иностранныхъ: *оберштеръ-кригсъ-коммисаръ*, *генералъ-провіантмейстеръ-лейтенантъ*, *шоутбенахтъ*, *оберъ-гиттенфервальтеръ* и прочія иностранныя званія введены у насъ были со времени Петра Великаго: при Екатеринѣ вошли въ употребленіе слова русскія: *казенная*, *гра-*

жданская, уголовная палата, управа благочинія, намѣстникъ, предсѣдатель, исправникъ, засѣдатель, и т. п. Въ ея же время два отличные математика, Суворовъ и Никитинъ, воспитывавшіеся въ Оксфордѣ, и служившіе потомъ преподавателями въ Морскомъ Корпусѣ, ввели въ языкъ математики многіе русскіе термины, напримѣръ: *окружность, полупоперечникъ, касательная,* и другія, составленныя по всѣмъ требованіямъ языка и науки.

Могла ли Россія не соотвѣтствовать ея стараніямъ и подвигамъ? На благодарной Русской Землѣ живительное свѣтило вызвало къ бытію прекраснѣйшіе цвѣты и плоды: возникъ Державинъ съ своею великолѣпною лирическою поэзіею; Херасковъ съ поэмами эпическими, Богдановичъ съ романтическою, Княжнинъ съ трагедіями, Петровъ съ громкими одами и переводомъ Энеиды; Хемницеръ писалъ прекрасныя басни; Нелединскій сочинялъ романсы и пѣсни; фонъ-Визинъ представилъ первые образцы національной русской комедіи. Послѣдній, т. е. фонъ-Визинъ, болѣе всѣхъ прочихъ содѣйствовалъ успѣхамъ русской прозы: онъ зналъ основательно языкъ церковный, и умѣлъ выражать мысль свою ясно и рѣзко, но, во время пребыванія во Франціи, выучили его размѣрять ораторскую прозу особымъ кадансомъ, похожимъ на стихи: отъ этого слышна въ ней какая-то принужденная гармонія, непріятная для слуха, особенно нынѣшняго. Языкъ его Бригадира и Недоросля достоинъ вниманія тѣмъ, что

представляетъ намъ образчики разговорнаго слога тогдашняго русскаго общества. Елагинъ занимался переводами романовъ, которые славились въ свое время. Кто не слыхалъ о Маркизѣ Глаголѣ, увѣковѣченномъ въ комедіи Крылова? Слогъ этихъ переводовъ тяжелъ до чрезвычайности, и читая ихъ, мы легко можемъ понять, почему ни свѣтскіе люди, ни женщины того времени не брали въ руки русскихъ книгъ.

Во второй половинѣ царствованія Великой Екатерины стали показываться плоды учрежденія Московскаго Университета. Главное достоинство сего учебнаго заведенія состояло въ томъ, что оно было русское по превосходству, и хотя многія науки преподаваемы въ немъ были иностранцами, и въ томъ числѣ первоклассными учеными, но успѣхи національной словесности и языка составляли его неотъемлемую славу. Уже съ самаго его начала, въ 1755 году, профессоръ Поповскій сталъ преподавать въ немъ философію на русскомъ языкѣ, подвигъ по тогдашнему времени исполинскій. Другіе профессоры послѣдовали его примѣру: юристы Десницкій и Третьяковъ; натуралисты Зыбелинъ и Страховъ; математики, философы, историки: Брянцевъ, Аничковъ, Чеботаревъ, каждый по своей части, трудились въ обогащеніи Русскаго Языка новыми, вѣрными выраженіями. Особенно заслужили въ этомъ отношеніи благодарное воспоминаніе потомства ученикъ Ломоносова, Барсовъ, и Сохацкій. Послѣдній, съ Подшиваловымъ, значительно содѣйствовалъ къ очи-

щенію и исправленію Русскаго Языка, который дотолѣ влачился въ латинскихъ и славянскихъ оковахъ, тяжелыхъ и утомительныхъ.

Я былъ бы варваръ, недостойный излагать мысли свои предъ вами, почтеннѣйшіе слушатели, если бъ дерзнулъ посягнуть на величіе святой древности, и сталъ унижать ученіе языковъ греческаго и латинскаго. Въ Древней Словесности, служившей основаніемъ нынѣшнему просвѣщенію Европы, находимъ мы конченными и рѣшеными тѣ вопросы, которые, въ литературахъ современныхъ, приводятъ насъ еще въ недоумѣніе, и требуютъ отвѣта. Изслѣдованіемъ сихъ великихъ вопросовъ, изученіемъ началъ, на которыхъ воздвигнуты вѣковыя произведенія ума и генія человѣческаго, мы укрѣпляемъ, расширяемъ свои умственныя силы, научаемся судить здраво, основательно, не ослѣпляясь временными мнѣніями и предразсудками. Занимаясь литературою настоящаго времени, ходимъ по прекрасному саду, гдѣ иногда мелкая травка, вьющееся по чужому стволу однолѣтнее растеніе заграждаютъ отъ нашихъ взоровъ и вниманія исполинскіе дубы и кедры. Занятіе литературою древнею есть взглядъ на тотъ же садъ въ зимнюю пору: все мелкое, ничтожное, временное исчезло; остались одни вѣковыя деревья, упирающіяся вершинами своими въ облака. Сколько разъ случается намъ въ жизни, когда не исполняются любезныя сердцу надежды, когда мелочной свѣтъ, окружающій насъ, стѣсняетъ и томитъ намъ душу, желать переселенія въ другой міръ,

гдѣ не дойдутъ до насъ, не коснутся нашего чувства и мысли, жалкія нужды и горести настоящей минуты: такой міръ открывается намъ въ изученіи древности; оттуда вѣетъ на насъ свѣжее и прохладное дыханіе безсмертія, отрады и успокоенія! Отдавая, такимъ образомъ, всю справедливость ученію классическому, я въ то же время смѣю утверждать, что *исключительное* занятіе одними языками древности не только не полезно, но и вредно: человѣкъ, съ мягкаго, воспріимчиваго младенчества, занимающійся *единственно* чужимъ языкомъ, теряетъ чувство своего собственнаго, теряетъ любовь и привязанность къ тому, что соединяетъ его съ жизнію и отечествомъ. Вы даете мнѣ въ наставники знаменитаго, ученаго человѣка, который постигъ всю мудрость людскую, и обѣщаетъ познакомить меня съ сокровищами науки всѣхъ народовъ. Нѣтъ! дайте мнѣ въ наставники моего отца: онъ не премудрый философъ, онъ не знаменитый ученый, но онъ научитъ меня любить мое отечество, любить мой языкъ, жить и умирать за то, что дорого человѣку, Русскому и Христіанину. Когда утвердятся въ моемъ сердцѣ и умѣ теплыя наставленія родительскія, довершайте мое воспитаніе какъ вамъ угодно. Иностранные языки, преимущественно древніе, должны быть довершеніемъ, украшеніемъ нашего образованія, но корнемъ и основаніемъ его долженъ быть Языкъ Русскій.

Съ младенчествующими народами бываетъ то же, что съ дѣтьми: они принимаютъ сложеніе и

характеръ отъ пищи, на которой выросли и возмужали. Латинскій языкъ полезенъ, благотворенъ и необходимъ тѣмъ языкамъ, которые сами произошли отъ него. Эти языки бѣдны формами грамматическими, и могутъ быть сравнены съ беззпозвоночными животными, слизняками, которыя не имѣя скелета, не въ состояніи подняться безъ чужой помощи. Для такихъ языковъ первородный ихъ языкъ необходимъ. Если бъ Французы и Италіянцы, напримѣръ, не учились латинскому языку, они не знали бы, что есть склоненіе; притомъ всякое ихъ заимствованіе изъ родннаго источника свойственно и близко ихъ характеру, обогащаетъ ихъ самымъ естественнымъ образомъ, какъ у насъ, руководимое вкусомъ и умомъ заимствованіе у славянскаго. Но тотъ языкъ, который получаетъ воспитаніе у языка чуждаго, лишается своего собственнаго богатства, своихъ красотъ, особенностей и самородности. Такая бѣдственная участь постигла языкъ нѣмецкій: онъ лишился древнихъ, прекрасныхъ, многообразныхъ, выразительныхъ формъ своихъ, когда его положили на Прокустово ложе: бѣдные языки на этомъ ложѣ растягиваются, а богатые усѣкаются, и это ложе есть латинская грамматика. Повѣрите ли вы, что очень недавно начали въ Германіи учить нѣмецкому языку! Встарину, т. е. за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, учили только латинскому и греческому, приговаривая: кто знаетъ полатыни и по-гречески, тотъ знаетъ всѣ языки. Знаменитый Клингеръ, совмѣстникъ и товарищъ

Гете, самъ жаловался мнѣ, что не умѣетъ правильно писать по-нѣмецки, и, при изданіи своихъ твореній, принужденъ нанимать справщиковъ. Въ новѣйшее только время начинаютъ въ Германіи писать хорошею прозою, къ досадѣ зачерствѣлыхъ педантовъ и враговъ изящнаго. Живое доказательство сему находимъ въ нашей литературѣ. Ни одинъ изъ писателей, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣхамъ языка и словесности, не былъ великимъ латинистомъ. Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Шишковъ, Озеровъ, Батюшковъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ воздоены грудью родной матери, Россіи, а не рожкомъ римской няни.

Утверждаю, что и Ломоносовъ никогда не могъ бы чувствовать красоты славянскихъ и русскихъ словъ, если бъ съ младенчества учился языку латинскому или нѣмецкому. Онъ обогатился родными матеріялами, но употребилъ ихъ къ построенію своего зданія на иностранный ладъ, потому что въ славянскихъ источникахъ, которыми онъ пользовался, были одни слова, а не было слога, и этотъ слогъ надлежало созидать по образцамъ готовымъ. Послѣдователи его остановились на этой точкѣ, и вертѣлись въ одномъ и томъ же кругу, заимствуя слова изъ духовныхъ книгъ, а сочиненіе ихъ изъ грамматики латинской, иногда изъ нѣмецкой. Еще недавно изуродовали у насъ симъ алеутскимъ нарѣчіемъ Плиніево Похвальное Слово Траяну. — Только поэты разрывали эти узы педантства; только они, и то не всѣ, умѣли подни-

маться надъ туманомъ тогдашняго языка. У Державина, въ семидесятыхъ годахъ, находимъ языкъ свѣжій, самородный. Богдановичъ и Хемницеръ писали по-русски чисто, ясно, просто и пріятно.

Упомянутые нами московскіе профессоры, въ особенности Сохацкій и Подшиваловъ, видѣли истину, и всѣми силами старались освободить нашъ прекрасный языкъ изъ плѣненія вавилонскаго. Слогъ ихъ, въ журналахъ того времени, въ переводахъ Мейснеровыхъ Повѣстей, Павла и Виргиніи, Ватсовой Логики, Кампповой Психологіи, отличается чистотою, плавностью, ясностью и простотою, дотолѣ неизвѣстными. Не знаю, долго и успѣшно ли боролись бы они съ этими препятствіями, если бъ не явился человѣкъ, призванный къ созданію Русскаго Слова: это былъ Карамзинъ.

Приступая къ характеристикѣ сего писателя, являюсь я на новомъ, скользкомъ поприщѣ: съ одной стороны, изучивъ всѣ его творенія, слѣдивъ за ходомъ его постепеннаго образованія и усовершенія, знавъ его лично, могу говорить о немъ съ большимъ свѣдѣніемъ, съ бо́льшею увѣренностію; съ другой, говоря предъ его современниками, могу казаться для одной стороны слишкомъ къ нему пристрастнымъ, для другой слишкомъ строгимъ. Стану говорить по крайнему моему разумѣнію, но безпристрастно говорить о немъ не могу: изображая благороднаго, умнаго, просвѣщеннаго человѣка, истиннаго русскаго гражданина, великаго писателя, общаго нашего наставника, преобразователя нашего языка, не могу оставаться

равнодушнымъ; увлекаюсь невольнымъ чувствомъ любви, уваженія и признательности, и нынѣ, по истеченіи тринадцати лѣтъ со времени его кончины, едва могу удержаться отъ слезъ: мы лишились его слишкомъ рано.

Карамзинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые умѣли родиться во-время. Когда онъ готовился выступить на поприще литературы, многое уже было сдѣлано для Русскаго Языка; ветхое латино-германское зданіе колебалось; жители его подавали сигналы, что терпятъ бѣдствіе. Онъ шагнулъ, и однимъ шагомъ, опередилъ своихъ современниковъ. Карамзинъ, съ младенчества своего, жилъ въ кругу благородномъ, но русскомъ по превосходству; познаніе иностранныхъ языковъ пріобрѣлъ онъ не съ колыбели; учился языкамъ греческому и латинскому уже въ юношескомъ возрастѣ (какъ мы видимъ изъ переводовъ его въ Московскомъ Журналѣ и въ Пантеонѣ Иностранной Словесности), и сохранилъ всю свѣжесть, всю самородность истиннаго русскаго склада и духа. Онъ воспитывался въ Москвѣ, въ хорошемъ пансіонѣ, пользовался университетскими лекціями, и потомъ служилъ въ гвардіи, такъ какъ тогда служили, т. е. былъ записанъ сержантомъ, и уволенъ капитаномъ. Чувствуя въ себѣ непреодолимое желаніе быть писателемъ, онъ тогда же отказался отъ всѣхъ почестей, отъ всѣхъ приманокъ честолюбія, и старался оградить себя досугомъ и спокойствіемъ. «Могу хвалиться тремя вещами въ жизни,» сказалъ онъ мнѣ однажды: «я никогда не

имѣлъ начальниковъ, никогда не зналъ что такое тяжба, и не былъ никому долженъ.»

Для образованія ума своего и распространенія познаній, предпринялъ онъ путешествіе по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи. Онъ представилъ намъ отчетъ въ немъ, издавъ Письма Русскаго Путешественника, которыя мы и нынѣ, по истеченіи пятидесяти лѣтъ, читаемъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Тотъ самый лжеисторикъ Русской Литературы въ чужихъ краяхъ, который ославилъ Ломоносова пьяницею, утверждаетъ, въ своемъ пасквилѣ, что Карамзинъ, въ путешествіи своемъ, не понималъ тогдашнихъ великихъ вопросовъ и движеній времени. Понималъ и очень понималъ! Онъ не подавался на удочку якобинисма; онъ предвидѣлъ и предсказывалъ бѣдствія французской революціи, которая въ то время ослѣпляла самыхъ умныхъ и опытныхъ людей въ Европѣ, и тогда уже возглашалъ правила, которыя, въ послѣдствіи, оказались самыми благотворными для общества человѣческаго. Онъ бесѣдовалъ съ великими и знаменитыми людьми, но судилъ о нихъ съ скромностью двадцати-четырехъ-лѣтняго человѣка: онъ не зналъ, до конца своей жизни, той величественной отваги, съ какою невѣжество и дерзость, неопытность и самонадѣянность толкуютъ объ всемъ, рѣшатъ все, и вездѣ выставляютъ образцемъ и идеаломъ свою драгоцѣнную и жалкую персону. Возвратившись въ Москву, онъ началъ издавать Московскій Журналъ, помѣщая въ немъ и письма свои и другія статьи въ прозѣ. Слогъ его изумилъ всѣхъ

читателей, подѣйствовалъ на нихъ, какъ ударъ электрическій. Въ первый разъ заговорили у насъ языкомъ, въ которомъ не одни слова были русскія. Карамзинъ, дѣйствіемъ свѣтлаго своего ума и нѣжнаго чувства, угадалъ и употребилъ истинное русское словосочиненіе, узналъ, какъ Малербъ, гдѣ должно ставить каждое слово. Его упрекаютъ въ галлицисмахъ. Напрасно! Онъ увидѣлъ и доказалъ на дѣлѣ, что Русскому Языку, основанному на собственныхъ своихъ, а не на древнихъ началахъ, свойственна конструкція новыхъ языковъ, простая, прямая, логическая; что выразительность его склоненій и спряженій даетъ ему право располагать слова по требованіямъ смысла, а не по словоизвитіямъ Цицерона. Ломоносовъ создалъ языкъ. Карамзину мы обязаны слогомъ русскимъ. Его упрекаютъ въ употребленіи иностранныхъ словъ, но кто свободенъ отъ этого упрека? И Кантемиръ, и Ломоносовъ, и фонъ Визинъ и Елагинъ употребляли иностранныя слова. Но не одни слова портили языкъ: тогдашніе писатели, вмѣшивая въ языкъ простонародныя слова славянскія, располагали ихъ по французскому синтаксису.

Примѣры лучше всего докажутъ это. Вотъ разсказъ изъ переводовъ Елагина:

«Когда Турки, въ разныхъ мѣстахъ въ Булгаріи разсѣявшіеся, увѣдали, что войско императорское разошлось, то думали свободно дѣлать набѣги въ Сербію, гдѣ Христіанъ обоего пола ловя, отводили въ тяжкую работу, а съ нашей стороны, узнавъ о ихъ начальн-

ствѣ, выступали изъ Виддина, Ниссы, Семендріи и другихъ мѣстъ нѣкоторыя части гарнизона, для прогнанія ихъ. Сраженія происходили весьма часто, и счастливое для насъ имѣли всегда окончаніе. Господинъ Маріенеръ обыкновенно въ нихъ бывалъ, и съ честію возвращался въ городъ. Между тѣмъ я выздоровѣлъ, и уже въ совершенное состояніе пришелъ ѣхать въ Вѣну. Мы назначили день къ отъѣзду нашему, и все нужное къ тому приготовили: уже и со многими начальниками простились, какъ извѣстіе пришло, что пятьдесятъ человѣкъ Турокъ напали на деревню Крастелу, на двѣ мили разстояніемъ отъ города лежащую. Маріенеръ, услыша сіе, и будто въ восхищеніи, возопилъ мнѣ: Пойдемъ, мой другъ, срубимъ еще нѣсколько невѣрныхъ головъ; нѣтъ нужды, хотя день лишній и промѣшкаемъ. Я тотчасъ на его желаніе согласился. Еще съ нѣкоторыми начальниками уговорясь, взяли мы сто человѣкъ Селкирскаго Полку, и напали безъ всякой предосторожности, какъ будто бы мы уже въ рукахъ побѣду имѣли, на невѣрныхъ. Но несказанно мы обманулись, ибо Турки для того только толь малое число объявили, чтобъ удобнѣе уловить насъ, а ихъ было, кромѣ тѣхъ пятидесяти, на которыхъ мы и нападеніе учинили, еще болѣе пятисотъ человѣкъ, скрывшихся въ деревнѣ, которые съ несказанною яростію нечаянно на насъ напали. Тогда, увидя мы погибель нашу, твердо предпріяли дорого жизнь свою продать. Малое наше число хотя чрезъестественную храбрость притомъ оказало, но долженствовало наконецъ уступить множеству. Я видѣлъ несчастнаго Маріенера, упадшаго мертва съ коня: смерть его такъ меня огорчила, что я забывшись бросился, саблю въ рукѣ имѣя, въ непріятеля,

гдѣ онъ былъ многочисленнѣе. Небо, противъ воли моей спасшее мою жизнь, учинило, что то избавило меня отъ смерти, чтобъ необходимо ускорить ее долженствовало. Я былъ отъ Турокъ такъ окруженъ, что и руками дѣйствовать уже не могъ, чего ради легко имъ было лишить меня сабли. Четырехъ невѣрныхъ умертвилъ я своею рукою, не считая тѣхъ, которыхъ я ранилъ. Въ семъ сраженіи погибло ихъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ, а мои товарищи почти всѣ порублены были. Человѣкъ семь стали плѣнники со мною, изъ которыхъ два такъ жестоко ранены были, что Турки, не уповая ихъ излечить, предъ глазами моими ихъ изрубили. Я представленъ былъ предводителю сего войска, который изъ платья моего и изъ виду заключая, что я не подлый, приказалъ меня числить своею добычею, а приведшимъ меня отдалъ обрѣтенныя въ карманахъ моихъ деньги и вещи. Они мнѣ ничего больше не оставили, какъ только платокъ и нѣсколько книгъ, обыкновенно при мнѣ находящихся. Потомъ связали мнѣ руки, и посадили на лошадь, которую одинъ изъ Турокъ за узду велъ. Въ такомъ видѣ привезли меня въ Софію, въ домъ Элидъ Ибеца, которому я принадлежалъ, и тамо заперли меня въ темницу*.»

Вотъ слогъ фонъ-Визина, изъ переводовъ его:

«Нощь, навлекающая тѣни и отверзающая тѣмъ взору нашему великолѣпное зрѣлище вселенныя, царствовала на поверхности земли, и спокойная луна, окруженная плѣняющимъ своимъ величествомъ, къ небесамъ тихо восходила: сынове Іаковли наслаждались успокоеніемъ; единый Іосифъ съ Веніаминомъ сну

* *Житіе Маркиза Г. Т. I. стр. 161.*

еще не предавались. Держа единъ другаго руки, и искавъ мѣста уединеннаго, шествовали они въ поле, вкушали по сильномъ восхищеніи тишину пріятную, и души ихъ, безъ помощи слова, изъяснялись безгласнымъ дружества языкомъ, подобнымъ языку умовъ небесныхъ; нощное молчаніе сему чувствованію вспомоществовало.

Іосифъ начавъ наконецъ слово свое: «дражайшій Веніаминъ, рекъ ему, я сталъ уже извѣстенъ о томъ, что мнѣ всего драгоцѣннѣе; скорбь не умертвила Іакова и Селиму; братія мои, поверженные въ жесточайшее раскаяніе, не удалили раба того, коего послалъ я въ домъ родительскій; сей несчастный конечно погибъ на пути своемъ: но ты, можетъ быть, не вѣдаешь того, что во время твоего младенчества происходило, или можетъ быть, слабое токмо воспоминаніе объ ономъ сохраняешь. Ты словъ моихъ силу разумѣешь: я хощу знати, какъ отецъ мой и Селима свое несчастіе познали; трепещу я, страшась, не вѣдаетъ ли Іаковъ вину своихъ сыновъ: жестокосердо было бы вопрошати мнѣ о томъ моихъ братій; въ присутствіи Симеона не хотѣлъ я часто повторяти и имя моей возлюбленной, но оное неволею изъ устъ моихъ исходило. Къ тебѣ обращаюсь: невинно сердце твое, ты никогда не измѣнилъ бы братскому дружеству, и ты можешь вѣщать о преступленіи, не терзался стыдомъ. Нощь приближается и воцарившаяся окрестъ насъ тишина ко сну зоветъ смертныхъ; но сладость ея не толико мнѣ любезна, колико бесѣда о возлюбленныхъ намъ людяхъ.»

«Я могу твоему удовлетворити желанію, отвѣщаетъ Веніаминъ: воспоминаніе о сихъ несчастныхъ временахъ начертанно въ моей памяти, а Невфалимъ повѣ-

далъ мнѣ о томъ, чего я самъ не видѣлъ, Невфалимъ многажды вѣщалъ мнѣ сію жалостную повѣсть.»

Тогда пріемлютъ они мѣсто на единомъ холмѣ: все, что ихъ ни окружаетъ, все съ печальною ихъ бесѣдою согласно. природа, лишенная прелестей своихъ, казалася въ тоску быти погружена; высокіе кедры, листвія своего обнаженные, помрачаютъ небеса черными и неподвижными своими вѣтвіями, и сіяніе луны отъ мрачныхъ облакъ ослабѣваетъ. Іосифъ преклоняетъ слухъ свой, и когда звѣзды въ молчаніи преходятъ свое теченіе, тогда Веніаминъ рекъ ему съ видомъ кроткаго чистосердечія*.»

Изъ писемъ его же, съ путешествія по Европѣ:

«Всякой живетъ (во Франціи) для одного себя. Дружба, родство, честь, благодарность, все это считается химерою. Напротивъ того, всѣ сентименты обращены въ одинъ пунктъ, то есть: ложный point d'honneur. Наружность здѣсь все замѣняетъ. Будь учтивъ, то есть: никому ни въ чемъ не противорѣчь; будь любезенъ, то есть: ври, что на умъ ни набрело — вотъ два правила, чтобъ быть un homme charmant. Сообразя все, что вижу, могу сказать безошибочно, что здѣсь люди не живутъ, не вкушаютъ истиннаго счастія, и не имѣютъ о немъ ниже понятія. Пустой блескъ, взбалмошная наглость въ мужчинахъ, безстыдное непотребство въ женщинахъ — другаго право ничего не вижу. Ты можешь себѣ представить, что все сіе намъ очень не понравилось. Я всякой день бѣгаю съ утра до вечера по городу, чтобъ видѣть все примѣчательное, а какъ скоро все осмотримъ и пришлютъ ко мнѣ деньги, то,

---

* *Іосифъ, поэма Битобе.* Изданіе шестое. М. 1811 часть вторая, стр. 169 — 173

истинно, лишняго дня здѣсь не останусь. Между тѣмъ скажу тебѣ, что меня здѣсь болѣе всего удивляетъ: это мои любезные сограждане. Изъ нихъ есть такіе чудаки, что внѣ себя отъ одного имени Парижа, а при всемъ томъ, я самъ свидѣтель, что они умираютъ со скуки; если бъ не спектакли, и не много было здѣсь Русскихъ, то бы дѣйствительно Парижъ укоротилъ вѣкъ многихъ нашихъ русскихъ Французовъ. И такъ, кто тебя станетъ увѣрять, что Парижъ центръ забавъ и веселій, не вѣрь: все это глупая аффектація, все лгутъ безъ милосердія. Кто самъ въ себѣ ресурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ, какъ въ Угличѣ. Четыре стѣны вездѣ равны: но чтобъ дать вамъ идею, какъ живутъ здѣсь всѣ вообще чужестранцы, то разскажу тебѣ всѣ часы дня, какъ они его проводятъ".*

Послушаемъ, какъ писали въ то время образованныя русскія дамы:

«Ты желалъ, любезный другъ, имѣть списокъ съ дневныхъ записокъ моего путешествія; и все, что я ни представляла тебѣ о маломъ достоинствѣ оныхъ, было тщетно, я наконецъ рѣшилась исполнить твою волю; но въ семъ случаѣ, такъ какъ и въ другихъ, узнаешь своего друга. Я списала нынѣ только ту часть, которая для меня болѣе нравится: и какъ тѣ записки, пріѣхавъ на квартиру иногда уставши и обезсилѣвъ отъ дороги, просто писаны были, такъ нынѣ безъ всякихъ не только украшеній, но и переправокъ, тебѣ ихъ посылаю. Ты знаешь, что я оныя записки хотѣла только для памяти собственно для себя дѣлать;

* *Полное собраніе сочиненій Д. И. фонъ-Визина.* Изданіе второе. М. 1838. Стр. 111 — 112.

но нѣкоторые мои пріятели, при отъѣздѣ моемъ изъ отечества, просили, чтобъ я писала къ нимъ, и дѣлала бъ съ ними то, что я внѣ онаго увижу и дѣлать буду. Ты легко оное примѣтишь по мелкостямъ, собственно до меня принадлежащимъ, кои я, по данному слову (чтобъ все то писать, что я видѣть и дѣлать буду), внесла: почему за лишнее и считаю дѣлать отговорки, или увѣренія, что не амбиція быть писателемъ, побудила меня къ писанію сего журнала. Англія мнѣ болѣе другихъ государствъ понравилась. Правленіе ихъ, воспитаніе, обращеніе, публичная и приватная ихъ жизнь, механика, строеніе и сады, все заимствуетъ отъ устройства перваго, и превосходитъ усильственные опыты другихъ народовъ въ подобныхъ предпріятіяхъ.

14 числа октября въ девятомъ часу поутру пріѣхалъ ко мнѣ славный Паоли, который и въ приватной жизни достоинъ любопытства. онъ конечно разумомъ своимъ и въ простой жизни и обращеніи отличится; потомъ Господинъ Фицжералдъ, который членъ вольнаго общества художествъ, хлѣбопашества и торговли. Оныхъ членовъ до двухъ тысячъ человѣкъ, кои собираются въ особливый домъ, ими купленный, и гдѣ они раздаютъ прейсы изъ собственной своей суммы, за вымышленіе новыхъ машинъ, или орудій, способствующихъ къ рукодѣлію и хлѣбопашеству. Онъ насъ возилъ въ оный домъ, гдѣ мы нашли великое множество разныхъ машинъ и орудій, для пользы рода человѣческаго вымышленныхъ, за кои великими деньгами награждены ихъ сочинители. Разсматривая все оное, я нѣкоторый родъ почтенія въ себѣ чувствовала къ сему мѣсту, изъ котораго истекаетъ такая польза и облегченіе сему счастливому и

просвѣщенному народу. Пробывъ тамъ до трехъ часовъ, и завезя Госпожу Жонесъ и ея тетку, которыя съ нами же были, проѣхала къ Госпожѣ Ноелль, гдѣ посидѣвъ съ полчаса, потомъ была у Госпожи Собаръ, но не заставъ ея дома, поѣхала къ Пушкину, гдѣ отобѣдавъ ѣздила съ визитомъ къ Миледи Спенсеръ; откуда опять къ Пушкину возвратясь, до одиннадцати часовъ у нихъ просидѣла, и простилась съ нимъ въ томъ намѣреніи, чтобъ на другой день рано начать намъ свое путешествіе.

15 числа въ полъ-осьма часа, сѣвши въ карету съ П. Ѳ. К., съ братомъ И. А. В., съ дочерью и съ одною камеръ-юнферою, выѣхали изъ Лондона по большой батской дорогѣ. Въ 17 миляхъ остановились мы въ мѣстечкѣ, называемомъ Клермонъ. Тутъ загородный домъ славнаго Милорда Клейва, который недавно такія большія завоеванія Индѣйской ихъ Компаніи пріобрѣлъ, и тѣмъ же случаемъ такъ разбогатѣлъ, что онъ теперь изъ первыхъ богачей англійскихъ*.»

Теперь посмотримъ, какъ писали непосредственные предшественники Карамзина:

«Вскорѣ поступки Біанкины доказали, что похвалы и восторги ея супруга не были слѣдствіемъ одного токмо упоенія, слѣпою любовью провозведеннаго. Тысячи благородныхъ, доселѣ неприметныхъ качествъ, возсіяли въ ней съ такимъ величественнымъ блескомъ, что высокое званіе государыни казалось уже не столько *подаркомъ* отъ судьбы, сколько *платежемъ стараго долгу*. «Ты самую *красоту* возвелъ на престолъ!» такъ восклицали флорентинскіе стихотворцы въ день

---

* *Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.* Часть вторая. М. 1775. стр. 108.

бракосочѣтанія своего Государя, а историкъ присовокупилъ вскорѣ: «*и добродѣтели!*» «Къ Біанкѣ прибѣгали всѣ, которые чувствовали, или только воображали, что чувствуютъ притѣсненіе во Флоренціи; всѣ, на коихъ не устремлялись взоры Франциска, по причинѣ своей кротости полагавшагося иногда слишкомъ на вѣрность своихъ служителей. — Кто воздыхалъ подъ игомъ Мондрагона, тотъ ей подавалъ свою просьбу; кто стеналъ подъ тягчайшимъ еще игомъ бѣдности, тотъ у ней искалъ вспоможенія, и находилъ его всегда, потому что Біанка воспоминала часто, что и сама прежде была въ бѣдности. Народъ толпами окружалъ ея карету, когда она выѣзжала изъ дворца, и называлъ ее своею матерью. Ея милосердіе до того было прославляемо, что самыя прелести ея тѣла — хотя единственныя въ своемъ родѣ — почти ничего уже не значили, въ сравненіи съ душевными. Всеобщая зависть, при ея удивительномъ возвышеніи, напередъ изготовилась къ клеветамъ; но клеветы онѣмѣли, и самый злодѣй, котораго удалялъ взоръ ея, довольствовался потаеннымъ ропотомъ*.»

Прочитаемъ, наконецъ, страницу изъ первыхъ сочиненій Карамзина:

«Въ престольномъ градѣ славнаго Русскаго Царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ бояринъ Матвѣй Андреевъ, человѣкъ богатый, умный, вѣрный слуга царскій, и, по обычаю Русскихъ, великій хлѣбосолъ. Онъ владѣлъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ

* *Біанка Капелло. Мейснерова повѣсть, переведенная В. Подшиваловымъ.* Часть II. С. П. б. 1803, стр. 71 — 72.

бѣдныхъ сосѣдей, — чему въ наши просвѣщенныя времена, можетъ быть, не всякій повѣритъ, но что встарину совсѣмъ не считалось рѣдкостію. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правый глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ въ помощь боярина Матвѣя, и бояринъ Матвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: *сей правъ* (не по такому-то указу, состоявшемуся въ такомъ-то году, но) *по моей совѣсти; сей виноватъ по моей совѣсти* — и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстію царскою. Дѣло рѣшилось безъ замедленія: правый подымалъ на небо слезящее око благородности, указывая рукою на добраго Государя и добраго боярина, а виноватый бѣжалъ въ густыя лѣса, сокрыть стыдъ свой отъ человѣковъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновеніи боярина Матвѣя, обыкновеніи, которое достойно подражанія во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, въ каждый двунадесятый праздникъ поставлялись длинные столы въ его горницахъ, чистыми скатертьми накрытые, и бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ воротъ своихъ, звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ людей, сколько ихъ могло помѣститься въ жилищѣ боярскомъ; потомъ, собравъ полное число, возвращался въ домъ, и указавъ мѣсто каждому гостю, садился самъ между ними. Тутъ, въ одну минуту, являлись на столахъ чаши и блюда, и ароматическій паръ горячаго кушанья, какъ бѣлое тонкое облако, вился надъ головами обѣдающихъ. Между тѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ гостями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и на-

конецъ веселился съ ними, какъ съ друзьями. Такъ, въ древнія патріархальныя времена, когда вѣкъ человѣческій былъ не столь краткомъ, почтенными сѣдинами украшенный старецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ — смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей. — Послѣ обѣда всѣ неимущіе братья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: *Добрый, добрый бояринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здоровье! Сколько капель въ нашихъ чаркахъ, столько лѣтъ живи благополучно!* Они пили, и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скатерть. Таковъ былъ бояринъ Матвѣй, вѣрный слуга царскій, вѣрный другъ человѣчества*.»

Не это ли настоящій, самородный, благородный Русскій Языкъ? Это гармонія не искусственная, не натянутая, а истекающая свободно изъ сочетанія яснаго ума, русскаго чувства и благороднаго вкуса. Одинъ критикъ замѣтилъ, что здѣсь употреблено французское слово *ароматическій*: на бѣду великаго грамотѣя, это слово греческое, и употребляется даже въ Священномъ Писаніи.

Сочиненія Карамзина произвели въ Россіи ту благодѣтельную перемѣну, что и женщины стали съ удовольствіемъ читать русскія книги, а безъ женщинъ, безъ содѣйствія ихъ нѣжнаго чувства, нѣтъ успѣховъ въ изящныхъ искусствахъ. Онѣ, правда, памятуя долгъ Россіянокъ, читали и прежде,

---

* *Сочиненія Карамзина.* Изданіе четвертое. С. П. б. 1835. Томъ VI, стр. 89—91.

не читали такъ, какъ принимаютъ полезное и отвратительное лекарство, морщась и зажимая [redacted]

Прелести сочиненій Карамзина подѣйствовали сначала только на тѣсный кругъ записныхъ литераторовъ, преимущественно московскихъ; въ остальной Россіи благотворное ихъ вліяніе распространялось медленно, по скудости тогдашней книжной торговли и по малой любви къ чтенію. Карамзинъ имѣлъ на Московскій Журналъ только двѣсти подписчиковъ, которые едва платили за напечатаніе книжекъ. Теперь, я думаю, самый безтолковый изъ толстыхъ нашихъ журналовъ имѣетъ болѣе покупщиковъ и даже читателей. Съ того времени стала возрастать Русская Литература и числомъ производимыхъ ею твореній, и числомъ читателей. Она не ограничивалась уже немногими любителями, а сдѣлалась необходимою пищею всей нашей публики.

Я отнюдь не говорю, чтобъ Карамзинъ достигъ высшей степени совершенства: языкъ нашъ можетъ усовершенствоваться, обогатиться, украситься болѣе и болѣе. И нынѣ видимъ мы въ немъ пріобрѣтенія, исправленія, измѣненія, произведенныя силою вещей и распространеніемъ мыслей, ибо языкъ идетъ наравнѣ съ умственнымъ образованіемъ народа, а въ образованіи Россія сдѣлала въ пятьдесятъ лѣтъ успѣхи исполинскіе. Но введеніе истинно русскаго, хорошаго, благороднаго слога неотъемлемо принадлежитъ Карамзину, и до сихъ поръ никто еще въ Россіи не писалъ

лучше его. Должно знать, что онъ писалъ не наобумъ, не какъ нибудь, не по заказу: онъ трудился неутомимо и добросовѣстно; долго размышлялъ предварительно, потомъ перечитывалъ, исправлялъ написанное, и часто задумывался надъ выраженіемъ или оборотомъ, которые никакъ не остановили бы инаго. Когда онъ дописывалъ девятый томъ своей Исторіи, одинъ изъ друзей его (Д. Н. Блудовъ) нашелъ его въ глубокомъ раздумьѣ, и спросилъ о причинѣ. «Я долго думалъ объ одномъ оборотѣ,» сказалъ Карамзинъ: «какъ должно сказать: Царь Іоаннъ легъ на кровать, всталъ, спросилъ *шахматную доску* — или *шахматной доски?*» — «Какъ же вы написали?» — «Шахматную доску,» отвѣчалъ Карамзинъ: «это было въ комнатѣ Царя, и доска была одна, извѣстная.» — Вотъ новое свидѣтельство тому, что для истиннаго писателя, чувствующаго свое призваніе и достоинство, въ языкѣ нѣтъ бездѣлицъ! Карамзинъ отличается во всѣхъ своихъ твореніяхъ необыкновенною грамматическою исправностью. Правильность его словосочиненія, наблюденіе всѣхъ грамматическихъ формъ, строгость правописанія и даже употребленія знаковъ препинанія, достойны удивленія. Во всемъ видны знаніе своего дѣла, отчетливость и добросовѣстность въ исполненіи. Занявшись сочиненіемъ Русской Грамматики, въ его сочиненіяхъ искалъ я рѣшенія затруднительныхъ вопросовъ; раздроблялъ его періоды и фразы, и изъ состава ихъ выводилъ правила склада русской рѣчи.

Въ одно время съ сочиненіями Карамзина стали являться стихотворенія Дмитріева, легкія, пріятныя, благородныя, предшествовавшія созданіямъ нашей новой поэзіи.

Вы спросите у меня: почему же Карамзинъ имѣлъ столько противниковъ и порицателей? почему ревнители его славы и заслугъ должны были бороться за него всѣми силами? Это произошло по той естественной причинѣ, что всякая новость пугаетъ людей, тревожа ихъ бездѣйствіе и привычку къ старинѣ. Замѣчено, напримѣръ, въ музыкѣ, что появленіе всякаго новаго композитора возбуждаетъ вопли негодованія и брань музыкантовъ прежняго вѣка: вопіютъ, что такой-то новичекъ испортилъ музыку, нарушилъ вѣковыя правила, развратилъ вкусъ. Староверы мало по малу умолкаютъ. Композиторъ пріобрѣтаетъ прочную славу и своихъ друзей. Является новый, самобытный талантъ; поборники прежней новизны становятся ревностными противниками свѣжаго дарованія. Въ философіи, схоластики называли Декарта безбожникомъ; приверженцы Декарта этимъ же именемъ преслѣдовали Вольфа. Ученики Вольфа доносили на атеисмъ Канта. Кантовы послѣдователи ужасаются пантеисма Шеллинга и Гегеля. Впрочемъ и Карамзинъ былъ не безъ недостатковъ и ошибокъ, но эти недостатки и ошибки были свойствомъ его времени, а нѣтъ такого великаго писателя, который бы не платилъ дани своему вѣку. Въ то время, въ осьмидесятыхъ годахъ, въ модѣ была чувствительность, или лучше

сказать, сентиментальность. Стернъ подалъ первый тому поводъ и примѣръ. Европа залилась слезами. *Объ чемъ?* спрашивали старики, какъ нянька спрашиваетъ у плачущаго ребенка. Гете, своимъ Вертеромъ, отправилъ нѣсколько дураковъ на тотъ свѣтъ. Миллеръ, въ чувствительномъ Зигвартѣ, пріучилъ глядѣть на луну, вздыхать о чемъ-то, плакать о свѣтлорусыхъ локонахъ и голубыхъ глазахъ. — Могъ ли Карамзинъ, рожденный съ пылкимъ воображеніемъ и нѣжнымъ сердцемъ, не заразиться этимъ общимъ недугомъ? Но онъ поплакалъ, поплакалъ, да и пересталъ. Тѣмъ обильнѣе лились слезы, громче раздавались вздохи его подражателей. Они, какъ всегда бываетъ, перенимали только слабыя стороны своего образца, преувеличивали его недостатки, уродовали красоты. Въ Россіи развелось племя чувствительныхъ путешественниковъ, какъ говорилъ Княжнинъ, *во фракѣ мердуа и въ розовомъ платочкѣ*. За неимѣніемъ способовъ ѣхать въ чужіе краи, они странствовали по окрестностямъ Москвы, иногда забирались и далѣе; въ каждой Акулинѣ и Хавроньѣ видѣли Дельфиру и Меланію; въ каждомъ станціонномъ смотрителѣ пугались злаго волшебника. Прочитаю нѣсколько строкъ изъ одного тогдашняго путешествія:

«Наконецъ я соединился съ тѣмъ обществомъ, котораго имѣю удовольствіе быть членомъ, и отъ котораго отдѣлился я на нѣкоторое время. Оно состоитъ — не изъ профессоровъ, не изъ авторовъ — а изъ трехъ милыхъ женщинъ и одного любезнаго молодаго

человѣка!.. Признаюсь, что для самолюбія пріятнѣе быть членомъ ученой академіи, но для сердца милѣе быть членомъ въ кругу любезныхъ женщинъ... Оставляю славу — вѣнки — титла умамъ честолюбивымъ: я доволенъ *незабудочкою* изъ нѣжной руки граціи!

Мирное село долженствуетъ быть пребываніемъ нашимъ на нѣкоторое время, и счастливое его спокойствіе отдохновеніемъ для новаго странствованія нашего всѣмъ обществомъ.

Еще животворная весна не разогрѣла воздуха — хотя уже въ благословенной странѣ сей тепло довольно; еще природа не одѣлась въ торжественную одежду — хотя сняла уже съ себя печальное бѣлое покрывало; еще пернатые пѣвцы ея не составили громкихъ своихъ концертовъ — хотя уже тамъ и сямъ слышны благодарные гимны ихъ; еще нельзя гулять по лугамъ и рощамъ, нельзя наслаждаться всѣми удовольствіями щедрой природы — хотя здѣшній мартъ не хуже сѣвернаго мая. Что же дѣлать? надобно искать удовольствій въ комнатѣ, и — садимся въ кружокъ: шить, вязать, читать, говорить и смѣяться.......

Ахъ! въ самое то время, когда талисманъ счастія въ рукахъ моихъ; когда дѣлюсь имъ съ другими — томный вздохъ вырывается изъ унылаго моего сердца; слезы застилаютъ глаза мои.... Меланхолія, старая подруга души моей!...........

Гдѣ Амуровы стрѣлы не ранятъ сердецъ? гдѣ любовь всемогущая не имѣетъ трона и алтарей? Гдѣ волшебная симпатія не дѣйствуетъ надъ душами? Гдѣ люди съ камнемъ въ груди?.. И въ нашъ кругъ залетѣла стрѣлка нѣжнаго малютки; и изъ нашего общества сдѣлали поклоненіе богини вселенной; и

между нами почувствовали магическое прикосновеніе милой феи....Явился Эндиміонъ — и невинная Діана хочетъ отдѣлиться отъ нимфъ своихъ — хочетъ остаться одна — хочетъ поцѣловать девственными устами счастливаго смертнаго....

Природа! природа! что лучше, что милѣе тебя?.. Съ тобою, въ объятіяхъ твоихъ все совершеннѣе! Радость ли, счастье ли — сердце наслаждается свободнѣе, сильнѣе; любовь ли, дружба ли — душа блаженствуетъ нераздѣльнѣе, полнѣе; — красавица ли гуляетъ на зелени — она кажется богинею; дѣти ли бѣгаютъ по лугу — они кажутся Амурами... Все такъ интересно, такъ привлекательно — до всякой бездѣлки, до всякой малости! И человѣкъ можетъ скучать природою, можетъ добровольно заключить себя въ угрюмомъ, хладномъ городѣ тогда, когда она предлагаетъ ему безчисленныя веселія!.. Неблагодарный!!»

Вамъ кажется это страннымъ, смѣшнымъ, приторнымъ, а тогда это было въ большой модѣ. Нынѣ молодые люди толкуютъ объ акціяхъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о стеаринѣ, объ асфальтѣ. Тогда спорили о милой улыбкѣ, о счастливомъ стихѣ, о звучной фразѣ, и какъ важно, какъ запальчиво! Въ одномъ должны мы отдать справедливость тогдашнимъ писателямъ: они не оскорбляли нравственности, были принужденны, чопорны, смѣшны, но не развратны и не нахальны.

Вдругъ разразился громовый ударъ посреди этихъ мирныхъ поклонниковъ матери природы, славныхъ пустословіемъ и галлицисмами. Шишковъ издалъ (въ 1802 г.) книгу свою: *О старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго Языка.* Онъ доказалъ, какъ

вредно слѣпое подражаніе иностранцамъ и пренебреженіе своего; показалъ, что тогдашніе модные писатели забывали прекрасныя выраженія церковнаго языка, и забавляясь иностранными блестками, здравый смыслъ замѣняли пустословіемъ. Книга его породила много противорѣчій, но въ то же время доставила ему и много приверженцевъ, особенно такихъ, которые, не имѣя ни способовъ, ни дарованій писать хорошо, радовались возвращенію къ безотчетной старинѣ. Эти поборники стараго слога не видѣли, что защищаютъ слогъ вовсе не русскій, а латинскій или нѣмецкій. — А что дѣлалъ между тѣмъ Карамзинъ? Отказавшись отъ изданія Вѣстника Европы, которымъ онъ значительно содѣйствовалъ къ распространенію хорошаго слога и здраваго вкуса въ Россіи, занялся онъ исключительно сочиненіемъ Русской Исторіи, трудился неутомимо, ревностно, добросовѣстно. Не входя ни въ какіе споры, не отвѣчая ни на какія нападки, онъ однако не пренебрегалъ замѣчаніями своихъ противниковъ, и съ рѣдкимъ благородствомъ и самоотверженіемъ, безмолвно исправлялъ въ новомъ изданіи своихъ твореній тѣ мѣста, въ которыхъ критика справедливо замѣтила ошибки.

Это молчаніе принято было знакомъ безусловнаго согласія, и порицатели его торжествовали. Грубость, варварство, неправильность слога опять начали занимать прежнее свое мѣсто. Особенно тяжелы и несносны были переводы римскихъ классиковъ. Пусть бы мучились воспроизведеніемъ

кудрявыхъ и мудреныхъ періодовъ Цицерона. И Тацитъ, простой, величественный, благородный, былъ изуродованъ безъ пощады. Сказываютъ, что покойный Государь, пожаловавъ, по ходатайству одного покровителя наукъ, пенсіонъ въ тысячу рублей переводчику Тацита, въ послѣдствіи пожелалъ видѣть переводъ, и прочитавъ нѣсколько страницъ въ Жизни Агриколы, сказалъ: «Ахъ! если бъ я зналъ, что онъ такъ переведетъ, далъ бы ему двѣ тысячи, чтобъ онъ не принимался!»

Наконецъ возвысились голоса въ пользу Карамзина и новаго слога. Литература раздѣлилась на два враждебные стана, Карамзина и его противниковъ. Самымъ ревностнымъ, умнымъ и дѣльнымъ его защитникомъ былъ Дмитрій Васильевичъ Дашковъ. Отдавая справедливость красотамъ словъ языка церковнаго, онъ показывалъ все достоинство новаго слога. Война была жестокая и пощадная: я очень ее помню, потому что самъ былъ въ числѣ рядовыхъ застрѣльщиковъ въ анти-славянской дружинѣ. Дѣйствительная война 1812 года прекратила эту брань некровопролитную. Всѣ противники литературные забыли свои вражды, всѣ дружно взялись кто за оружіе, кто за перо, и пошли служить одной матери, Россіи. Въ началѣ 1813 года, одинъ пріятель упрекнулъ Батюшкова въ молчаніи, и онъ отвѣчалъ:

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары;
Враговъ неистовыхъ дѣла
Войну и страшные пожары!

Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ,
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьѣ видѣлъ ихъ,
Какъ къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньѣ рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели минувшей славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ — гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали
Святыни не касаясь ихъ; —
И тамъ, гдѣ роскоши рукою
Дней мира и трудовъ плоды
Предъ златоглавою Москвою
Воздвигались храмы и сады, —
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры! —
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военныхъ непогодъ,

При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цѣвницы
Сзывать пастушек в хоровод?
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армид и вѣтреных Цирцей,
Среди могил моих друзей,
Утраченных на полѣ славы!
Нѣт! нѣт! талант погибни мой
И лира дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣт! нѣт! пока на полѣ чести
За древній град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родинѣ любовь,
Пока с израненым героем,
Кому извѣстен к славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем —
Мой друг! дотолѣ будут мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты
И радость шумная в винѣ.

Это прекрасное стихотвореніе служит явным свидѣтельством, что приверженцы старины напрасно обвиняли новых писателей в забвеніи и пренебреженіи красот церковнаго языка: лучшія и самыя сильныя выраженія в этом посланіи чисто славянскія.

Увлекшись событіями языка и тогдашнею литературною полемикою, я было пропустил важнѣйшія явленія нашей словесности в то время.

Со вступленіемъ на престолъ незабвеннаго Императора нашего Александра Павловича, открылась въ Россіи, для наукъ, искуствъ, литературы и образованія, новая эра. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его было учрежденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія, открытіе новыхъ учебныхъ заведеній, исправленіе и усиленіе прежнихъ. Русская Словесность воскресла съ новою силою и красою отъ лучей всеоживляющаго ока царскаго. При немъ пѣли еще и Державинъ, и Дмитріевъ, и Нелединскій. Карамзинъ былъ въ цвѣтѣ силъ и дѣятельности. Крыловъ нашелъ истинное свое призваніе въ комедіяхъ и басняхъ. Озеровъ создалъ новую русскую трагедію, не безцвѣтные монологи и діалоги Сумарокова, не рабскія копіи Княжнина, а картины самобытныя и изящныя. Возникли новые прекрасные таланты: Жуковскій, Батюшковъ, Князь Вяземскій пошли счастливо по слѣдамъ Карамзина и Дмитріева. Театръ Русскій оживился произведеніями Князя Шаховскаго. Макаровъ, Мерзляковъ, Качеповскій, Беницкій, съ успѣхомъ занимались литературною критикою. Все кипѣло жизнію, цвѣло и красовалось. Составились новыя ученыя и литературныя общества: въ Санктпетербургѣ, Бесѣда любителей Русскаго Слова, пріютъ и средоточіе приверженцевъ славянскаго языка; Общество любителей Словесности, которое, въ С. П. б. Вѣстникѣ, ратовало за Карамзина и за новую школу; въ Москвѣ, Общество любителей Словесности при тамошнемъ университетѣ, принесшее большую пользу своими осно-

вательными, добросовѣстными трудами. — Высшій ораторскій слогъ процвѣлъ съ новою силою и красотою въ устахъ достойныхъ пастырей Церкви, Филарета, Амвросія, Августина.

Въ ряду писателей, возникшихъ въ это прекрасное время, и уже исчисленныхъ мною, первое мѣсто принадлежитъ Жуковскому. Въ Исторіи Литературы, то есть въ исчисленіи всѣхъ превосходныхъ и достойныхъ жить въ потомствѣ произведеній словесности, это мѣсто принадлежитъ ему по благородству, выспренности, чистотѣ и духовности его мыслей, возвышающихъ читателя изъ туманной атмосферы здѣшняго міра въ свѣтлыя обители, уготованныя для душъ непорочныхъ. Въ Исторіи же Русскаго Языка, отдаемъ ему вѣнецъ, какъ творцу прекраснаго стиха, въ которомъ удивительная простота соединяется съ истинно поэтическою мелодіею, и возвышенныя мысли и нѣжныя чувства поэта нашли себѣ достойную и изящную одежду. Пушкинъ сказалъ о немъ краснорѣчиво и справедливо:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ временъ таинственную даль.
Услыша ихъ, воспламенится Младость,
Утѣшится безмолвная Печаль,
И рѣзвая задумается Радость.

Жуковскій первый у насъ постигъ тайну переводить писателей романтическихъ, Англичанъ и Нѣмцевъ: начавъ въ элегіи Грея, онъ довершилъ торжество свое Дѣвою Орлеанскою, Шиллера. — Проза его, свѣтлая и притомъ задушевная,

простая и прекрасная, идетъ объ руку съ слогомъ Карамзина.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть о образованіи у насъ языка дѣловаго и дипломатическаго. Въ началѣ XVIII вѣка этотъ языкъ раздѣлялъ общую участь Русскаго Слова: онъ былъ грубъ, суровъ, испещренъ до невѣроятности иностранными словами. Но верхъ странности и дикости являлся въ слогѣ канцелярскомъ и приказномъ. Во всѣхъ языкахъ слогъ дѣловой и юридическій извѣстенъ своимъ варварствомъ и упрямствомъ въ сохраненіи обветшалыхъ, дикихъ формъ, въ которыхъ живетъ и процвѣтаетъ ябеда. Въ Англіи, на пирушкахъ адвокатовъ, первый тостъ произносится: да здравствуетъ непонятность законовъ! Приказные составили свой собственный άонискій языкъ, чуждый непосвященнымъ въ ихъ таинства. Вмѣсто того, чтобъ сказать, напримѣръ: *въ изступленіи онъ заговорилъ по-французски*, они писали: *въ азартѣ началъ объясняться на иностранномъ діалектѣ*. Если имъ замѣчали, что надлежало бы сказать: на французскомъ языкѣ, они давали въ отвѣтъ: «Помилуйте, кто такъ станетъ писать! Языкъ во рту.» — Начальникъ предписывалъ: отыскать купчиху Васильеву. Подчиненный доносилъ: *я получилъ предписаніе В. Пр. объ отысканіи купчиху Васильеву.* На замѣчаніе: въ этомъ періодѣ нѣтъ грамматическаго смысла, отвѣтомъ было: «Это канцелярскій штиль: въ судѣ поймутъ.»

Высшій дѣловой слогъ сталъ исправляться съ самаго начала царствованія Екатерины II тру-

дами генералъ - рекетмейстера Козлова. Языкъ государственныхъ бумагъ получилъ достоинство и благородство подъ перомъ Князя Безбородко, Графа Завадовскаго, Храповицкаго. Многіе тогдашніе акты могутъ назваться образцами сильнаго краснорѣчія. Напримѣръ, написанный Княземъ Безбородко, манифестъ, которымъ объявлялось о нарушеніи Турціею Кайнарджійскаго Мира. Онъ оканчивался слѣдующими словами:

«Въ другой уже разъ, среди миролюбивыхъ нашихъ намѣреній, врагъ имени христіанскаго вызываетъ насъ на брань противу воли нашей. Новое вѣроломство, вновь попранные союзы мира, неуваженіе къ правамъ народнымъ, дерзновенно оскорбленное достоинство короны нашей употребилъ онъ, яко способы, движущіе противоборство. Ополчаясь потому оружіемъ во брани, не волею нашею, но хотѣніемъ и злобою враждующихъ на насъ воздвигнутой, указали мы теперь собрать наши арміи, и предводителямъ оныхъ, нашимъ генералъ-фельдмаршаламъ Графу Румянцову-Задунайскому и Князю Потемкину-Таврическому, дѣйствовать ввѣренными имъ силами противъ непріятеля. — Всѣ наши вѣрные подданные, соедините съ нами свои теплыя молитвы къ Богу, покровительствующему Россію толь долгое время и толь видимымъ образомъ: да предъидетъ Его всевышняя сила и благословеніе оружію, въ оборону Святыя Православныя Церкви и любезнаго отечества нашего подъемлемому, и да поможетъ намъ воздать врагу по дѣламъ его. Мы полагаемъ въ томъ нашу твердую надежду на правосудіе и помощь Господню и на мужество полководцевъ и войскъ нашихъ, что пойдутъ слѣдами недавнихъ своихъ побѣдъ, коихъ свѣтъ хранитъ память, а непріятель носитъ свѣжія раны.»

Въ царствованіе Александра I послѣдовала важная перемѣна въ исправленіи дѣловаго слога. По учрежденіи министерствъ, особенно въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, устроенномъ трудами Князя В. П. Кочубея, стали пещись о водвореніи хорошаго, яснаго, правильнаго, благороднаго языка, въ дѣлахъ государственныхъ и частныхъ; послѣдствія сихъ добрыхъ начинаній вскорѣ оказались по всѣмъ частямъ, и если еще не повсюду распространилось послѣдованіе полезнымъ примѣрамъ, виною тому обширность Имперіи и закоренѣлость предразсудковъ и привычки. Слогъ канцелярскій, форменный, темный и тяжелый, имѣлъ значительно вредное вліяніе и на многихъ литераторовъ нашихъ: большая ихъ часть, состоя въ гражданской службѣ, невольно принимали выраженія и обороты приказные, и, сами того не зная, портили тѣмъ языкъ книжный. Въ наше время особенно очищается и облагороживается слогъ дѣловой, трудами ученыхъ и образованныхъ людей, посвящающихъ себя службѣ гражданской. И въ среднихъ и нижнихъ инстанціяхъ стараются очищать и исправлять языкъ, иногда слѣдуя даже съ излишнею ревностію нововведеніямъ и умничаньямъ незваныхъ грамотѣевъ. Языкъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ достигъ приличныхъ ему свойствъ: точности, ясности, силы и благородства. Имѣя счастіе видѣть, въ числѣ моихъ слушателей, нѣкоторыхъ изъ ревностныхъ поборниковъ сихъ благихъ успѣховъ, не смѣю оскорблять ихъ скромности наименованіемъ ихъ или указаніемъ на со-

ченные ими бумаги и акты. Но въ истекающемъ году два государственные мужа, оставивъ земное поприще, дали мнѣ горестное права говорить о нихъ, какъ думаю и чувствую.

Первый, Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, (въ молодыхъ лѣтахъ, участвовавшій, въ званіи директора Канцеляріи М. В. Д. Князя Кочубея, въ упомянутомъ мною исправленіи дѣловаго слога), воздвигъ себѣ нетлѣнный памятникъ въ Исторіи Русскаго Права, ревностно и удачно исполнивъ святую волю нашего благолюбиваго Монарха, собраніемъ, сочиненіемъ и изданіемъ Свода Россійскихъ Законовъ. Очиствъ и прояснивъ такимъ образомъ то средоточіе, изъ котораго проливаются уставы и предписанія на управленіе Россіи по всѣмъ частямъ, онъ пролилъ новый свѣтъ и на выраженія Русскаго Права и Администраціи. Собственными своими сочиненіями, разныхъ актовъ правительственныхъ, оставилъ онъ великіе образцы свѣтлаго государственнаго ума, глубокой и обширной учености, блистательныхъ дарованій и слога благороднаго и возвышеннаго. Преемникомъ его, къ несчастію, на слишкомъ короткое время, былъ, незабвенный для всѣхъ, кто зналъ и понималъ его, Дмитрій Васильевичъ Дашковъ. Выступивъ въ молодыхъ лѣтахъ, какъ мы уже упоминали, съ блистательнымъ успѣхомъ на поприще литературы, онъ въ послѣдствіи посвятилъ свои труды, таланты, знанія и жизнь службѣ государственной. Не здѣсь мѣсто говорить о образѣ мыслей и дѣйствій его, какъ сановника и судіи: о его благородствѣ, спра-

ведливости, пламенной любви къ добру, непоколебимой твердости въ дѣлахъ правды и чести. Скажемъ, что едва ли кто въ Россіи владѣетъ такъ русскимъ языкомъ, какъ владѣлъ имъ Дмитрій Васильевичъ: и это было у него не слѣдствіемъ размышленія и искусства, а сдѣлалось привычкою, второю натурою. И государственныя его бумаги, и важныя письма, и пріятельскія записки, свято хранимыя особами, которыя были съ нимъ въ сношеніяхъ — все носило на себѣ печать ума, вкуса, благородства и приличія, которыя украшали жизнь его и душу, и отсвѣчивались въ прекрасномъ слогѣ и даже въ изящномъ почеркѣ, какъ лучь солнца въ чистомъ зеркалѣ свѣтлаго ручья. — Память сихъ государственныхъ мужей, сихъ ревнителей просвѣщенія и добра въ отечествѣ, пребудетъ Россіи навѣкъ любезна и драгоцѣнна!

Упоминая объ актахъ государственныхъ, правительственныхъ и судебныхъ, мы должны обратить вниманіе наше и на тотъ слогъ, которымъ, въ случаяхъ чрезвычайныхъ, сочиняются бумаги, исходящія отъ Высшей Власти прямо къ народу, ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, акты, въ которыхъ опускаются всѣ принятыя въ обыкновенныхъ случаяхъ условія и формы, и языкъ Государя становится языкомъ отца, обращающагося къ своимъ дѣтямъ. Прекрасные памятники сего слога остались въ обнародованіяхъ 1812 года, писанныхъ А. С. Шишковымъ. Вотъ, напримѣръ, объявленіе о занятіи непріятелемъ Москвы. Чтобъ вполнѣ постигнуть всю важность и достоинство сего акта,

должно перенестись мыслію и чувствомъ въ то грозное, великое и священное время: воспоминанія о немъ ни за что не уступимъ вамъ, юные наши преемники и послѣдователи!

Въ Москву вступилъ непріятель. Армія отошла къ югу; западная часть Имперіи занята врагами; восточная и сѣверная имъ открыты. Изъ Петербурга вывозятся въ Финляндію и въ Олонецкую и Архангельскую Губерніи. Недоумѣніе, горесть, страхъ волнуютъ всѣ души; всѣ съ тоскою и надеждою обращаются къ Царскому Престолу, и въ ту минуту выходитъ слѣдующее объявленіе:

«Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель сентября 3-го числа вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ россійскій. Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не оттого, чтобъ преодолѣлъ силы наши, или бы ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ первенствующими генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы, съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами, прекратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому Русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего; но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее,

содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго Царства, и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей, и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы, не престанутъ преграждать ему всѣ пути, и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія. Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремя стами тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнонародной арміи его истреблена, частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія смѣлое, или лучше сказать, дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи, и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбію, и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ, и преклоняетъ къ стопамъ его и войска и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, Вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и доброволь-

ном̃ъ противъ врага ополченія свидѣтельствуютъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И такъ, да не унываетъ никто, и въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія государственныя дышатъ мужествомъ и твердостію? Когда непріятель, съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пересѣкать ему возвратный путь, и не допускать къ нему ни какихъ новыхъ силъ? Когда Испанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его земли? Когда большая часть изнуренной и расхищенной отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую бы могла вырваться изъ подъ власти его, тяжкой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови? — При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго, не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ Державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ? Пріятно и свойственно доброму народу на зло воздавать добромъ. — Боже Всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь! Даруй побораюшему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе!

Сили да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и спасая себя, спасетъ свободу и независимость царей и царствъ.»

Въ этомъ актѣ вѣрный и пламенный сынъ отечества во всей правдѣ, во всемъ величіи изложилъ чувствованія и помышленія Отца Россіи. Все сказанное въ страшную минуту, исполнилось менѣе нежели въ осьмнадцать мѣсяцевъ, и побѣдоносныя знамена Благословеннаго Александра развились, на высотахъ Монмартра, надъ освобожденною Европою.

Великія происшествія того времени прекратили мирныя занятія словесностію, и она только мало по малу вступала въ свои права. Споры славянофиловъ и карамзинистовъ умолкли или раздавались только изрѣдка, въ слабыхъ отголоскахъ. Совершенный имъ конецъ положило появленіе Исторіи Государства Россійскаго, доказавъ, что Карамзинъ отнюдь не думалъ отвергать особенностей и красотъ языка церковнаго, а только, по свойству прежнихъ своихъ сочиненій, не считалъ надобнымъ ими пользоваться. Послѣднее твореніе Карамзина представляетъ много предметовъ къ размышленію и изученію, и мы займемся имъ въ свое время подробнѣе. Теперь скажемъ, что оно принято было съ единодушнымъ восторгомъ во всей Россіи, и тотъ почтенный старецъ, котораго, за ревность его къ древнему языку нашему, считали врагомъ Карамзина, въ торжественномъ засѣданіи Россійской Академіи поднесъ ему награду, установленную Екатериною II за отличныя услуги Русскому Слову.

По водвореніи спокойствія и тишины, стали

появляться хорошія произведенія во всѣхъ родахъ литературы; языкъ видимо очищался, обогащался и облагороживался. Хмельницкій заговорилъ прекраснымъ слогомъ въ своихъ комедіяхъ. Грибоѣдовъ представилъ намъ образецъ русской комедіи нравовъ, вѣрно списанной съ натуры, комедіи, которую и въ рукописи затвердила вся Россія. Гнѣдичъ совершилъ переводъ Иліады. Булгаринъ проложилъ дорогу сочинителямъ романовъ. Загоскинъ и Вельтманъ представили въ этомъ родѣ прекрасные образцы. Полевой счастливо испыталъ гибкій талантъ свой во многихъ родахъ прозы. Но первое мѣсто въ числѣ писателей новаго времени принадлежитъ Пушкину. Онъ создалъ свободный, русскій стихъ, не ту звонкую строку, въ которой нанизанныя стопами слова нерѣдко замѣняли смыслъ, а поэтическую фразу, т. е. полное логическое предложеніе, облеченное въ форму стиха, и подчинившее себѣ мѣру и риѳму. И не въ однихъ стихахъ являлся его прекрасный, необыкновенный даръ! Онъ съ такимъ же искусствомъ и счастіемъ писалъ въ прозѣ. Въ первыхъ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ онъ игралъ, можно сказать, шалилъ языкомъ, но въ послѣднихъ поднялся на высокую степень. Слогъ его повѣсти Капитанская Дочка, простотою, естественностію, выразительностію и правильностію, показываетъ, какую пользу онъ принесъ бы Русскому Языку, если бъ жилъ долѣе. Онъ изучалъ языкъ прилежно, строго, основательно, и нерѣдко удивлялъ записныхъ грамматиковъ своими умны-

ми, дѣльными, геніальными выводами и замѣчаніями. Дарованія, умъ, творенія Пушкина никогда не умрутъ въ памяти Русскихъ; никогда не погаснетъ сожалѣніе о его преждевременной кончинѣ. Какія прекрасныя надежды, какія драгоцѣнныя ожиданія сошли съ нимъ въ могилу!

Нынѣ, при всеобщемъ развитіи у насъ наукъ и просвѣщенія, языкъ отечественный безпрерывно совершенствуется и обогащается, но встрѣчаетъ и препятствія на пути своемъ. Я выпустилъ бы изъ виду главную цѣль моихъ Чтеній, пользу слушателей, если бъ обращалъ ихъ вниманіе на одно хорошее и изящное, не вооружаясь противъ вредныхъ нововведеній и преобладанія дурнаго вкуса, педантства и искаженія языка. Укажу на нѣкоторые изъ нынѣшнихъ нашихъ недуговъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, вздумали передѣлывать Русскій Языкъ, отнимая у него и слова, освященныя временемъ и обычаями, и обороты, собственно ему принадлежащіе. Вмѣсто нашихъ причастій и дѣепричастій, употребляли, для соединенія вставочныхъ фразъ, слова *который*, *какъ*, *такъ*, *что*; ставили слово *этотъ*, гдѣ ни оно, ни подобныя ему не нужны, и превратили было нынѣшній русскій слогъ въ варварскій говоръ прозы Тредьяковскаго. Этимъ хотѣли создать какой-то новый Русскій Языкъ, будто бы подобный тому, который употребляется въ нашихъ гостиныхъ, а въ гостиныхъ нашихъ, какъ извѣстно, говорятъ не по-русски. Нѣтъ! не тамъ должно намъ искать матеріаловъ нашего слова. Карамзинъ прекрасно

сказалъ: «Французы пишутъ, какъ говорятъ, а у насъ должно говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ со вкусомъ.»—Законадательство въ отечественномъ языкѣ принадлежитъ людямъ, вскормленнымъ на родной Землѣ Русской. Очень справедливо замѣчаніе: кто не былъ русскимъ ребенкомъ, тотъ никогда не будетъ русскимъ писателемъ. Русскій, образованный и ученый, вполнѣ знакомый съ книжнымъ нѣмецкимъ языкомъ, владѣя даже имъ какъ природнымъ, пріѣхавъ въ Германію, дивится пристрастію Нѣмцевъ къ своимъ грубымъ народнымъ нарѣчіямъ, такъ называемымъ плоско-нѣмецкому, аллеманскому, австрійскому, и не постигаетъ, какое удовольствіе они находятъ въ этихъ грубыхъ, суровыхъ, непонятныхъ звукахъ; но эти звуки имъ родные: они слышали ихъ съ дѣтства; они употребляли ихъ сами при первомъ развитіи чувствъ и ума. Такъ и у насъ, самые просвѣщенные и образованные иностранцы развѣ *умомъ* постигнутъ ту прелесть, которую имѣютъ для насъ русское просторѣчіе, русскія поговорки, русскіе обороты. Не троньте ихъ: это наша святыня.

Съ другой стороны, является въ нынѣшнемъ нашемъ слогѣ, особенно въ повѣстяхъ и романахъ, какая-то принужденная вычурность и кудрявость; стараніе не выразить мысль, а затмить ее наборомъ пустыхъ, звучныхъ словъ. Въ этотъ недостатокъ впадаютъ нѣкоторые молодые писатели съ дарованіемъ. Они думаютъ, что это поэзія! Нѣтъ, поэтическая мысль родится въ душѣ поэта уже съ готовымъ выраженіемъ! Она не гоняется

за маскарадными лоскутьями, не прячется въ арлекинскій нарядъ, не гремитъ побрякушками! Возьмемъ изъ одной новой книги разсказъ врача, позваннаго къ дамѣ, къ которой онъ былъ неравнодушенъ, и замѣтимъ, что автора этой книги, въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ, провозглашаютъ первостепеннымъ и образцовымъ.

«Вдругъ получаю тамъ записку - Воротитесь, пожалуста, поскорѣй, жена моя простудилась на балѣ и немного нездорова.» Я поскакалъ. Тотчасъ къ нимъ. Это было вечеромъ, какъ теперь помню. Уже въ передней двери растворялись тише. общая *боязливость* и порядокъ показывали, что нѣтъ опасности, что больная не умираетъ. Вхожу ... ахъ, Графиня, въ первый разъ она представилась мнѣ такъ-же прекрасна, какъ ея душа!.. Ей недоставало прежде чего-то, живости, огня, цвѣта, приличнаго нынѣшнимъ лѣтамъ.... болѣзнь поправила этотъ недостатокъ. Полу-сидя, полу-лежа, она покоилась на оттоманѣ. Шея обвернута голубымъ газомъ; *одна рука разметалась*, другая, притронувшись къ щекѣ, сквозилась сквозь густые локоны. Тонкая цѣпочка на лбу поддерживала волосы, какой-то капотъ, чудесно вышитый, какое-то кокетство, котораго я еще не замѣчалъ въ ней. Яркій румянецъ, глаза блестятъ и на сухихъ губахъ улыбка. Лицо въ совершенной противоположности съ *изнѣженнымъ* положеніемъ тѣла: завитая голова отдѣлялась, хотѣла развиться, черты лишились своего покоя, томности, онѣ требовали уже суеты, страсти, тревогъ, а кругомъ мертвое благоговѣніе. Нездоровье обожаемой жены, котораго не боялись, а за которымъ имѣли удовольствіе ухаживать, разливало по всему дому романическую таинственность. Мужъ сидѣлъ у нея въ

ногахъ, положивъ руку на прелестную ножку, смотрѣлъ такъ нѣжно, что вы пожелали-бъ объяснить себѣ жестокую способность человѣка любоваться болѣзнью. Онъ безпрестанно говорилъ, но звуки его голоса не имѣли мужской рѣзкости; онъ старался забавлять ее смѣшными разсказами, но это смѣшное было придумано такъ осторожно, что давало случай улыбнуться и никакъ *разсмѣяться*. Только его слова и касались ея слуха, а то не было тутъ движенья, которое-бъ можно разслушать, нечаяннаго шороха, на который бы обернуться. Куда дѣвался блескъ бронзы, пылающій каминъ, свѣчи?.. ни одинъ лучъ не доходилъ до нея въ томъ видѣ, въ какомъ сотворенъ природой, у огня отняли силу потрясать нервы. Поймите, Графиня, очарованіе доктора, когда такъ берегутъ его больную; поймите темную зависть къ тѣмъ, кто можетъ окружить такой изысканной нѣжностью, такой роскошной попечительностью предметъ своей нравственной любви. Я нашелъ ее въ лихорадочномъ состояніи, прописалъ, разумѣется, лекарство — и Левинъ сдѣлался еще шутливѣе, даже сталъ говорить немножко громче. На другой день больной лучше, на третій также, наконецъ она начала выѣзжать, но черезъ нѣсколько времени опять тѣже признаки*.»

Еще слѣдуетъ упомянуть о дикомъ, темномъ, непонятномъ и безмысленномъ языкѣ, который вторгается въ нашу словесность подъ именемъ философскаго, и состоитъ изъ мнимаго подражанія слогу философовъ нѣмецкихъ, неимѣющаго ни толку, ни смыслу. Прочитаемъ нѣсколько строчекъ.

---

* *Новыя Повѣсти Н. Ф. Павлова*. С. П. б. 1839. Стр. 116 — 119.

«Ничто такъ не расширяетъ духа человѣческаго, ничто не окриляетъ его такимъ могучимъ орлинымъ полетомъ въ безбрежныя равнины царства безконечнаго, какъ созерцаніе міровыхъ явленій жизни. Поэтому, исторія человѣчества, какъ объективное изображеніе, какъ картина и зеркало общихъ, міровыхъ явленій жизни, доставляетъ человѣку наслажденіе безграничное, полное роскошнаго, трепетно-сладкаго восторга: созерцая эти движущіяся, олицетворившіяся судьбы человѣчества, въ лицѣ народовъ и ихъ благородныхъ представителей, ставъ лицомъ-къ-лицу съ этими полными трагическаго величія событіями, духъ человѣка — то падаетъ предъ ними во прахъ, проникнутый мятежнымъ и непокорнымъ его самообладанію чувствомъ ихъ царственной грандіозности, и подавленный обременительною полнотою собственнаго упоенія, — то, покоряя свой восторгъ разумнымъ проникновеніемъ въ ихъ сокровенную сущность, самъ возстаетъ въ мощномъ величіи, гордо сознавая свое родство съ ними. Вотъ гдѣ скрывается абсолютное значеніе исторіи и вотъ почему занятіе ею есть такое блаженство, какого не можетъ замѣнить человѣку ни одна изъ абсолютныхъ сферъ, въ которыхъ открывается его духу сущность сущаго и родственно сливается съ нимъ до блаженнаго уничтоженія его индивидуальной единичности. Да, кто способенъ выходить изъ внутренняго міра своихъ задушевныхъ, субъективныхъ интересовъ, чей духъ столько могучъ, что въ-силахъ переступить за черту заколдованнаго круга прекрасныхъ, обаятельныхъ радостей и страданій своей человѣческой личности, вырываться изъ ихъ милыхъ, *лелѣющихъ* объятій, чтобы созерцать великія явленія объективнаго міра, и ихъ объектив-

ную особность усвоять въ субъективную собственность чрезъ созданіе своей съ ними родственности, — того ожидаетъ высокая награда, безконечное блаженство: засверкаютъ слезами восторга очи его, и весь онъ будетъ — настроенная арфа, брящающая торжественную пѣснь своего освобожденія отъ оковъ конечности, своего сознанія духомъ въ духѣ... Но когда мировое историческое событіе есть въ то же время и фактъ отечественной исторіи, и его субстанціяльная родственность съ духомъ созерцающаго просвѣтлитъ до прозрачности его таинственную сущность, — о, тогда его блаженство будетъ еще шире, безконечнѣе, потому-что на родной призывъ отзовутся новыя струны, сокрытыя въ самыхъ недоступныхъ глубинахъ его сердца* !....

Полагаемъ, что это просто шутка, пародія, которою авторъ статьи хотѣлъ позабавить своихъ читателей и потѣшиться надъ легковѣрными; но если онъ въ самомъ дѣлѣ вздумалъ такъ писать не въ шутку, то и это не бѣда: попытки его не могутъ причинить ни какого вреда общему нашему Русскому Языку и отечественной Словесности: онѣ уничтожаютъ себя сами.

Впрочемъ всѣ эти попытки, удачныя и несчастныя, хорошія и дурныя, свидѣтельствуютъ о движеніи, которое въ нынѣшнее время происходитъ въ нашей словесности: она ждала только благаго направленія, чтобъ подвинуться къ лучшему. И это направленіе дается ей свыше. Языкъ Русскій, попеченіемъ мудраго Правительства, становится на подобающую ему степень языка го-

* *Отечественныя Записки.* 1839, кн. 12, Отд. VII, стр. 1 — 2.

сударственнаго, разливаясь могучею струею и по тѣмъ областямъ Имперіи, гдѣ онъ не есть народный. Будущая его участь зависитъ отъ процвѣтанія государства, и отъ просвѣщенія народа, и въ этомъ отношеніи представляются намъ виды и надежды самыя утѣшительныя. Развитіе истинно русскаго воспитанія, заимствующаго въ чужихъ краяхъ только хорошее и полезное, и укореняющагося на родной почвѣ, дастъ просторъ и новыя силы отечественному слову. Ученыя и учебныя заведенія по всѣмъ частямъ, основанныя и управляемыя въ одномъ духѣ, обѣщаютъ Россіи подданыхъ, вполнѣ достойныхъ быть дѣтьми такой матери!

Къ вамъ обращаюсь, благородные юноши, питомцы отечественныхъ музъ! Вы наслаждаетесь счастіемъ, какого мы, предшественники ваши въ жизни, вовсе не знали. Вамъ предлагается здоровая, крѣпительная, живительная умственная трапеза. Мы, въ свое время, довольствовались скудными крохами, и тяжкимъ трудомъ, въ совершенныя лѣта, пріобрѣтали то, что вы получаете даромъ, въ свѣжей, воспріимчивой юности! Употребите дары сіи въ пользу науки и отечества! Дайте намъ изъ рядовъ своихъ — писателей русскихъ, которые довершили бы начатое, прославили родную землю, и доказали, что труды и попеченія о нихъ Отца-Монарха были не напраены.

Съ радостію и наслажденіемъ уступимъ мѣсто вамъ, достойнѣйшимъ!

ЧЕТВЕРТОЕ ЧТЕНІЕ.

(22-го Декабря.)

Теперь слѣдуетъ мнѣ, представить вамъ, почтеннѣйшіе слушатели, въ бѣгломъ обзорѣ, выводы изъ прежнихъ Чтеній моихъ, и отъ историческаго описанія бытій языка нашего перейти къ изложенію его существа, свойствъ и правилъ, какъ готоваго даннаго.

Русскій Языкъ есть главная отрасль славянскаго древа языковъ, перевесеннаго съ языками греческимъ, латинскимъ и германскими изъ Азіи, гдѣ остались сходные съ ними, по происхожденію и свойствамъ, языки индійскіе и персидскій.

Славянскіе языки раздѣляемы были различно, по нѣкоторымъ особенностямъ въ словахъ и свойствахъ ихъ. Всѣ сіи раздѣленія были произвольныя и сбивчивыя. Мнѣ кажется, лучше всего бу-

детъ раздѣлить ихъ по нынѣшнимъ ихъ свойствамъ и различіямъ, а не по старинной и коренной ихъ разности которая, по недостатку древнихъ, чистыхъ памятниковъ всѣхъ нарѣчій, не можетъ быть выражена ясно и удовлетворительно. Славянскіе языки, въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, дѣлятся на двѣ главныя вѣтви, восточную и западную. Свойство восточной заключается въ употребленіи азбуки кирилловской, составленной по образцу греческой. Славяне восточной отрасли исповѣдуютъ Вѣру Православную Восточную Греко-Каѳолическую. — Западная вѣтвь употребляетъ письмена латинскія. И вѣра сихъ Славянъ Западная, Римско-Католическая.

Къ отрасли восточной принадлежатъ языки: церковно-славянскій, русскій, сербскій, или иллирійскій, и болгарскій, съ различными ихъ нарѣчіями; къ западной: польскій, чешскій, или богемскій, вендскій, или сорабскій, въ Лузаціи, виндскій, или словинскій, и кроатскій, въ Стиріи, Каринтіи, Карніоліи и Кроаціи, и словацкій въ Венгріи.

Исторія Русскаго Языка начинается съ основанія Россійскаго Государства, варяжскими князьями, въ половинѣ IX вѣка. Важнѣйшія въ немъ перемѣны произведены были: введеніемъ Христіанской Вѣры въ концѣ X-го вѣка; подпаденіемъ Россіи подъ иго Татаръ въ началѣ XIII-го, отторженіемъ Западной Руси въ XIV-мъ, и преобразованіемъ Россіи въ началѣ XVIII-го. Точное отдѣленіе книжнаго Русскаго Языка отъ церков-

наго послѣдовало въ первой, а созданіе новаго Русскаго Слога во второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ Россіи издревле употреблялись два языка, церковно-славянскій, бывшій до XVIII вѣка исключительно книжнымъ языкомъ, и Русскій, который имѣетъ два главныя нарѣчія: великороссійское, или сѣверное, и малороссійское, или южное. Мы исключительно займемся первымъ. Другія нарѣчія, бѣлорусское, олонецкое, и искусственный языкъ суздальскій равномѣрно не входятъ въ предметъ нашего разсмотрѣнія.

Въ Русскомъ Языкѣ заключаются слова:

1. *Славянскія*, общія ему съ церковнымъ и другими славянскими языками, и составляющія большую его часть, главную сокровищницу. Сіи слова имѣютъ, въ корняхъ своихъ, сходство и сродство съ греческими, латинскими, германскими, также съ индійскими и персидскими словами. Нѣкоторыя изъ словъ церковнаго языка, при переходѣ въ русскій, измѣнились, напримѣръ: *глава, голова; градъ, городъ; мравій, муравей; есень, осень; яко, какъ; азъ и язъ, я.*

2. Собственно *русскія* слова, которыхъ нѣтъ въ другихъ славянскихъ; напримѣръ: *болтать, бросать, векша, глазъ, голубой, да, досугъ, жесть, красный* (въ значеніи цвѣта, rouge, по-слав. червленый), *кустъ, куча, обезьяна, очень, прыгать, прыть, пугать, семья, собака, ссора, сутки, таль, таскать, трогать, хорошій, шагъ, шаръ, шесть, ябеда, изъянъ.* Нѣкоторыя изъ сихъ словъ происхожденія восточнаго: *векша*, персидское *вéшекъ*:

да, персидское *та*, турецкое *да*; *обезьяна*, персидское *обузине*; *шагъ*, санскритское *шекъ*; *изъянъ*, персидское *зіанъ*. Иныя сходны съ германскими: *глазъ*, glotzen; *прыгать*, springen; (греч. *σφϱιγάειν*) *ябедникъ*, Amtman; съ латинскими: *пугать*, fugare, обращать въ бѣгство; *семья*, semen, родъ, племя, съ греческими: *бросать*, *ῥάσσειν*; *котора*, *κατάϱα*; *лучшій*, *λῷστος*; *портить*, *πέϱθειν*.

3. *Греческія* слова, вошедшія при просвѣщеніи Россіи Христіанскою Вѣрою, и относящіяся къ предметамъ богослуженія и книжнаго ученія: *іерей*, *трапеза*, *келлія*, *дискосъ*, *клиросъ*, *аналогій* (произносимые: *крылосъ*, *налой*) *грамматa*, *тетрадь*.

4. *Финскія*, *шведскія*, *сѣверо-германскія*, изстари вошедшія въ Русскую Землю отъ сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей: *градъ*, *торгъ*, *котелъ*, *хомутъ*, *веретено*, *безменъ*, *люди*, *молоко*.

5. *Татарскія* слова, большею частію означающія одежду, оружіе, жилье, предметы торга и службы казенной; таковы: *башмакъ*, *кафтанъ*, *колпакъ*, *кушакъ*, *шапка*, *сарай*, *шалашъ*, *шатеръ*, *ямъ*, *деньга*, *алтынъ*, *барышъ*, *казна*, *казначей*, *ярлыкъ*, *пудъ*, *харчъ*.

6. *Латинскія*, принятыя изъ западныхъ школъ: *сенаторъ*, *экзекуторъ*, *префектъ*, *ректоръ*, *студентъ*, *орденъ*, *публика*, *високосъ*. Сюда же принадлежатъ немногія польскія: *вензель*, *таблица*.

7. *Персидскія*, *арабскія*, *еврейскія*, которыми называются привозимыя съ Востока драгоцѣнные камни: *алмазъ*, *бирюза*, *лаллъ*, *изумрудъ*, *яхонтъ*, *топазъ*, *яшма*, *сапфиръ*.

8. *Ново-европейскія* (какъ-то: нѣмецкія, голландскія, англійскія, французскія, италіанскія), заимствованныя большею частію при преобразованіи Россіи Петромъ Великимъ; напримѣръ: *графъ*, *оберъ-шенкъ*, *камергеръ*, *фрейлина*, *ордонансъ-гаузъ*, *шлагбаумъ*, *генералъ*, *офицеръ*, *капралъ*, *солдатъ*, *фурлетъ*, *фрегатъ*, *шоссе*, *рандеву*, *депо*, *яхта*, *виртуозъ*, *амплуа*, *роль*, *карета*. — Къ этому же разряду должно причислить и греческія техническія слова: *театръ*, *трагедія*, *комедія*, *драма*, *эпиграмма*. Греческія слова, истекающія изъ одного съ русскими корня, слились съ Русскимъ Языкомъ, что называется, обрусѣли. Принятыя въ Средніе Вѣки, произносятся и пишутся у насъ, какъ въ языкѣ ново-греческомъ, а вошедшія съ науками и искусствами, употребляются на латинскій ладъ, какъ въ западной Европѣ.

Вообще иностранныя слова, употребляемыя у насъ, могутъ раздѣлиться на двѣ части: первая: слова обрусѣвшія, имѣющія русское окончаніе, склоняющіяся и спрягающіяся по-нашему, и пустившія отъ себя другія слова, таковы: *якорь*, *якорекъ*, *якорный*; *солдатъ*, *солдатка*, *солдатскій*, *солдатикъ*, *солдатчина*, и вторая: слова, употребляемыя съ окончаніемъ, несвойственнымъ Русскому Языку, и потому неподчиняющіяся измѣненіямъ по нашей грамматикѣ, напримѣръ: *рандеву*, *амплуа*, *депо*, *шоссе*. Впрочемъ и эти слова съ теченіемъ времени принимаютъ русскую выправку; напримѣръ, у насъ говорятъ и пишутъ: *шоссейный*.

Русскій Языкъ изобилуетъ многими выразительными и отличительными краткостью своею оборотами, свойственными ему съ языками древними: таково сліяніе предложеній и періодовъ посредствомъ причастій и дѣепричастій. Складъ русской рѣчи подходитъ порядкомъ или размѣщеніемъ словъ къ конструкціи языковъ французскаго и англійскаго, но не рабски ей слѣдуетъ, имѣя возможность располагать слова по требованію смысла рѣчи и по законамъ благозвучія.

Строеніе Русскаго Языка вообще правильное, основанное съ одной стороны на уставахъ строгой логики, съ другой на законахъ, по которымъ звуки и измѣненія голоса приспособляются къ выраженію чувствованій и мыслей человѣка.

Теперь предлежитъ мнѣ заняться изложеніемъ сего строенія языка, показать существенныя формы словъ, ихъ происхожденіе и образованіе, ихъ измѣненія и уклоненія, ихъ совокупленіе для произведенія понятной рѣчи, и наконецъ способъ ихъ произношенія и правила изображенія на письмѣ: но здѣсь нахожусь я въ нѣкоторомъ затрудненіи, не зная, съ какой точки долженъ я разсматривать языкъ и излагать его свойства, для удовлетворенія ожиданіямъ и требованіямъ моихъ почтенныхъ слушателей.

Представить ли одни легкіе очерки языка въ томъ, что наиболѣе поражаетъ въ немъ нашъ умъ и прельщаетъ воображеніе соединеніемъ противоположностей, и выразить его свойства, которыми онъ отличается отъ другихъ языковъ? Все это

можно бъ было разцвѣтить довольно любопытными замѣчаніями, примѣрами, и даже анекдотами. Или заняться разборомъ и изложеніемъ законовъ языка во всей строгости, по правиламъ науки, показать главныя его основанія, исчислить всѣ проистекающіе изъ того выводы, и наконецъ утвердить правила его употребленія, вопреки невѣжеству и умничанью? Послѣднее будетъ гораздо труднѣе и продолжительнѣе, но, сколько я могъ замѣтить изъ предложенныхъ мнѣ почтенными моими слушателями вопросовъ и замѣчаній, большая ихъ часть желаетъ послѣдняго, желаетъ видѣть серіозное, основательное изложеніе Русскаго Языка, доказанное умозрѣніемъ, и поясненное примѣрами. И такъ займусь моимъ дѣломъ, не какъ предметомъ забавы или средствомъ препровожденія времени, а выводомъ науки строгой и поучительной. Сожалѣю о тѣхъ, которые не найдутъ удовлетворенія желанію своему любоваться одними цвѣточками, но могу ихъ увѣрить, что изложеніе свойствъ и правилъ языка, особенно отечественнаго, можетъ быть пріятно и занимательно. Вы любите природу, вы охотно занимаетесь ботаникою, разсматриваете наружные признаки цвѣтовъ и травокъ, разлагаете ихъ на части, составляете изъ нихъ виды и роды, не пугаетесь тѣхъ варварскихъ, мнимо греческихъ именъ ботанической терминологіи, отъ которыхъ Демосѳенъ оцѣпенѣлъ бы, какъ нѣкоторые наши литераторы отъ словъ *сей* и *оный*. Языкоученіе можетъ быть уподоблено этому занятію. На обширномъ лугу языка возникаютъ различные

цвѣтки слова: корень каждаго есть мысль, не отдѣльная, но безотчетная, а исходящая отъ огромнаго общаго, внутренняго корня, до котораго люди добираются въ теченіе вѣковъ. Станемъ разбирать эти прекрасные цвѣты, класть ихъ порядкомъ одинъ подлѣ другаго, составлять изъ нихъ пучки, вѣнки и вязи, которые, таинственнымъ значеніемъ своимъ, выражаютъ мысль, родившую ихъ, и служатъ эмблемами, выраженіемъ нашихъ душевныхъ движеній. Не будемъ пугаться грамматическихъ наименованій: неужели *существительное* и *прилагательное*, *глаголъ* и *нарѣчіе* страннѣе нежели *пролификація*, *отпрыскопусканіе*, или *ложечужеядныя* растенія? Дѣло состоитъ только въ томъ, *какъ* предметъ излагается. Самый богатый и великолѣпный въ рукахъ и устахъ педанта дѣлается скуднымъ и блеклымъ; самый простой и вялый, подъ перомъ Бюффона и Гумбольдта, получаетъ краску и жизнь. И такъ, если мое изложеніе будетъ недостаточно или неудовлетворительно, вините въ томъ не предметъ мой, а меня, меня исключительно и единственно.

Теперь произнесемъ слово, которое пугаетъ многихъ: это Грамматика.

Въ Грамматикѣ излагаются формы языка, то есть условія, подъ которыми являются, въ звукахъ голоса и на письмѣ, выраженія нашихъ мыслей и чувствованій. Сущность мысли и соотвѣтствующаго ей выраженія, точность его, благозвучіе, употребительность, приличіе относятся къ ученію о слогѣ, или стилистикѣ. Грамматика заботится толь-

ко о томъ, правильно ли слово составлено, надлежащимъ ли образомъ соединено съ другими, произнесено и написано. Авторъ, или преподаватель Грамматики, есть не законодатель языка, а только собиратель и толкователь его законовъ, которые даются въ началѣ народомъ, а въ послѣдствіи, по установленіи языка, образцовыми писателями. Онъ не вводитъ, не навязываетъ новыхъ правилъ, чтитъ принятые временемъ обычаи и особенности, и излагая сіи правила, обычаи и особенности, въ стройной, систематической связи, только указываетъ на тѣ случаи, въ которыхъ, по невѣдѣнію или злоупотребленію, говорящіе и пишущіе уклоняются отъ общихъ, коренныхъ законовъ. Такъ астрономъ не даетъ движенія свѣтиламъ, а только указываетъ ихъ теченіе; такъ философъ, преподавая логику, или науку мыслей, излагаетъ законы мышленія, предоставляя практикѣ выводить изъ того наставленія и уроки.

Грамматика была у народовъ древности въ большомъ уваженіи, и имѣла гораздо обширнѣйшій кругъ противъ нынѣшняго. Санскритскія грамматики составлены задолго до Рождества Христова. У Грековъ грамматикомъ назывался ученый толкователь и судія классическихъ произведеній; грамматистомъ преподаватель начальныхъ правилъ языка. Первый занимался у нихъ грамматическими изслѣдованіями Платонъ, въ книгѣ своей, подъ заглавіемъ: *Кратилъ*. За нимъ послѣдовалъ ученикъ его, Аристотель. Знаменитая Школа Александрійская особенно славилась учеными и глубоко-

мысленными грамматиками, въ числѣ которыхъ пріобрѣлъ безсмертіе Аристархъ. — По водвореніи наукъ въ Римѣ, Грамматика сдѣлалась занятіемъ первостепенныхъ ученыхъ и ораторовъ. Варронъ и Цицеронъ усердно ее обработывали, и самъ Юлій Цесарь, посреди воинскаго шума, сочинилъ разсужденіе объ аналогіи словъ. Въ правленіе Августа, знаменитѣйшіе ученостью Греки, въ томъ числѣ Діонисій Галикарнасскій, поселились въ Римѣ. Потомъ словесность начала упадать. Квинтиліанъ на время оживилъ ее, но послѣ Аполлонія Александрійскаго, униженіе Рима повлекло за собою паденіе наукъ. — По возстановленіи просвѣщенія на Западѣ, возникло и языкоученіе. Ѳеодоръ Газа, Стефанъ, Эрасмъ, Скалигеръ, Казобонъ, Фоссій и Санчесъ были искусными грамматиками. Въ началѣ XVII вѣка знаменитый Баконъ положилъ основаніе Общей Грамматикѣ. Съ того времени открылась для нее новая эра, особенно во Франціи: отшельники Поръ-Рояля, аббатъ Жираръ, Бозе, Дюмарсе, Дюкло, Кондильякъ расширили ея область. Президентъ де-Броссъ съ удивительнымъ искусствомъ положилъ основаніе законамъ словопроизводства. Куръ-де-Жебленъ прославился своею естественною исторіею слова. Въ новѣйшее время съ успѣхомъ занимались Грамматикою аббатъ Сикаръ, Дестю-де-Траси, Дежерандо и Сильвестръ де Саси. Изъ Англичанъ прославились Гаррисъ, творецъ Гермеса, и Батти, авторъ теоріи языковъ. Нѣмцы долгое время ограничивались изученіемъ Грамматикъ Греческой и Латинской.

Грамматика Готтшеда лѣтъ пятьдесятъ была единственною. Аделунгъ первый изложилъ твердыя правила нѣмецкаго книжнаго языка, въ осьмидесятыхъ годахъ. Но въ новѣйшее время Германія обогатилась прекраснѣйшими въ семъ родѣ произведеніями. Важнѣйшее изъ нихъ есть Нѣмецкая Грамматика Якова Гримма, удивительный памятникъ германскаго глубокомыслія, учености и трудолюбія *. Еще достойны особенной похвалы сочиненія Герлинга и Беккера**: первый создалъ новыя правила синтаксиса, которыя можно приложить ко всѣмъ языкамъ; послѣдній обработалъ, съ большимъ успѣхомъ, начала организаціи языковъ.

Въ предшествовавшемъ Чтеніи упомянули мы о Грамматикѣ Ломоносова. Она была долгое время единственнымъ и исключительнымъ источникомъ нашего языкознанія. Изъ нея извлекли свои учебники Барсовъ и Соколовъ, и присовокупили къ тому нѣсколько собственныхъ своихъ правилъ и замѣчаній. Императорская Россійская Академія оказала большую и безсмертную услугу Русскому Языку изданіемъ словопроизводнаго словаря, но Грамматика ея, въ составленіи которой впрочемъ трудились одинъ или два члена, далека отъ совершенства. Въ ней разсматривается Русскій Языкъ, какъ онъ былъ вста-

---

* Deutsche. Grammatik, von Jakob Grimm. Drei Bände Göttingen, 1819—31.

** Herling, die Syntax der Deutschen Sprache. Zwei Bände. F. am M. 1830. Theoretisch-praktisches Lehrbuch

рину, т. е. въ видѣ собранія словъ, несвязанныхъ въ рѣчи. Сверхъ того сочинители ея рабски придерживались грамматики латинской, и не считали за нужное излагать и доказывать то, что русскому читателю извѣстно по навыку: по этому правилу, не нужна ни какая грамматика. Между тѣмъ многіе ревнители и испытатели языка обработывали разныя отдѣльныя ея части: профессоръ Болдыревъ изложилъ очень основательное мнѣніе о спряженіи глаголовъ; Давыдовъ положилъ начало правиламъ о порядкѣ словъ; Кошанскій обработалъ синтаксисъ; Калайдовичъ объяснилъ разныя части этимологіи; Борнъ указалъ средства сократить многія ея части; В. А. Жуковскій превосходно обработалъ Русскую Грамматику для Августѣйшихъ своихъ Учениковъ. Онъ не издавалъ ея, но сообщилъ мнѣ, и я съ пользою и благодарностію руководствовался ею при составленіи моихъ книгъ. Грамматика А. Х. Востокова достойна всякаго уваженія. Этотъ ученый, глубокомысленный и трудолюбивый изыскатель языковъ славянскихъ сообщилъ намъ въ ней много дѣльныхъ замѣчаній и правилъ. Его книга была бы гораздо совершеннѣе, если бъ онъ самъ занимался преподаваніемъ языка, и могъ сообразить ее съ понятіями и требованіями учащихся. Изъ грамматикъ, изданныхъ иностранцами, достойна больша-

---

der Stylistik. Zwei Bände. Hannover, 1837. Deutsche Grammatik von K. F. Becker. F. am M. 1829.

го вниманія сочиненная профессоромъ Фатеромъ*: онъ открылъ, въ формахъ языка, много такихъ особенностей, которыя ускользали отъ взоровъ его предшественниковъ, повторявшихъ заученное въ школѣ. — Никто не станетъ требовать, чтобъ я, въ порывѣ лицемѣрной скромности, разбранилъ собственную мою Грамматику: я бы доказалъ тѣмъ только, что зналъ, какъ должно написать, да не умѣлъ. Притомъ всякій можетъ критиковать ее какъ угодно: сорокъ тысячъ экземпляровъ ея разошлись по всей Россіи. Одинъ благонамѣренный критикъ, отличавшійся и остроуміемъ и нѣжнымъ вкусомъ, не въ силахъ будучи скрыть, что эта книга разошлась во множествѣ, сказалъ, что она расходится, какъ тѣ ничтожныя книжки, въ которыхъ заключаются наставленія истреблять клоповъ и блохъ! Нѣтъ! я не заслужилъ этой чести: моя книга далеко не истребила всѣхъ гнусныхъ и вредныхъ насѣкомыхъ въ Русской Словесности.

Второе изданіе моей Пространной Грамматики напечатано въ 1830, а Практической въ 1834 году. Съ тѣхъ поръ занимался я безпрерывно изслѣдованіемъ языка въ общемъ его составѣ и въ частностяхъ, и успѣлъ пріобрѣсть нѣсколько новыхъ свѣдѣній и соображеній, но главнымъ основаніемъ моихъ Чтеній будутъ книги, мною изданныя.

---

* J. S. Vater, Praktische Grammatik der Russischen Sprache. Leipzig, 1808, zweite Auflage, 1814.

Чтенія мои о Грамматикѣ будутъ состоять изъ пяти частей. Въ первой изложу я ученіе о звукахъ языка, или буквахъ; во второй, о словахъ, ихъ составѣ и измѣненіяхъ; въ третьей, о составленіи изъ словъ понятной рѣчи; въ четвертой, о произношеніи; въ пятой, о правописаніи словъ. Если позволитъ время, будетъ присовокуплено къ тому обозрѣніе правилъ русскаго стихосложенія.

О БУКВАХЪ.

Всякій языкъ состоитъ изъ словъ, или простыхъ и сложныхъ звуковъ голоса, которыми выражаются наши мысли и ощущенія. Всякое произносимое нами слово состоитъ изъ звуковъ, а изображаемое на письмѣ, изъ буквъ; но я, для соблюденія краткости, буду называть буквами и собственные звуки, тѣмъ болѣе, что согласная буква едва ли можетъ назваться звукомъ.

Слово не есть случайное сліяніе звуковъ, а происходитъ отъ стройнаго, органическаго ихъ совокупленія, по свойству изображаемаго имъ понятія и по качеству составляющихъ его стихій, или началъ звука.

Звуки, изъ которыхъ составляются слова, суть членообразные (articulés), то есть такіе, которые отъ орудій слова получаютъ способность выражать понятіе. Въ образованіи звуковъ языка должно различать два начала: во-первыхъ, *матерію*, изъ которой составляется звукъ, и во-вторыхъ, *форму*, сообщаемую сей матеріи органами слова, и дающую ей свойство членообразныхъ звуковъ.

Матерія слова есть голосъ, исходящій изъ дыхательныхъ, органовъ, то есть изъ груди, и получающій особенное свойство отъ расширенія или суженія рта. Человѣкъ имѣетъ дыханіе и голосъ наравнѣ съ животными, которыя снабжены легкими, и, какъ они, выражаетъ голосомъ удовольствіе или боль, но это не мысли и не понятія. Мы говоримъ для того, чтобъ насъ слышали, и по сей причинѣ голосъ есть стихія или начало всякаго звука, но онъ не есть собственно существенная часть человѣческаго слова. Отъ содѣйствія органовъ рта, одаренныхъ особенною гибкостью, и повинующихся волѣ человѣка, голосъ получаетъ надлежащій характеръ человѣческаго слова. Сіи органы заключаются въ полости рта, и суть гортань, языкъ и губы. Эти внутренніе органы, въ цѣлости своей, могутъ быть уподоблены флейтѣ, имѣющей во всю длину свою отверзтія и клапаны, служащія для опредѣленія, или модификаціи дыханія, проходящаго сквозь инструментъ. Дыханіе это необходимо для произведенія звука, но дыханіе безъ движенія по внутренности флейты, гдѣ оно получаетъ способность производить тоны, никогда само не произведетъ звуковъ, свойственныхъ сему инструменту.

Гласныхъ коренныхъ звуковъ во всѣхъ языкахъ считается пять: *а*, *э*, *и*, *о*, *у*. Главный, самый явственный, чистый, собственный голосъ груди есть *а*, произносимый среднимъ разверзаніемъ рта. Можно уподобить сіи звуки тѣмъ, которые производятся трубами разнаго размѣра, какъ, напримѣръ

въ роговой музыкѣ. Голосъ, или дыханіе, одинъ и тотъ же, но онъ получаетъ выраженіе и отличительное свойство отъ величины отверзтія и отъ длины иструмента. Самымъ длиннымъ расположеніемъ рта производится звукъ *и*, а самымъ большимъ суженіемъ губъ, звукъ *у*. Средину между *и* и *а* занимаетъ *э*, а между *а* и *у* — *о*. Слѣдственно гласные звуки должны бытьра сположены слѣдующимъ образомъ: *и*, *э*, *а*, *о*, *у*.

Главные изъ нихъ суть *и*, *а*, *у*. Первое мѣсто занимаетъ *а*, потому что не теряется въ языкѣ, и не переходитъ въ согласную. Звукъ *и* переходитъ въ согласную *ж*, что видно во французскомъ языкѣ, въ полугласную *й*, въ русскомъ, въ іоту (*j*), въ латинскомъ и нѣмецкомъ. *У* превращается въ образуемую губами же согласную *в*; во многихъ языкахъ, въ латинскомъ и нѣмецкомъ, эти два звука изображались одинаковою буквою. Въ русскомъ онѣ переходятъ одна въ другую: *заутра*, *завтра*, Paulus, *Павелъ*. Но въ склоненіяхъ эти буквы, равно какъ и *а*, не теряются; напримѣръ: *батракъ*, *батрака*; *сусликъ*, *суслика*; *паукъ*, *паука*. — Буквы *о* и *е* суть второстепенныя: онѣ превращаются въ полугласныя (*ъ* и *ь*), напримѣръ *во*, *въ*; *валекъ*, *валька*, и теряются въ склоненіяхъ: *вѣнокъ*, *вѣнка*; *отецъ*, *отца*. Эти буквы служатъ вспомогательными, во-первыхъ, въ измѣненіяхъ словъ: *доска*, мн. ч. р. п. *досокъ*; *кружка*, мн. ч. р. п. *кружекъ*, и во-вторыхъ, въ составленіи сложныхъ словъ, *рыба* и *ловъ*, *рыб-о-ловъ*, *ложь* и *учитель*, *лж-е-учитель*. Буквы *о* и *е* поставлены между *а* и *и*, и *а* и *у*,

потому что въ нѣкоторыхъ языкахъ, напримѣръ во французскомъ, изъ сихъ буквъ составляются. Греческія буквы *αι*, составили двугласную латинскую *ae*. *Э* стоитъ подлѣ и в потому, что обѣ сіи буквы нерѣдко принимаются одна за другую. Такъ было въ греческомъ языкѣ; такъ и у насъ, напримѣръ, формы уменьшительныхъ суть: *екъ* и *икъ*.

Непосредственно къ гласнымъ примыкаютъ буквы *полугласныя*, состоящія изъ половины гласной, какъ бы недоговоренной. Онѣ суть: ъ, ь и й. Буква ъ есть половина о, или о есть двойной ъ. Доказательства тому находимъ въ предлогахъ *во*, *со*, *ото*, *предо*, *изо*, происходящихъ отъ *въ*, *съ*, *отъ*, *предъ*, *изъ*. Что этотъ звукъ дѣйствительно существуетъ, а не служитъ просто знакомъ окончанія слова, явствуетъ изъ словъ: *предъидущій*, *сыскать*, *въ иномъ*, гдѣ ъ, въ соединеніи съ и, составляютъ букву [illegible]. Этотъ звукъ существуетъ и въ другихъ языкахъ, напримѣръ во французскомъ, гдѣ онъ выражается нѣмою буквою *e* (e muet), и въ еврейскомъ, гдѣ онъ именуется *шва*, и сопутствуетъ всякой согласной буквѣ, изображаясь двумя точками.

Буква *ь*, напротивъ, есть половина *и*, и составляетъ переходъ отъ гласныхъ къ согласнымъ, замѣняясь въ нѣкоторыхъ языкахъ въ *ж*. Доказательство тому, что эта буква есть краткая *и*, находимъ въ томъ, что въ нее переходитъ *и*, лишаясь ударенія; напримѣръ, изъ глаголовъ *ходити*, *ходиши*, произошли *ходить*, *ходишь*; повелительное глагола *просить*, есть *проси*, а *бросить* — *брось*.

Буква й долгое время не имѣла мѣста въ русской азбукѣ. Я нашелъ, что она также есть половина *и*, какъ *ь*, употреблялась только послѣ согласныхъ: *ель*, *вещь*. Это видно и изъ приведенныхъ выше повелительныхъ наклоненій: когда предъидущая окончательная буква есть гласная, полагается *й*: *имѣй*. Въ родительномъ падежѣ именъ женскаго рода множественнаго числа, слово *пуля* имѣетъ *пуль*, а *свая*, *свай*. И здѣсь явствуетъ близость буквъ *и* и *е*: послѣдная буква иногда превращается въ *ь* и *й*: *валекъ*, *валька*; *паекъ*, *пайка*.

Буквы полугласныя важны для насъ особенно потому, что онѣ служатъ къ составленію двугласныхъ, особенно *й*, или *ь*, почему Шлецеръ назвалъ наши двугласныя буквы litterae jeratae, т. е. буквами съ ѣрикомъ. Это отличительное свойство славянскихъ языковъ. У Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ присовокупляется иногда къ гласнымъ буквамъ, впереди ихъ, буква *h*: греческое ἥρως латинское heros, нѣмецкія Held, Haar. У насъ нѣтъ этого придыханія (aspiration). За то наши гласныя буквы нерѣдко принимаютъ ѣрикъ: напримѣръ, изъ славянскаго *азъ*, сдѣлалось *язъ*, и потомъ осталось *я*: отъ этого мы имѣемъ очень мало словъ начинающихся буквою *а*, не болѣе девяти. Изъ *олень*, *осень*, *озеро*, произошли *елень*, *есень*, *езеро*; изъ *удоліе*, *юдоль*, изъ *узы*, *юзы*, *союзъ*; самая буква *и* принимаетъ въ началѣ ѣрикъ: мы говоримъ *йихъ*. Исторія языковъ показываетъ намъ, что двугласныя сначала произносились отдѣльно, а потомъ слились въ одну букву. Такъ было и

въ Русскомъ Языкѣ: сначала составились и, к, потомъ соединились онѣ, и пишутся нынѣ *я*, *е*, *ю*, *ѣ*. У Славянъ, употребляющихъ латинскую азбуку, онѣ остаются раздѣльными.—Съ твердою полугласною (ъ) буква *і* составляетъ отдѣльную твердую двугласную *ы*, которая находится только въ двухъ славянскихъ языкахъ, русскомъ и польскомъ. Въ прочихъ же двугласныхъ присовокупленіе мягкой полугласной, придаетъ имъ свойство мягкости. И эта одна буква (ы) можетъ назваться дѣйствительно двугласною: оба звука слились въ ней воедино, между тѣмъ, какъ въ прочихъ двугласныхъ въ началѣ слышится ѣрикъ, а затѣмъ уже простая гласная буква. По сліяніи составныхъ буквъ, двугласныя въ теченіе времени превращаются въ гласныя, и такимъ образомъ въ Русскомъ Языкѣ составилась слѣдующая система гласныхъ звуковъ, раздѣляющихся на твердые и мягкіе:

а — *я*

у — *ю*

ы — *и*

о — *ѳ е*, *ё*, или *йо*

ѣ.

О главныхъ звукахъ, *а*, *у*, *и*, и ихъ сочетаніи нечего распространяться; но во второстепенныхъ находимъ разныя уклоненія и противорѣчія.

Въ распредѣленіи гласныхъ буквъ очевидно оказывается недостатокъ нашей азбуки, который въ новое время старались исправить, но не совершенно въ томъ успѣли. Буква *е* не есть чистый звукъ é, а имѣетъ впереди ѣрикъ, слѣдственно есть двуглас-

ная: мы говоримъ: *ель*, *есть*, а не *эль*, *эсть*. Для выраженія чистаго звука, введена, въ началѣ XVIII вѣка, буква *э*, употребляемая въ началѣ немногихъ русскихъ словъ: *этотъ*, *эй*, *эхъ*, и въ словахъ иностранныхъ, въ началѣ: *эпопея*, *эклога*, и послѣ гласныхъ: *поэтъ*, *Гаэта*. Неимѣніе этой буквы было виною, что многія иностранныя слова получили у насъ произношеніе неправильное, напримѣръ: *Европа*, *Египетъ*, *ехидна*, *евнухъ*, вм. *Эвропа*, *Эгипетъ*, *эхидна*, *эвнухъ*. Нѣкоторые грамотѣи наши донынѣ упорствуютъ въ принятіи буквы *э*. Напрасно: ею означается опредѣленный звукъ.

Звукъ *о* въ соединеніи съ ѣрикомъ составляетъ двугласную *йо*, также не имѣющую особаго своего звака. Карамзинъ сталъ употреблять *е* съ двумя точками (*ё*) Это хорошо послѣ согласныхъ, напримѣръ: *берёза*, *слёзы*, но нельзя писать, напримѣръ, *маёръ*. Въ этомъ случаѣ пишутъ: *йо* или *іо* (*маіоръ*). И такъ я рѣшился поставить двугласный звукъ *ё* или *е* соотвѣтствующимъ гласному звуку *о*, тѣмъ болѣе, что они часто взмѣщаются другъ въ друга, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи.

Остается звукъ *ѣ*, камень преткновенія нашихъ полуграмотныхъ писакъ. Этотъ звукъ есть двугласный, составленный изъ ѣрика, или *й*, и гласнаго чистаго *э*, не *ё*. Сложность эта явствуетъ изъ польскаго языка, гдѣ звукъ *ѣ* выражается буквами *ie*. Но къ которымъ звукамъ припадлежитъ эта буква, къ твердымъ или къ мягкимъ? По нашему мнѣнію, она составляетъ между ими сре-

дину, можетъ назваться звукомъ среднимъ. Причины и необходимость этого размѣщенія гласныхъ буквъ покажемъ въ послѣдствіи, при разсмотрѣніи сочетанія согласныхъ звуковъ съ гласными.

Теперь приступимъ къ буквамъ *согласнымъ.* Если гласный звукъ есть необходимое вещество для произведенія голоса, то измѣненія его органами рта служатъ къ проявленію звуковъ, свойственныхъ голосу человѣческому, или членообразныхъ. Звуки согласные составляютъ какъ бы скелетъ, тѣло языка, а гласныя вдыхаютъ въ него жизнь и душу. Но въ составленіи и изображеніи словъ, главную роль играютъ согласныя буквы: есть языки, напримѣръ, арабскій, еврейскій, въ которыхъ гласныя вовсе не пишутся. И у насъ, если я напишу: *е о ѣ*, никто не догадается, что я хочу сказать, между тѣмъ, какъ въ начертаніи: *ч л в к*, не трудно узнать слово *человѣкъ.* Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что согласными буквами выражается существо, предметъ, а гласною придается ему качество, свойство, отличительный характеръ. Выше сего уподобили мы органы полости рта, въ которой образуются согласные звуки, флейтѣ съ ея скважинами, или ладами, и клапанами. У всѣхъ народовъ въ свѣтѣ, лѣстница согласныхъ звуковъ простирается отъ устья горла до губъ включительно, но раздѣленія и точки дѣйствія органовъ на этой линіи располагаются различно. Напримѣръ: звукъ *х* есть у Испанцевъ, у Русскихъ и у Нѣмцевъ. Испанцы произносятъ его изъ горла, напримѣръ: *Кихотъ.* Русскіе мягче: *холмъ*, *хижина*, *харя.*

Нѣмцы еще мягче: Licht, machen. Русскій человѣкъ скажетъ: *лихть, махенъ*. Нѣмецъ произноситъ по-русски: *гарашо, голмъ*. Такъ и съ прочими буквами: упражняя съ дѣтства одну часть органа, мы ослабляемъ дѣйствіе другой, которая приводится въ движеніе у чужестранцевъ, и когда органы окрѣпнутъ, не можемъ пользоваться ею. Самыя крайнія точки этой линіи суть: наименованная нами испанская буква *x*, и греческая и англійская буква *ѳита*, или *th* (ѳ), произносимая удареніемъ языка во внѣшнюю сторону зубовъ.

Мы сказали, что части полости рта, въ которой образуются согласныя, суть гортань, языкъ и губы. Содѣйствуютъ этому образованію небо, зубы и отчасти носовое отверстіе. И такъ, согласныя буквы, по свойству производящихъ оныя органовъ, суть:

1. Гортанныя *к, г, х*.
2. Язычныя:

Съ содѣйствіемъ 1) поднебья: *т, д, л, р*.
2) носоваго отверстія: *н*.
3) зубовъ: *с, з, ш, ж*.

3. Губныя: *п, б, ф, в, м*.

Буквы *ц, ч, щ* суть сложныя изъ *тс, тш*, и *шч*, и принадлежатъ къ язычнымъ, образуемымъ при содѣйствіи зубовъ.

Между тѣмъ, сего дѣленія недостаточно: мы должны найти такое, въ которомъ отличалась бы каждая буква, какъ въ гласныхъ.

Первое различіе согласныхъ буквъ происходитъ отъ органовъ, которые ихъ производятъ. Дру-

гое различіе происходитъ отъ различнаго ихъ произношенія, присоединеніемъ къ нимъ полугласнаго звука, и густаго или тонкаго придыханія, съ бóльшимъ или мéньшимъ напряженіемъ.

При произнесеніи всякой согласной буквы, слышится въ ней едва примѣтный звукъ, какъ бы отъ присовокупленія полугласной *ъ*; напримѣръ: *къ*, *въ*. Если этотъ звукъ слышится *предъ* согласнымъ звукомъ, буква называется *плавною*, напримѣръ: *лъ*, *мъ*, *нъ*, *ръ*. Плавныя буквы могутъ быть *продолжены* безъ гласной буквы. Если же звукъ полугласный слѣдуетъ *за* согласною, она именуется *нѣмою*: *къ*, *тъ*, *пъ*. Нѣмыя буквы произносятся отрывисто, и не могутъ быть продолжены наподобіе плавныхъ. Звукъ этотъ, сопровождающій букву нѣмую, можетъ быть твердый или мягкій, иначе густой или тонкій, и отъ этого происходитъ дѣленіе буквъ нѣмыхъ на *собственно нѣмыя* и *среднія*. Въ первомъ случаѣ находятся поименованныя нами: *к*, *т*, *п*; въ послѣднемъ: *г*, *д*, *б*. Сверхъ того сіи буквы могутъ быть произносимы съ придуваніемъ, или придыханіемъ густымъ: *х*, *ф*, и мягкимъ: *в*. Высшая степень этого придыханія, густаго или тонкаго, явствуетъ въ буквахъ: *з* и *ж*, *с* и *ш*, которыя производятся сжатіемъ дыханія между языкомъ и зубами. Буквы *з* и *ж*, *с* и *ш*, различаются тѣмъ, какимъ образомъ языкъ ударяетъ въ зубы, остро или тупо. Эти буквы можно назвать *согласнымъ дыханіемъ*.

Всѣ исчисленныя нами раздѣленія видны въ слѣдующей таблицѣ:

ОРГАНЫ.			БУКВЫ.							
			1. Плавныя.	2. Нѣмыя.				3. Согласное дыханіе	
				А. Безъ придуванія.		Б. Съ придуваніемъ.			
				Нѣмыя	Среднія	Густыя	Тонкія	Густое	Тонкое
1. Гортань.				К	Г	Х	—	(h)	
2. Языкъ.	Съ поднебьемъ.	Мягко.	Л	Т	Д	(Θ)	—		
		Твердо.	Р						
	Съ носовымъ отверстіемъ.		Н						
	Съ зубами.	Остро.						С	З
		Тупо.						Ш	Ж
3. Губы.			М	П	Б	Ф	В		

Пополнимъ это обозрѣніе замѣчаніями: во второй верхней клѣткѣ справа слѣдовало бы находиться буквѣ *h*, или собственному густому дыханію, но этого звука въ Русскомъ Языкѣ нѣтъ. Буква *ѳ* помѣщена здѣсь въ той силѣ, которую она имѣла у Грековъ, произносясь, какъ англійская *th*. У насъ, какъ извѣстно, она равносильна буквѣ *ф*. Она такъ произносилась и у нѣкоторыхъ

греческихъ племенъ. Буквы сложныя: *ц*, *ч*, *щ*, относятся къ окончательнымъ ихъ: *с* и *ш*.

Предложенныя здѣсь *дѣленія* и размѣщенія буквъ суть отнюдь не произвольныя: оли основаны на существенномъ свойствѣ звуковъ, и встрѣчаются во всѣхъ языкахъ. Дѣленія эти отнюдь не лишнія: на нихъ утверждены строеніе и измѣненіе всѣхъ словъ, и изъ нихъ проистекаютъ правила произношенія и правописанія.

Гласные звуки, сливаясь между собою и съ полугласными, составляютъ двугласныя буквы, какъ мы видѣли выше. То же находимъ и въ согласныхъ: онѣ сливаются между собою, и отъ частаго употребленія въ этомъ слияніи производятъ *двойныя буквы согласныя*, въ которыхъ однимъ начертаніемъ изображены два или три слитые звука, какъ-то: *тс* въ *ц*, *тш*, въ *ч*, *шч*, въ *щ*. При сліяніи согласныхъ, главное правило состоитъ въ томъ, что изъ нѣмыхъ и придуваемыхъ сливаются буквы одного дыханія, твердаго или мягкаго, а буквы плавныя, въ которыхъ, какъ мы видѣли, дыханіе не различается, сливаются со всякими; напримѣръ:

Нѣмыя и придуваемыя между собою:

асп,	аст,	аск	азб	азд	азг
успѣлъ	*кость*	*воскъ*	*возбуди*	*ѣзда*	*мозгъ*
спа	ста	ска	зба	зда	зга
спать	*стать*	*скатъ*	*збавить*	*здавать*	*згадить*
шпа	шта	шка	жба	жда	жга
шпага	*штыкъ*	*шкатулка*	*жбанъ*	*ждать*	*жгу*

атп	атк	агб	адг
акп	акт	абд	агд

Плавныя между собою.

арл	арн	арм	рла	рна	рма
алр	алн	алм			
анр	анл	анм	нра	лна	лма
амр	амл	амн	мра	мла	мна

Придуваемыя и плавныя.

аср	асл	асн	асм	азр	азл	азн	азм
сра	сла	сна	сма	зра	зла	зна	зма
шра	шла	шна	шма	жра	жла	жна	жма
арс	алс	анс	амс	арз	алз	анз	амз
арф	алф	анф	амф	арв	алв	анв	амв

Нѣмыя и среднія съ плавными.

акр	акл	акн	акм	агр	агл	агн	агм
атр	атл	атн	атм	адр	адл	адн	адм
кра	кла	кна	кма	гра	гла	гна	гма
пра	пла	пна	пма	бра	бла	бна	бма
арк	алк	анк	амк	арг	алг	анг	амг

Тройныя согласныя буквы производятся присоединеніемъ придуваемыхъ буквъ и дыханій въ началѣ и въ концѣ, въ противоположной сторонѣ гласной. Плавныя же прибавляются подлѣ гласной, напримѣръ:

Придуваемыя и дыханія.

вспа	вста	вска		взба	взда	взга	
вкра	вкла	вкна		вгра	вгла	вгна	
аспв	аств	аскв		азбв	аздв	азгв	
артв	алтв	антв		ардв	алдв	андв	
скра	скла	скна	скма	згра	згла	згна	згма
стра	стла	стна	стма	здра	здла	здна	здма

Присовокупленіе плавныхъ.

аспр	астр	аскр		азбр	аздр	азгр	
арск	алск	анск	амск	арзг	алзг	анзг	амзг
мста	мска			мзда	мзга		
мкла	мкна			мгла	мгна.		

Четверныя буквы составляются такъ же: или придуваемая буква присоединяется къ согласному дыханію:

вскра	вскла	вскна	взгра	взгла	взгна
вспра	вспла	вспна	взбра	взбла	взбна

или плавная становится на противоположной сторонѣ гласной, т. е. въ концѣ:

австр арстн анстл авздр авздн авздл

Изъ сихъ сочетаній можно вывести слѣдующія правила:

1. Сказанное выше, что могутъ сочетаваться между собою только буквы одного дыханія, т. е. густыя съ густыми, тонкія съ тонкими. По сей причинѣ мы пишемъ: *избавить*, *издревле*, *изгнать* — и *исполнить*, *искоренить*, *истребить*. По этой же причинѣ, хотя не всегда пишемъ, а говоримъ: *сталь*, *спать*, *скука*, и *зданіе*, *збавить*, *зго-*

нять. Въ первомъ случаѣ правописаніе слѣдуетъ производству словъ, въ послѣднемъ произношенію. Вообще здѣсь разсматриваемъ мы буквы въ отношеніи къ ихъ собственному звуку и внутренней силѣ: правописаніе дѣло иное.

2. Буква *в* составляетъ исключеніе: къ ней могутъ быть присовокупляемы спереди буквы всякаго дыханія, напримѣръ *сва*, *зва*, *ква*, *гва*, *хва*, *тва*, *два*. Это происходитъ оттого, что твердая, соотвѣтствующая ей, буква *ф* не свойственна Русскому Языку: вы не найдете ея ни въ одномъ русскомъ словѣ, происходящемъ изъ славянскаго. Она слышна только тогда, когда буква *в* предшествуетъ согласной густой (*вта*, *авс*, *вка*, произносятся: *фта*, *афс*, *фка*), или находится въ концѣ слова: *ров* (*рофв*) *лев* (*лефв*).

3. Буквы плавныя (*л*, *н*, *р*, *м*) могутъ сочетаваться съ буквами всѣхъ органовъ.

4. Въ исчисленныхъ нами формахъ и въ другихъ подобныхъ имъ, найдутся, можетъ быть, совокупленія буквъ, не существующія въ языкѣ, но всѣ онѣ составлены по свойству языка, и возможны.

5. Въ Русскомъ Языкѣ гораздо употребительнѣе совокупленіе буквъ густаго дыханія, нежели тонкаго. По этой причинѣ придуманы въ азбукѣ особыя буквы, для выраженія сложныхъ согласныхъ твердыхъ, какъ-то: *ц*, *ч*, *щ*, а соотвѣтствующія имъ тонкія: *дз*, *дж*, *ждж*, не имѣютъ особыхъ знаковъ.

6. Буквы придуваемыя и согласныя дыханія (*х*, *ф*, *в*, *з*, *с*, *ж*, *ш*) имѣютъ болѣе противу другихъ гласности, и потому могутъ стоять, въ началѣ сложной буквы или въ концѣ ея, въ четвертомъ мѣстѣ отъ гласной. Всего же ближе къ гласнымъ буквы плавныя (*л*, *н*, *р*, *м*): онѣ обыкновенно отдѣляютъ отъ гласной дыханія, придуваемыя, нѣмыя и среднія буквы. — Въ началѣ сложныхъ буквъ полагается изъ плавныхъ только *м* (*мзда*, *мста*, *мга*), по той причинѣ, что она произносится губами, и ближе другихъ подходитъ къ гласности. *Р* также имѣетъ свой звукъ, и можетъ быть въ началѣ, напримѣръ *рцы*, но *н* и *л* въ этомъ случаѣ не бываютъ. Отличительное свойство сихъ двухъ буквъ состоитъ въ томъ, что онѣ служатъ посредницами въ сочетаніи разныхъ согласныхъ буквъ съ гласными, и потому могутъ быть названы вспомогательными; напримѣръ, въ словахъ: *люб-л-ю*, *под-н-имать къ н-ему*. Объ этомъ будетъ говорено въ послѣдствіи.

7. Мы видѣли выше, что предъидущая изъ двухъ согласныхъ буквъ принимаетъ свойство последующей, т. е. становится густою или тонкою: *испить*, *здать*, и т. п. Такое же превращеніе случается, когда столкнутся двѣ буквы одного органа, и разнаго дыханія: тонкая предъ густою превращается въ густую; густая предъ тонкою въ тонкую, и происходитъ удвоеніе буквъ; напримѣръ: *сзади*, *сжимать*, произносятся: *ззади*, *жжимать*; *идти*, *изсохнуть*, произносятся: *итти*, *иссохнуть*.

Оканчиваемъ обозрѣніе начальныхъ звуковъ, или буквъ, и переходимъ къ отдѣленію

О СЛОГАХЪ.

Соединеніемъ буквъ согласныхъ составляется оставъ, или скелетъ слова, видимый, когда онъ изображенъ буквами, но еще не явственный слуху. И для объясненія сихъ совокупленій буквъ согласныхъ, мы должны были заимствовать гласную *а*. Гласная буква даетъ жизнь слову; это то же, что глаголъ въ частяхъ рѣчи: онъ можетъ быть и опускаемъ, но вездѣ подразумѣвается.

Для составленія слога, необходима гласная буква, стоящая ли отдѣльно или соединенная съ согласными.

Здѣсь должно замѣтить, что мы не принимаемъ въ разсужденіе, чистая ли это гласная буква или двугласная: каждая изъ нихъ произносится однимъ дыханіемъ, слѣдственно имѣетъ силу гласной. Также нѣтъ надобности различать простыя и сложныя согласныя буквы.

Слоги бываютъ прямые, средніе и обратные: прямой начинается согласною, и оканчивается гласною буквою (*ба*, *дра*, *скла*); обратный начинается согласною, и оканчивается гласною (*об*, *ьст*); въ среднемъ гласная находится между согласными: *рот*, *стол*, *друг*.

Совокупленіе согласныхъ съ гласными, по правиламъ языка, называется *складомъ*.

Буквы, въ практическомъ отношеніи, т. е. какъ начала, служащія къ составленію склада, имѣютъ особое дѣленіе, основанное, во-первыхъ,

на *сочетаемости* ихъ, во-вторыхъ, на *измѣняемости*.

По сочетаемости, гласныя и полугласныя дѣлятся на:

твердыя	мягкія
а	*я*
о	*е* (*э*)
у	*ю*
ы	*и* (*і*)
ъ	*ь*, *й*

средния

ѣ.

Согласныя, въ отношеніи къ сочетаемости, имѣютъ два дѣленія: первое по органамъ, последнее по свойству сопровождающаго ихъ дыханія.

Первое дѣленіе, по органамъ.

1. Гортанныя: *г*, к, *х*.
2. Поднебныя: *л*, *н*, *р*.
3. Шипящія: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*.
4. Шепелеватыя: *з*, *с*.
5. Зубныя: *д*, *т*.
6. Язычная *ц*.
7. Губныя: *б*, *в*, *м*, *п*, *ф*.

Второе дѣленіе, по дыханію.

А. Неизмѣняемыя буквы. В. Измѣняемыя.

(плавныя)	густыя, или твердыя	тонкія, или мягкія
л	*п*	*б*
м	*ф*	*в*

н	*к*	*г*
р	*х*	(*h*)
	т	*д*
	ш	*ж*
	с	*з*.

Сложныя буквы: *ц*, *ч*, *щ*, суть твердыя. Буква *ѳ* не входитъ въ составъ русскихъ складовъ.

На основаніи сихъ дѣленій, правила сочетанія буквъ, для составленія слога, суть слѣдующія:

1. Шипящія согласныя (*ж*, *ч*, *ш*, *щ*) совокупляются только съ гласными: *а*, *е*, *у*, *и*.

2. Язычная (*ц*) съ гласными: *а*, *е*, *у*, *ы*.

3. Гортанныя (*г*, *к*, *х*) съ гласными: *а*, *о*, *у*, *и*.

4. Буква *ѣ* можетъ слѣдовать за всѣми согласными.

5. Губныя (*б*, *в*, *м*, *п*, *ф*) не терпятъ за собою буквы *ю*, и при сочетаніи съ нею употребляютъ вспомогательную *л*; напримѣръ: *любить*, *люблю*; *славить*, *славлю*; *топить*, *топлю*; *томить*, *томлю*.

6. Полугласная ь не можетъ слѣдовать за гортанными (*г*, *к*, *х*), ни за язычною (*ц*). Различіе звука буквъ полугласныхъ (ъ и ь) совершенно теряется послѣ шипящихъ, т. е. въ словахъ: *мечь* и *ночь*, *дрожь* и *сторожъ*, *влещь* и *сельщь*, не слышно различія между ъ и ь.

Исключенія. 1. Буква о иногда слѣдуетъ за шипящими, въ окончательныхъ слогахъ, имѣющихъ надъ собою удареніе: *хорошо*, *отцовскій*. 2 Буква *ю* иногда слѣдуетъ за губными, безъ вставочной *л* (*голубую*, *черпю*).

Должно замѣтить, что сіи правила не относят-

ся къ словамъ, заимствованнымъ изъ иностранныхъ языковъ, и къ именамъ фамильнымъ: они пишутся по произношенію: *грація*, *медицина*, *Ижо̀ра*, *Сенъ-Жюльенъ*, *Кяхта*, *неньга*, *генералъ*.

Мы видимъ изъ сихъ правилъ и примѣровъ, что есть буквы, которыя не могутъ сливаться съ нѣкоторыми другими. Какъ же быть, когда, при составленіи слога или слова, сойдутся несочетаваемыя буквы? Тогда между ими полагается вставочная вспомогательная буква, (какъ мы видѣли выше, *л*, между *б* и *ю*), или же которая нибудь изъ буквъ превращается въ соотвѣтствующую ей, другую.

Гласныя и полугласныя буквы въ семъ случаѣ превращаются:

1) *я* послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, *г*, *к*, *х*, — въ *а*.
2) *ю* послѣ .... — въ *у*.
3) *о*, послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, — въ *е*.
4) *ы*, послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *г*, *к*, *х*, — въ *и*.
5) *е*, послѣ *г*, *к*, *х* — въ *о*.
6) *ѣ*, послѣ *і*, — въ *и*.
7) *ь*, послѣ *г*, *к*, *х* и *ц*, — въ *ъ*.
8) полугласная *ь*, послѣ гласныхъ, въ *й*.

Первыя пять правилъ основаны на вышеизложенной несочетаемости нѣкоторыхъ согласныхъ, а шестое происходитъ отъ свойства буквы *ѣ*, которая состоитъ изъ буквъ *іе*; по присовокупленіи къ нимъ еще одного *і*, выходитъ *ііе*, и эти два *і* заглушаютъ звукъ *ѣ*; напримѣръ: *въ Россіи*. Но когда предпослѣдняя буква *і* сокращается въ *ь*, *ѣ* вступаетъ въ свои права. Должно писать: *въ рѣшеньѣ*, а не *въ рѣшеньи*; *о продолженьѣ*, а не *о продол-*

жены. Это явствуетъ въ томъ случаѣ, когда ударенiе падаетъ на послѣднюю букву, и она дѣлается явственною, напримѣръ: *въ семьѣ*, *на скамьѣ*.

Кромѣ этого необходимаго измѣненiя буквъ гласныхъ, случаются еще слѣдующiя:

1. *А* превращается въ *о*, при переходѣ словъ церковно-славянскихъ въ Русскiй Языкъ; напримѣръ: *глава*, *голова*; *городъ*, *градъ*. Это измѣненiе случается и въ русскихъ словахъ: *равный*, *ровный*; *валы*, *волны*; *ростъ*, *расту*; *говорилъ*, *говаривалъ*; *погубить*, *пагуба*.

2. *Е* превращается въ *о*, и обратно *о* въ *е*. Церковно-славянскiя слова: *единъ*, *езеро*, *есень*, *елень*, пишутся и произносятся по-русски: *одинъ*, *озеро*, *осень*, *олень*. Еще: *теплъ*, *топить*; *лежать*, *ложе*; *водить*, *вести*. — Буква *е*, какъ извѣстно, произносится въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ *ё*; *ёлка*, *берёза*. Послѣ шипящихъ буквъ слышится, въ семъ случаѣ, частое *о*: *желтъ*, *челнъ*, *щетка*, произносятся: *жолтъ*, *чолнъ*, *щотка*.

3. *Я*, при переходѣ изъ церковнаго въ Русскiй Языкъ, превращается въ *ѣ*: *ясти*, *ѣсть*; *обрящу*, *обрѣтаю*.

4. *О* и *ы* смѣшиваются иногда съ *у*; напримѣръ: *супругъ*, *сумракъ*, *супостатъ*; *студъ*, *стыдъ*; *духъ*, *дыханiе*.

Иногда гласныя буквы переходятъ въ полугласныя: твердыя въ твердую, мягкiя въ мягкую, а именно: 1) о въ ъ, въ словахъ, *во*, *со*, *ко*, *обо*, 2) *е*, *я*, *и* въ й и ь: *маленекъ*, *маленькiй*; *паекъ*, *пайка*; *моюся* *моюсь*.

Гласная *у*, близкая къ согласнымъ, легко превращается въ согласную *в*; напримѣръ, отъ *заутра* произошло *завтра*.

Измѣнчемость буквъ согласныхъ бываетъ двоякая: буква мягкая превращается въ твердую того же органа, и обратно; или буква одного органа переходитъ въ букву другаго, твердая въ твердую, мягкая въ мягкую.

Первый случай происходитъ при составленіи слоговъ, или при совокупленіи гласныхъ; а именно: а) мягкія буквы (*б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*) получаютъ произношеніе твердыхъ (*п*, *ф*, *к*, *т*, *ш*, *с*) въ концѣ словъ и передъ другими твердыми, (слова: *бобъ*, *ровъ*, *рогъ*, *садъ*, *ножъ*, *возъ*, *обточенъ*, произносятся: *бопъ*, *рофъ*, *рокъ*, *сатъ*, *ношъ*, *восъ*, *опточенъ*); б) твердая буква *с* передъ мягкими превращается въ мягкую *з* (*сдѣланъ*, *сбавленъ*, произносятся: *здѣланъ*, *збавленъ*).

Второй случай находимъ въ различныхъ измѣненіяхъ словъ, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

Гортанная	*г*	превращается	въ	*ж*.
—	*к*	—	въ	ч.
—	*х*	—	въ	ш.
Зубная	*д*	—	въ	*ж*.
		иногда	въ	*жд*.
—	*т*	—	въ	ч.
		иногда	въ	щ.
Шепелеватая	*з*	—	въ	*ж*.
—	*с*	—	въ	ш.
Сложная	*ц* (*тс*)	—	въ	ч.
—	*ск*		въ	щ (*шч*)
—	*ст*		въ	щ (*шч*)

Примѣры: *нога, ножка; рука, ручка; пахать, пашу; сидѣть, сижу; судить, сужденіе; катить, качу; обратить, обращу; возить, вожу; носить, ношу; отецъ, отеческій; искать, ищу; простъ, проще.*

Изъ этого видно, что измѣняются только буквы гортанныя, зубныя и шепелеватыя, что всѣ онѣ превращаются въ буквы шипящія, и что буквы поднебныя и губныя этому измѣненію не подвержены.

Здѣсь оканчивается изложеніе механическихъ элементовъ слова. Мы видѣли, какимъ образомъ разные звуки, гласные и согласные, соединяются между собою, измѣняются и переходятъ изъ одного въ другой. Видѣли, какъ гласная буква даетъ жизнь согласнымъ, составляя съ ними слогъ; но эта жизнь есть еще животная, безмысленная. Это еще языкъ попугая и скворца: въ немъ есть звуки, соединенные между собою по законамъ строенія нашихъ органовъ, но нѣтъ того, что даетъ имъ душу, нѣтъ мысли. Лишь только мысль проникнетъ въ эту стройную, но еще не имѣющую значенія массу, родится *слово* — облеченіе душевныхъ нашихъ движеній видимымъ тѣломъ, конечная точка, довершеніе всего, что мы видѣли и разбирали донынѣ.

О СЛОВАХЪ.

Слово есть простой или сложный звукъ голоса человѣческаго, которымъ выражается какое либо понятіе или чувствованіе. Здѣсь является полярность въ совокупленіи началъ противоположныхъ:

[redacted]

слово, состоящее изъ двухъ началъ, вещественнаго, звука, и духовнаго, мысли, слѣдуетъ разсматривать въ сихъ двухъ отношеніяхъ.

Въ вещественномъ отношеніи, слово состоитъ изъ одного или изъ двухъ и болѣе слоговъ, и посему слова раздѣляются на *односложныя* и *многосложныя*. Число слоговъ опредѣляется въ словѣ числомъ гласныхъ буквъ.

Слогъ, какъ мы сказали выше, соединяется однимъ общимъ дыханіемъ, то есть гласною буквою. Въ словѣ же слоги его совокупляются посредствомъ ударенія. Тутъ проявляется дѣйствіе живительной мысли: она отличаетъ, для выраженія своего, одинъ изъ нѣсколькихъ слоговъ, а прочіе оставляетъ какъ бы въ тѣни, зависящими, вспомогательными. Она употребляетъ удареніе и для различія разныхъ словъ (*му́ка, мука́; по́дать, пода́ть*), или разныхъ обстоятельствъ слова: *мо́ря, моря́; лица́, ли́ца*, и т. д.

Въ каждомъ словѣ бываетъ *одно* удареніе. Слогъ, надъ которымъ оно находится, можно называть высокимъ, а всѣ прочіе слоги низкими. Слоги съ удареніемъ прежде называемы были долгими, а безъ ударенія, краткими. Это было неправильно: количество, долгота и краткость, буквъ не есть удареніе: оно существуетъ въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ; напримѣръ: pâte и patte; Schooß, schoß, wohl и soll. У насъ этого нѣтъ: у насъ есть только удареніе, зависящее не отъ самой буквы, а отъ положенія ея въ словѣ.

Разсмотримъ теперь слово, какъ выраженіе мысли, и повторимъ нѣкоторые изъ прежнихъ нашихъ выводовъ.

Первыми словами младенчествующаго человѣка были междометія, состоявшія бо́льшею частію изъ одной гласной буквы. Потомъ возникло подражаніе звукамъ, слышимымъ въ природѣ, скорости или медленности движеній; наконецъ эти звуки стали выражать и предметы отвлеченные. И междометія и другія слова, составленныя въ началѣ языка, были односложныя. Эти слова могутъ назваться *коренными*.

При ближайшемъ разсмотрѣніи состава и измѣненія словъ, находимъ, что всѣ слова происходятъ отъ словъ коренныхъ, или корней. *Корень* есть первоначальный слогъ, служившій къ составленію слова. Случается, что онъ утратилъ свое знаменованіе, иногда лишился всякаго смысла, и исчезъ въ языкѣ, а происшедшія отъ него слова существуютъ и размножаются. Корень слова состоитъ преимущественно изъ согласныхъ буквъ. Гласная придается къ нему только для облегченія произношенія; напримѣръ, корень словъ: *мор*, *мереть*, *мру*, есть *мр*. Буквы согласныя служатъ въ образованіи, слова для выраженія существа, вещи, постоянно пребывающихъ, а гласныя для изображенія чувства, свойства, качества преходящаго.

Изъ этихъ односложныхъ корней производятся слова посредствомъ присовокупленія къ нимъ, въ началѣ и концѣ, другихъ корней, опредѣляющихъ смыслъ главнаго корня, означающихъ отно-

шенія выражаемаго имъ существа, и т. д. И такъ корни словъ бываютъ двоякіе: *главные* и *придаточные.* Первые означаютъ предметъ, существо, его свойства; послѣдніе служатъ въ выраженію отношеній предметовъ и качествъ между собою. — Для того, чтобы родилось отношеніе, предметы должны уже существовать: по сей причинѣ придаточные корни произошли позже главныхъ. Отношеніе не такъ значительно, какъ предметъ: по этому придаточные корни короче главныхъ; иногда состоятъ они изъ одной гласной или полугласной буквы. — Присовокупляясь къ слову въ началѣ или въ концѣ, они бываютъ *предыдущіе* или *послѣдующіе.* Послѣдующій корень означаетъ преимущественно преходящее отношеніе, а предъидущій постоянное, всегдашнее.

Слово, происшедшее непосредственно отъ корня, называется *первообразнымъ.* Всѣ прочія именуются *производными.*—Слова, составленныя изъ главныхъ корней, и означающія самый предметъ или его дѣйствіе, качество, суть *знаменательныя,* и называются *частями рѣчи;* придаточный корень, существующій отдѣльно, именуется *частицею рѣчи,* или словомъ *вспомогательнымъ.*

Возьмемъ въ примѣръ слово *вода.* Главный корень его есть *вод,* а если исключимъ *о, вд* или, по свойству буквы *в, уд.* Отъ этого корня произошло первообразное слово *вода.* Оно сходно съ санскритскихъ *уда,* греческимъ ὕδωρ, латинскими unda и vadum, готскимъ wato, нѣмецкимъ Wasser, англійскимъ water, французскимъ onde. Это слово уже

не корень: въ немъ придаточный корень *а* показываетъ, что оно есть существительное, и рода женскаго. Прибавимъ корень *ный*, выйдетъ имя качественное, производное *водный*. Хотимъ ли выразить отсутствіе воды въ чемъ либо, прибавимъ предъидущій корень *без:* выйдетъ *безводный*. — Слова: *вода*, *водный*, *безводный*, суть части рѣчи, знаменательныя слова, а *безъ* слово вспомогательное, частица рѣчи. — Главные корни могутъ сливаться между собою, и такимъ образомъ раждаются сложныя слова; напримѣръ: изъ главныхъ корней *вода* и *много*, можно составить слова *многоводіе*, *многоводный:* эти слова суть сложныя въ противоположность простымъ: *вода* и *много*.

Русскій Языкъ, какъ мы неоднократно говорили, происходя непосредственно отъ кореннаго славянскаго, строже всѣхъ прочихъ живыхъ языковъ Европы слѣдуетъ правиламъ произведенія и составленія словъ. Почти всѣ слова его можно отнести къ началамъ, которыя находимъ не только въ соплеменныхъ съ нимъ языкахъ славянскихъ, но и въ языкахъ германскихъ, латинскихъ и греческомъ, имѣющихъ одно съ нимъ происхожденіе изъ Азіи, равно какъ и съ коренными языками азіатскими.

Главные корни русскихъ словъ, общіе всѣмъ славянскимъ, бываютъ трехъ родовъ: 1. Гласныя или согласныя буквы, или слоги прямые, изъ согласной съ гласною также и съ полугласною: *я*, *а*, *о*, *у*, *м*, *н*, *т*, *ты*, *мы*, *ай*, *ой*. 2. Обратный слогъ съ полугласною: *бой*, *лай*. 3. Обратный слогъ

въ три буквы, и средній въ четыре и болѣе: *одр, иск, брус; скло, мгла; плот, перст, ствол.*

Придаточные предъидущіе суть такъ именуемые предлоги: *без, воз, во, до, на,* и проч.

Придаточные послѣдующіе очень многочисленны. Мы найдемъ ихъ при разборѣ частей рѣчи въ подробности. Должно здѣсь только замѣтить, что послѣдующіе корни всѣ оканчиваются на гласную или полугласную букву, а на согласную никогда.

При образованіи словъ изъ корней, наблюдаются исчисленныя нами правила сочетанія и измѣненія буквъ. Сверхъ того вставляются нѣкоторыя буквы, служащія связью, цементомъ между разными корнями. Эти буквы суть. изъ гласныхъ, *о* и *е;* изъ согласныхъ, *л* и *н*. Онѣ называются вспомогательными; напримѣръ: *об-о-зрѣть, муж-е-ство, с-н-имать; дос-о-къ, нож-е-къ,* и т. д. Случается также, что буквы исключаются; напримѣръ: *в* послѣ *б* (вмѣсто *обвязанъ,* говорятъ *обязанъ); д, вя (д) мъ, я (д) мъ, увя (д) нуть*); *о* и *е, хох-(о) латый; ор (е) линый.* Буква *е*, послѣ *л*, превращается въ *ь*: *л (ь) виный*). — Для облегченія произношенія, полагаются вспомогательныя буквы и въ самомъ началѣ слова: *вотчина, вотчимъ, восемь*, вм. *отчина, отчимъ, осемь.* Вмѣсто *ржаной*, говорятъ *оржаной.*

На основаніи сихъ правилъ, съ немногими уклоненіями въ частностяхъ, нѣсколько сотъ первоначальныхъ корней произвели въ теченіе вѣковъ многія тысячи словъ; нѣкоторыя изъ нихъ такъ измѣ-

нились и уклонились отъ своихъ началъ, что очень трудно доискаться истиннаго ихъ происхожденія. Впрочемъ исчисленіе ихъ есть дѣло не грамматики, а словопроизводнаго лексикона. — Основаніе ему положено въ Трудахъ Императорской Россійской Академіи. Приведемъ въ примѣръ одно слово *свѣтъ*, которое произошло отъ корня *вѣт*, и пустило отъ себя вѣтви: *свѣтъ*, *свѣча*, *свѣща*, *свѣтать*, *свѣтить*, *свѣтлѣть*, *свѣтло*. Отъ нихъ происходятъ до семидесяти словъ.

Въ примѣръ того, какъ должно разлагать слова по ихъ происхожденію, возьмемъ небольшой періодъ изъ IX тома Исторіи Государства Россійскаго:

Царь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни, помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостиницъ, плотинъ.

Царь. Слово, происшедшее отъ латинскаго Caesar, исключеніемъ первой гласной буквы (Czar), какъ оно пишется у южныхъ Славянъ.

Слышалъ. Корень *слых*; измѣненіе ы на *у*, *х* на *ш*; *алъ* придаточный корень, окончаніе глагола въ прошедшемъ времени.

О. Корень придаточный, частица рѣчи.

Филиппъ. Слово греческое.

Дарилъ. Корень *дар*, въ санскритскомъ *да*, въ персидскомъ *дадами*; въ греческомъ *δῶρον*; въ латинскомъ dare; *илъ*, придаточный корень, окончаніе глагола въ прошедшемъ времени.

Его. Коренное слово, вспомогательное, измѣнившееся отъ давнашняго употребленія

Монастырю, съ греческаго *μοναστήριον*. Слово это перешло къ намъ со введеніемъ Христіанской Вѣры. Греческая буква η, превратилась въ ы.

Сосуды. Корень *суд*, сохранившійся въ сербскомъ языкѣ, въ значеніи сосуда; придаточный предъидущій корень *со*.

Драгоцѣнные. Сложное слово изъ корней *драг*, и *цѣн*, латинское census; вставочная буква *о*; придаточный корень *ный*, признакъ имени прилагательнаго.

Жемчугъ. Встарину *женчугъ*, съ турецкаго *инджу*, какъ наименованіе всѣхъ подобныхъ украшеній, перешло съ Востока. При составленіи другихъ словъ: *жемчужина*, *жемчужный*, гортанная г превращается въ *ж*.

Богатыя. Корень, безъ сомнѣнія, *бог*, *атый*, окончаніе прилагательнаго.

Ткани. Корень *тка*, сходный съ турецкимъ *ток-умакъ*, по-латыни texere.

Земли. Корень *зем*; вставочная вспомогательная буква *л*. Корень сходенъ съ санскрискимъ *сима*, персидскимъ *земинъ*, греческимъ *χαμαι*, латинскимъ humus.

Деревни. Происходитъ изъ турецкаго слова *дере*, или *деревентъ*, означающаго деревню. Буюкдере, большая деревня.

Помогалъ. Коренъ *мог*, коренное слово *могу*; въ санскритскомъ *магатъ*, большой, могучій; греческое *μέγας*, латинское magnus, нѣмецкое mögen. Придаточный корень *по*; окончаніе *алъ*, означаетъ глаголъ въ прошедшемъ времени.

Деньгами. По-персидски *тенге*, перешло къ намъ съ татарскими словами. Въ производствѣ: *денежный*, *денежка*, г превращается въ *ж*.

Въ. Придаточный корень.

Строеніи. Корень *строй*, лат. struere, коренное слово *строить;* производное, отглагольное *строеніе*.

Каменныхъ. Корень *кам*, сходенъ съ арабскимъ *гемедъ*, съ латинскимъ gemma; коренное слово *камень*.

Церквей, слово перешедшее изъ греческаго κυριακή οἰκία, домъ господень; въ нѣмецкомъ языкѣ Kirche. У насъ гортанная к измѣнилась въ язычную ц.

Пристаней. Корень *стан*, сходный съ санскритскимъ *стану*, твердый, съ греческимъ στάειν, съ латинскимъ stare, съ нѣмецкимъ stehen. *При*, корень придаточный, употребляемый и какъ особое слово.

Гостиницъ. Корень *гост*, сходный съ латинскимъ hostis, нѣмецкимъ Gast. *Ин*, *иц*, *а*, корни придаточные.

Плотинъ. Корень *плот*, *плет*, сходный съ греческимъ πλέκειν, съ латинскимъ plectere, съ нѣмецкимъ flechten.

Остановимся на этомъ. Страшусь, что употребилъ во зло терпѣніе ваше, милостивые государи, и нахожу извиненіе только въ важности моего предмета, въ любви и усердіи, съ какимъ его излагаю. Неужели это предметъ не занимательный, не важный, не достойный всего вашего вниманія и любопытства! Къ сожалѣнію нашему, мнѣнія въ семъ случаѣ различны. Приведемъ одно сужденіе, которое изумило и огорчило насъ. Оно помѣщено въ 15 томѣ Энциклопедическаго Лексикона, котораго изданіе было предпринято нами при пособіи первыхъ ученыхъ мужей и литераторовъ Россіи, для распространенія здравыхъ и основательныхъ познаній, и потомъ перешло въ другія руки. Получивъ XV томъ, я поспѣшилъ развернуть его на словѣ Грамматика, и что же

нашелъ въ этой статьѣ! Авторъ ея говоритъ въ началѣ, что ему не нужно распространяться въ объясненіи этого предмета, потому что всѣ тѣ, которые читаютъ Энциклопедическій Лексиконъ, уже знаютъ грамматику своего языка; потомъ представляетъ въ жалкомъ видѣ грамматиковъ греческихъ (въ числѣ которыхъ были, какъ извѣстно, Платонъ и Аристотель), и заключаетъ свою статью словами одного новаго французскаго писателя: «Грамматика есть искусство писать такимъ образомъ, какъ никто не говоритъ, и говорить такъ, чтобъ всѣ смѣялись надъ вами *.» Эти слова были бы совершенно справедливы, если бъ дѣло шло о грамматикѣ, на основаніи которой пишутся статьи нынѣшняго Лексикона и нѣкоторыхъ другихъ нашихъ изданій, но мы отвергаемъ ихъ именемъ всей нашей литературы, всѣхъ писателей, чувствующихъ свое назначеніе и достоинство.

Станемъ обработывать нашъ прекрасный, самородный, выразительный, благозвучный языкъ! Откроемъ всѣ его богатства, и воспользуемся ими для просвѣщенія нашихъ ближнихъ. Россія велика и славна подвигами и побѣдами воинственныхъ сыновъ своихъ; тверда, покойна и богата труда-

---

* Французскій критикъ (Филаретъ Шаль) смѣется отнюдь не надъ грамматикою вообще, а надъ нелѣпыми и уродливыми нововведеніями издателя Грамматическаго Журнала, Марля, о которомъ мы упоминали выше, на стр. 36.

ми мужей государственныхъ, гражданъ честныхъ и прилежныхъ. Да украсится она и науками, искусствами и изящными произведеніями слова, которое даровано намъ Провидѣніемъ самородное, богатое, гибкое, и отъ нашихъ рукъ ждетъ воздѣланія, чтобъ стать надъ всѣми языками въ мірѣ!

ПЯТОЕ ЧТЕНІЕ.

(5-го Января.)

I.

Въ предшествовавшемъ Чтеніи остановились мы на образованіи словъ. Изложивъ способъ совокупленія буквъ въ слоги и составленія словъ изъ слоговъ, упомянулъ я о томъ, что слова вообще могутъ быть *знаменательныя* и *вспомогательныя*. Первыми выражаются понятія о чемъ либо, о существѣ, о его качествѣ, о его дѣйствіи; послѣдними обозначаются различныя отношенія и степени качествъ, дѣйствій и существъ. Первыя составляются изъ корней главныхъ съ присовокупленіемъ къ нимъ придаточныхъ; послѣднія суть, по бóльшей части, корни придаточные, особо употребляемые. Первыя суть собственно части рѣчи; послѣднія преимущественно частицы.

Важнѣйшія изъ знаменательныхъ частей рѣчи суть *имя существительное*, которое мы станемъ называть просто именемъ, и *глаголъ*. Затѣмъ слѣдуютъ прилагательное и качественное нарѣчіе, причастіе и дѣепричастіе.

Имя, по значительности своей, въ нѣкоторыхъ языкахъ, напримѣръ въ нѣмецкомъ, называется и главнымъ словомъ, Hauptwort: имъ выражается видимый міръ въ пространствѣ со всѣми населяющими его существами. Глаголъ есть выраженіе міра во времени: выраженіе того безконечнаго движенія, которымъ живетъ и волнуется міръ вещественный. Имя и глаголъ противоположны другъ другу, какъ полюсы, какъ тѣло и душа, и взаимнымъ сліяніемъ своимъ составляютъ предложеніе, фразу, одушевленную мыслію.

Не стану обременять васъ исчисленіемъ раздѣленій имени на собственное, нарицательное, собирательное и т. д., но не могу пройти молчаніемъ, что и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, является оправданіе замѣчанія нашего, что въ Русскомъ Языкѣ, общія всѣмъ языкамъ дѣленія и правила находятъ свое приложеніе. Имена раздѣляются, между прочимъ, на нарицательныя и собирательныя: первыми называется предметъ отдѣльный, послѣдними собраніе однородныхъ предметовъ, выражается въ одномъ словѣ, *стадо*, *войско*, *народъ*. Въ иныхъ языкахъ тѣмъ дѣло и кончится. Въ Русскомъ Языкѣ истекаетъ изъ сего дѣленія правило, что имена собирательныя всегда употребляются, какъ наименованія неодушевлен-

ныхъ, хотя бы составлены были изъ предметовъ одушевленныхъ. По этому правилу, напримѣръ, должно говорить: «Цесарь покорилъ многіе воинственные *народы*,» а не многихъ воинственныхъ народовъ, и «разбилъ *войска* непріятельскія,» а не *войскъ* непріятельскихъ.

Займемся образованіемъ именъ. Они составляют*ся*, по общимъ правиламъ, присовокупленіемъ корней придаточныхъ къ главнымъ, для выраженія постояннаго, неотъемлемаго качества и отличія имени.

Главное, существенное свойство имени есть *родъ*. Почти во всѣхъ языкахъ различается окончаніемъ (корнемъ придаточнымъ послѣдующимъ) или членомъ (отдѣльнымъ корнемъ придаточнымъ, предъидущимъ) полъ выражаемаго именемъ предмета. Человѣкъ, уже во младенчествѣ своемъ, постигъ и выразилъ дѣленіе предметовъ на неодушевленные и одушевленные, и въ послѣднихъ различилъ два пола, мужескій и женскій. Но выраженіе этого различія бываетъ также различное. Въ новыхъ западныхъ языкахъ выражается оно по бо́льшей части членомъ: le père, la mère; il padre, la madre; въ англійскомъ однимъ смысломъ слова; въ греческомъ и нѣмецкомъ, членомъ и смысломъ; въ латинскомъ, бо́льшею частію окончаніемъ; въ Русскомъ Языкѣ рѣшительно окончаніемъ, съ нѣкоторыми неважными уклоненіями.

Родовъ можетъ быть всего три: мужескій, для означенія предметовъ мужескаго пола; женскій, для предметовъ женскаго пола; средній, для означенія непринадлежащихъ ни къ тому, ни къ дру-

тому. Но это логическое раздѣленіе грамматическихъ родовъ находимъ только въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ языковъ, англійскомъ: тамъ названія мужчинъ и животныхъ самцевъ суть имена мужескаго рода, женщинъ и животныхъ самокъ женскаго; все прочее рода средняго. То же встрѣчается въ персидскомъ, турецкомъ и китайскомъ. Въ языкахъ, происшедшихъ отъ латинскаго, только два рода, мужескій и женскій, къ которымъ причисляются и названія предметовъ неодушевленныхъ. Въ греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ три рода.

Въ Русскомъ Языкѣ родъ опредѣляется, во-первыхъ, поломъ предмета: названія одушевленныхъ предметовъ пола мужескаго суть рода мужескаго (*мужъ*, *герой*, *царь*, *юноша*, *судья*, *подмастерье*); названія предметовъ женскаго пола суть рода женскаго (*жена*, *няня*, *дочь*, *Елисаветъ*, *Кліо*). Наименованія прочихъ предметовъ дѣлятся на роды по окончаніямъ своимъ: кончащіяся на *ъ*, *ь* и *й* суть рода мужескаго, на *а*, *я* — женскаго; на *о* и *е*, средняго. Вотъ главное правило. Исключеній въ немъ два: имена, кончащіяся на *ь*, бываютъ и мужескаго и женскаго рода, не по смыслу своему, а по прихоти употребленія: *якорь* и *кисть*, *дождь* и *вѣтвь*, *пень* и *дебрь*. Отъ этого двуличія происходитъ, что родъ нѣкоторыхъ именъ сего окончанія еще не опредѣленъ въ точности: у насъ говорятъ и пишутъ: *морская госпиталь* и *морской госпиталь*, *страшный дуэль* и *страшная дуэль*; даже древнее слово *псалтирь* въ Священномъ Писаніи

употребляется въ родѣ мужескомъ, а въ новомъ языкѣ въ родѣ женскомъ. Имя *лебедь* бываетъ рода мужескаго и женскаго, смотря по тому, о самцѣ или о самкѣ говорится. — Имена, кончащіяся на *мя (время, имя)*, суть рода средняго. Это происходитъ оттого, что они встарину оканчивались не на *я*, а на букву *юсъ*, имѣвшую звукъ *енъ* или *е*. Въ польскомъ языкѣ сіи имена оканчиваются на ę, въ сербскомъ на *е (име, време)*. Въ Русскомъ Языкѣ буква *юсъ* превратилась въ *я*, а родъ въ именахъ, которыя на нее оканчивались, остался средній. — Достойно вниманія, что названія молодыхъ животныхъ, въ которыхъ различіе пола еще не входитъ въ разсужденіе, употребляются въ родѣ среднемъ: *дитя*, *осля*, *медвѣжа*. И здѣсь видно измѣненіе буквы *я*, или *юса*, въ *ен*. Отъ осля произошло слово *осленокъ*, отъ медвѣжа *медвѣженокъ*. Наименованія молодыхъ животныхъ, въ томъ числѣ и дѣтей, и въ другихъ языкахъ принадлежитъ къ роду среднему: въ нѣмецкомъ das Kind и всѣ уменьшительныя: das Söhnchen, das Fräulein; въ греческомъ *дитя (το τέκνον)*. Еще болѣе: не только дѣтеныши животныхъ, но и плоды древесные принадлежатъ въ греческомъ языкѣ къ роду среднему; напримѣръ: дерево кедръ, *(ἡ κέδρος)* рода женскаго, а кедровый орѣхъ *(τὸ κέδρον)* рода средняго, означеніе матери и дѣтеныша. Любопытно и то, что слово рабъ, *ἀνδράποδον*, употреблялось у Грековъ въ родѣ среднемъ: рабъ у древнихъ былъ не лице, а вещь.— У насъ имена уменьшительныя также принимаютъ

окончаніе средняго рода, *о* и *е*: *старичишко, домище, бабище*, но наименованія одушевленныхъ предметовъ остаются при своихъ родахъ.

Младенчествующій человѣкъ, придавая именамъ предметовъ неодушевленныхъ, или по крайней мѣрѣ, неразумныхъ, значеніе рода, поступалъ не безотчетно, а по внушенію таинственнаго внутренняго чувства, такъ сказать грамматическаго чутья: предметамъ огромнымъ, высокимъ, сильнымъ придавалъ значеніе рода мужескаго: *кедръ, дубъ, кленъ; слонъ, верблюдъ, медвѣдь; орелъ, соколъ, ястребъ;* меньшимъ, слабымъ женскаго: *береза, ель; лисица, собака, кошка; ворона, сорока, ласточка.* Названія предметовъ отглагольныхъ, отвлеченныхъ, собирательныхъ получили родъ средній: *дѣяніе, довольство, старье, бабье, мужичье.* Эти различія родовъ подвержены разнымъ исключеніямъ и прихотямъ; но вездѣ пробивается первоначальная мысль. — Еще должно замѣтить, что наименованіе человѣка или животнаго съ какимъ либо качествомъ, употребляется какъ бы имя прилагательное въ двухъ родахъ, мужескомъ и женскомъ; таковы слова: *брюзга, выскочка, заика, разиня, лѣвша, кусака.* — Любопытно, что въ Русскомъ Языкѣ имя *другъ* употребляется только въ мужескомъ родѣ: видно, старики наши не слишкомъ вѣрили женской дружбѣ.

Имена образуются первоначально прибавленіемъ родовой буквы къ корню слова; напримѣръ: *мужъ, жена, гусь, рой, село, поле.* Въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи языка стали вставлять ме-

жду корнемъ и окончаніемъ родовыми буквы и слоги, которыми опредѣляется значеніе имени; напримѣръ: буква *к*, и въ мужескомъ родѣ, слоги *акъ*, *икъ*, *окъ*, *екъ*, въ женскомъ, *ка*, *ака*, *ика*, *ѣка*, *ька*, въ среднемъ, *ко*, въ множ. числѣ, *аки*, *ики*, напр.: *рыбакъ*, *старикъ*, *ходокъ*, *валекъ*; *чашка*, *рубашка*, *черника*, *лейка*, *пулька*; *древко*; *дрожки*, *молоки*, *вареники*. Изъ этихъ словъ видно, что отличательная буква *к* служитъ къ означенію званія дѣйствующаго лица, также именъ уменьшительныхъ, собирательныхъ и названія орудіи. То же находимъ и въ другихъ окончаніяхъ: они опредѣляютъ значеніе имени: *ство*, наименованія предметовъ отвлеченныхъ: *свойство*, *родство*; *тель*, дѣйствующихъ: *благодѣтель*, *свидѣтель*; *анъ*, *унъ*, *инъ*, званія, качества человѣка: *горланъ*, *болтунъ*, *баринъ*, *воинъ*, *хозяинъ*; *тъ*, *то*, предметовъ вещественныхъ: *ушатъ*, *хребетъ*, *молотъ*, *долото*, *рѣшето*; *та*, *ть*, предметовъ отвлеченныхъ: *доброта*, *клевета*, *смерть*.

Такими придаточными корнями образуются изъ первоначальныхъ словъ имена производныя и второобразныя. Производными называю я имена, происшедшія отъ другихъ частей рѣчи, напримѣръ, отвлеченныя отъ прилагательныхъ: *вольность* отъ *вольный*, *доброта* отъ *добрый*; отглагольныя: *дѣланіе*, *дѣлатель* отъ *дѣлать*; *убавка*, *обшивка*, отъ *убавить*, *обшить*. Второобразныя же имена суть тѣ, которыя происходятъ не отъ другихъ частей рѣчи, а отъ первообразныхъ же существительныхъ, напримѣръ: женскія, происходящія отъ муже-

скихъ: *Росіянка*, отъ *Россіянинъ; пастушка*, отъ *пастухъ; колдунья*, отъ *колдунъ;* собственныя имена городовъ и селеній русскихъ: *Березовъ*, *Петровскъ*, и т. п.; отечественныя: *Охта, Охтянинъ; Сибирь, Сибирякъ*; отчественныя: *Петровичъ, Ильичъ*; наконецъ уменьшительныя и увеличительныя, особенно свойственныя Русскому Языку. Уменьшительное означаетъ вообще малость предмета противъ обыкновеннаго, напримѣръ: *городокъ, рѣчка, деревцо;* или привѣтствіе, ласку: *сынокъ, дочка, сестрица, кумушка, муженекъ, душенька;* еще уничиженіе: *мужичишко, землишка, зеркалишко, сливеченки; Ванька, Ванюшка, Ваничка; Дуня, Дунька, Дуняша, Дуняшка.* Кто подумаетъ, что это уменьшительныя піитическаго имени Евдокія! — Увеличительныя имена преимущественно представляютъ предметъ большимъ, неуклюжимъ, тяжелымъ, и употребляются только въ просторѣчіи: *мужичище, дружище, женище, санищи.* — Въ образованіи уменьшительныхъ играютъ главную роль отличительныя буквы *к* и *ц*, а въ увеличельныхъ *щ*.

Сложныя имена составляются по общему правилу: между соединяемыми именами полагается вставочная буква *о* или *е*: *хлѣбосолъ, мухоморъ, земледѣлецъ.* Но нѣкоторыя имена сливаются и безъ вставки: *Царьградъ, почлегъ, полдень.*

Числъ у насъ два, единственное и множественное. Въ церковно-славянскомъ языкѣ есть еще число двойственное, которымъ означаются именно два предмета: *очима, ногама*, т. е. двумя глазами, двумя ногами: эта форма, заимствованная у грече-

скаго языка, оставила въ Русскомъ слѣды свои въ числительномъ: *дѣсти*, въ сочетаніи числительныхъ съ существительными: *два*, *три*, *четыре дома*. Здѣсь собственно не родительный падежъ, а двойственное число. — Извѣстно, что есть имена, неимѣющія множественнаго числа, и напротивъ, другія, не имѣющія единственнаго. Къ первымъ принадлежатъ имена собственныя, нѣкоторыя изъ означающихъ вещества собирательнымъ образомъ *(дубнякъ, ельникъ)*, и отвлеченныя: *лѣность*, *прилежаніе*, и т. п. Въ одномъ множественномъ числѣ употребляются имена предметовъ, составленныхъ изъ двухъ и болѣе частей: *вѣсы*, *тиски*, *вилы*, *ножницы*, *мостки*, *бусы*, *дрова*; названія веществъ: *сливки*, *отруби*, *дрожжи*; наименованія обрядовъ духовныхъ: *крестины*, *похороны*, *сорочины*; праздниковъ или дней года: *Святки*, *Петровки*, *Филипповки*; игръ: *горшки*, *жмурки*, *гуляки*. Иногда случается, что имя, употребляемое во множественномъ числѣ, разнится въ смыслѣ съ употребляемымъ въ единственномъ; напримѣръ: *вѣсъ* (тяжесть), и *вѣсы* (орудіе); *рыба* (животное), и *рыбы* (созвѣздіе); *часъ* (60 минутъ), и *часы* (орудіе для измѣренія времени); *желѣзо* (металлъ), и *желѣзы* (оковы).

Сверхъ означенія числа, единственнаго и множественнаго, выражаются въ именахъ различныя отношенія предметовъ, называемыя *падежами*. Разборъ значенія и употребленія падежей относится къ синтаксису. Здѣсь станемъ говорить только о выраженіи ихъ въ именахъ. Отношеніе между двумя предметами предполагаетъ, во-первыхъ,

существованіе сихъ предметовъ, во-вторыхъ указаніе отношенія, въ которомъ они между собою находятся. Предметы, состоящіе между собою въ соотношеніи, бываютъ независимые и зависимые. Независимый, предметъ, подлежащее, выражается падежемъ именительнымъ, и потому этотъ падежъ называется *прямымъ*. Зависящіе отъ главнаго предметы выражаются прочими падежами, *косвенными*, и еще предлогами, ближе означающими отношеніе, напримѣръ: господинъ *села*, господинъ *въ селѣ*, господинъ *безъ села*. Падежи и предлоги суть указанія, или выраженія отношеній. Въ языкѣ есть еще одинъ падежъ независимый: это звательный. Слово звательное, которымъ называютъ лице, обращая къ нему рѣчь, есть лишнее въ предложеніи; оно не зависитъ отъ прочихъ словъ, и потому всегда отдѣляется запятыми. Въ предложеніи, напримѣръ: «скажи мнѣ, *мой другъ*, сущую правду,» можно исключить слово звательное, мой другъ, безъ малѣйшаго вреда смыслу. Въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, церковно-славянскомъ звательный падежъ имѣетъ особое окончаніе; и въ Русскомъ въ словахъ, непосредственно заимствуемыхъ изъ церковнаго: *Боже*, *Царю*, *Господи*.

Падежи въ разныхъ языкахъ выражаются различнымъ образомъ: въ языкахъ западныхъ, самымъ простымъ способомъ, посредствомъ членовъ: le père, du père, au père, и кончено. Въ языкахъ греческомъ и нѣмецкомъ членами, и въ то же время измѣненіемъ окончанія. Въ латинскомъ и славянскихъ, просто окончаніями.

Число падежей, въ разныхъ языкахъ, бываетъ не одинаковое: въ латинскомъ языкѣ шесть падежей, въ нѣмецкомъ четыре, въ Русскомъ семь.

Перемѣна окончанія имени, для выраженія числа и падежа, называется *склоненіемъ*. Склоненія русскія представляютъ разительный примѣръ стройности, правильности языка, догадливости нашего народа. Смѣло утверждаю, что едва ли найдется другой языкъ въ свѣтѣ, который, въ этомъ случаѣ, могъ бы оспорить первенство у нашего. Всѣ измѣненія окончаній въ склоненіяхъ основаны на изложенныхъ мною правилахъ сочетанія и измѣненія буквъ: для всякаго уклоненія въ смыслѣ словъ, придуманы особыя формы; гдѣ встрѣчается обоюдность окончанія, тамъ смыслъ опредѣляется удареніемъ. Представляемая мною система склоненій составлена Шлецеромъ, и впервые была употреблена Г. Борномъ. Я предпочитаю ее всѣмъ прочимъ.

Единственное число.

	I. Муж. р.	*II. Средн. р.*	*III. Женск. р.*
И	*ъ*	*о*	*а*
Р.	*а*	*а*	*ы*
Д	*у*	*у*	*ѣ*
В.	*И. Р.*	*о*	[illegible]
Т	*омъ*	*омъ*	[illegible]
П.	*ѣ*	*ѣ*	*ѣ*

Множественное число.

И	*ы*	*а*	*ы*
Р.	*овъ*	*ъ*	*ъ*

Намъ, во-первыхъ, представляются двѣ первенствующія формы: именъ рода мужескаго, кончащихся на *ъ*, и женскаго, кончащихся на *а*. Главное различіе ихъ состоитъ въ творительномъ падежѣ: *омъ* и *ою; столомъ, головою*. Сходство въ предложномъ единственнаго, и въ именительномъ падежѣ множественнаго числа. Еще важная разность. въ мужескомъ родѣ винительный падежъ сходенъ съ родительнымъ, когда имя означаетъ предметъ одушевленный, и съ именительнымъ, когда неодушевленный. Здѣсь же начинается приложеніе правилъ совокупленія и измѣненія букв, напр.: *урокъ, сапогъ, рука, нога* имѣютъ, въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, *и*, а не *ы* (*уроки, сапоги, руки, ноги*); *стужа, дача*, въ родительномъ единственнаго, *и*, а не *ы*; въ творительномъ *ею*, а не *ою: стужи, стужею; дачи, дачею*. Въ нѣкоторыхъ словахъ вспомогательная буква, *о* или *е*, при склоненіи опускается: *вънокъ, вънка; отецъ, отца*; или вставляется: *лавки, лавокъ; чашки чашекъ*.

Система склоненій довершается присоединеніемъ къ нимъ склоненія средняго рода. Г. Востоковъ удовольствовался двумя главными дѣленіями, и отнесъ имена средняго рода къ первому склоненію. Я полагаю, что лучше отдѣлить имена рода средняго отъ рода мужескаго, для того, чтобъ характеръ склоненія являлся уже въ именительномъ падежѣ, а не въ творительномъ, который есть послѣдствіе. Выгоды русскихъ склоненій въ томъ и состоятъ, что именительный падежъ показываетъ, къ которому разряду принадлежитъ слово. Склоненіе

именъ рода мужескаго; только во множественномъ числѣ имѣютъ они въ именительномъ падежѣ окончаніе *а*, а не *ы*, и въ родительномъ, не *овъ*, а *ъ*. Можно предположить даже, что послѣднее окончаніе есть первоначальное, находясь въ двухъ склоненіяхъ, среднемъ и женскомъ; въ мужескомъ же прибавленъ слогъ *овъ*, для различія отъ именительнаго падежа мужескаго рода: *столъ*, *столовъ*. Нѣкоторыя имена и въ мужескомъ родѣ удержали это усѣченное окончаніе: *пять человѣкъ солдатъ*.

Теперь имѣемъ мы главныя черты трехъ склоненій. Замѣтимъ, что всѣ показанныя въ нихъ окончанія суть твердыя. Имена окончанія мягкаго, то есть, оканчивающіяся не на *ъ*, а на *ь*, не на *о*, а на *е*, не на *а*, а на *я*, имѣютъ и въ прочихъ падежахъ соотвѣтствующее окончаніе. Возьмемъ въ примѣръ такое окончаніе перваго, или мужескаго склоненія:

И	*ъ*	*й* (*ь*)
Р.	*а*	*я*
Д	*у*	*ю*
Т.	*омъ*	*емъ*
П	*ѣ*	*ѣ*
И.	*ы*	*и*
Р.	*овъ*	*евъ* (*ей*)

Здѣсь видимъ то же самое сходство, которое найдено нами при изложеніи свойства и сліянія буквъ: *й* и *ь* соотвѣтствуютъ буквѣ *ъ*, *я* буквѣ *а*, *ю* буквѣ *у*, *е* буквѣ *о*; *ѣ* остается общею. Во множественномъ числѣ, кончащіяся на *ь* имѣютъ *ей*, на *й*, принимаютъ окончаніе *евъ*. Въ среднемъ находимъ то же самое. Въ женскомъ подобная соотвѣт-

ственность: твердая буква замѣняется соотвѣтствующею ей мягкою, во всѣхъ отношеніяхъ. И здѣсь *ѣ* замѣняетъ оба окончанія. Эта буква, какъ уже было упомянуто, послѣ *і*, превращается въ *и*. Должно писать: въ *геніи*, въ *селеніи*, на *линіи*, а не въ *геніѣ*, въ *селеніѣ*, на *линіѣ*. Если предпослѣдняя *і* превращается въ *ь*, то *ѣ* опять появляется: *въ семьѣ*, *на скамьѣ*. Всѣ недоумѣнія, какія только могутъ встрѣтиться при употребленіи таблицы склоненій*, разрѣшаются правилами о сочетаніи и замѣнѣ буквъ. Замѣтимъ еще, что народъ, для различенія сходныхъ падежей родительныхъ женскаго и средняго родовъ въ единственномъ числѣ, и именительныхъ въ множественномъ числѣ, употребляетъ ударенія. *вино*, *вина*, и *вина*; *поле*, *поля* и *поля*; *душа*, *души* и *души*. Въ третьемъ склоненіи, женскаго рода, есть еще одно окончаніе на *ь*, мягкое, соотвѣтствующее, но не во всемъ, мягкому окончанію на *я*. Въ среднемъ родѣ склоняются особеннымъ образомъ имена, кончащіяся на *мя*. Мы не упоминаемъ о падежахъ дательномъ и прочихъ, множественнаго числа, потому что они не имѣютъ ни какого исключенія, раздѣляясь только на два окончанія, твердое и мягкое: *домамъ*, *сараямъ*; *селамъ*, *полямъ*; *головамъ*, *шеямъ*.

Не станемъ исчислять мелкихъ уклоненій, введенныхъ временемъ и мѣстнымъ употребленіемъ.

---

* См. стр. 9 моихъ *Начальныхъ Правилъ Русской Грамматики.*

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя особенности нашей Грамматики, свидѣтельствующія о томъ, съ какимъ нѣжнымъ и вѣрнымъ чувствомъ народъ оттѣняетъ въ словахъ малѣйшія измѣненія смысла и значенія. Есть имена, которыя во множественномъ числѣ выражаютъ собирательно наборъ, совокупленіе совершенно одинаковыхъ предметовъ, составляющихъ одно цѣлое. для этого придумано особое окончаніе, на *ья*: напримѣръ: *колья, сучья, звенья, лоскутья, перья, поводья, полозья*. Если слово употребляется въ томъ и другомъ смыслѣ, окончаніе бываетъ двоякое: *листы бумаги*, и *листья на деревѣ; зубы* во рту, и *зубья*, зубцы; *крюки, крючья; камни, каменья; угли, уголья. Колѣни* значитъ часть тѣла; *колѣна*, поколѣнія, напримѣръ: *двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ; колѣнья* — звенья. *Мужи* значитъ *мужчины; мужья* — супруги. *Сыновья* — дѣти мужескаго пола; *сыны* то же въ переносномъ смыслѣ; напримѣръ: *сыны отечества*. Изъ этого видно, какъ странно и нелѣпо было перевесть заглавіе извѣстной драмы, les enfans d'Edouard: *сыны Эдуарда!* Такъ же различаются *хлѣбы* и *хлѣба*, *образы* и *образа: цвѣты*, и *цвѣта*. Еще должно замѣтить уклоняющееся окончаніе нѣкоторыхъ словъ, на *ь* мужескаго и женскаго родовъ: они имѣютъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа не *ей*, а *ь*; напримѣръ: восемь *саженъ*; сложныя: *пятьдесятъ, семьдесятъ;* встарину говорили не пять *дней*, а пять *день*.

Г. Востоковъ утверждаетъ, что всѣ имена, кон-

чащіяся на *ня* съ предъидущею согласною, напримѣръ: *вечерня*, *пѣсня*, *башня*, имѣютъ въ род. падежѣ множ. числа ь, а не ъ. Мнѣ кажется, что это несправедливо: ссылаюсь на слово *деревня*, *деревень:* здѣсь слышенъ чистый ѣрикъ. — Также не соглашаюсь съ нимъ въ томъ, будто *свекровь* склоняется какъ *церковь*. Нѣтъ! *церквами*, и *свекровями*.

Отличительное качество русскихъ склоненій состоитъ въ томъ, что въ винительномъ падежѣ единственаго числа именъ мужескаго рода и во всѣхъ родахъ множественнаго числа различаются имена предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ: первыя сходны съ родительнымъ, послѣднія съ именительнымъ падежемъ; *я вижу вола*, и *я вижу домъ*; *ты любишь птицъ*, *а я люблю картины*. Въ этомъ случаѣ считаются одушевленными всякіе дѣятели, напримѣръ: *помножить числителя на знаменителя*; *найти общаго дѣлителя*; *я видѣлъ древній Кіевъ, свидѣтеля великихъ событій*. Г. Востоковъ справедливо замѣтилъ, что *идолъ* употребляется, какъ имя предмета одушевленнаго, (сокрушить *идола*, *идоловъ*), а *кумиръ* и *истуканъ*, какъ неодушевленные: *разбить кумиръ*. У Дмитріева:

Оселъ, какъ скотъ простой,
Глядитъ на *истуканъ пустой*,
И лижетъ позолоту.

Замѣтимъ еще, что и другія названія изображеній одушевленныхъ предметовъ употребляются, какъ имена неодушевленныхъ, напримѣръ: «кавалергарды имѣютъ на штандартахъ *орлы*, а не

орловъ.» Но въ единственномъ числѣ этому не слѣдуютъ: *«ему дали въ гербъ орла.»* Пушкинъ говоритъ, въ одной своей повѣсти: «я рѣшился сдѣлать изъ бумаги *змѣй*, а не *змѣя.*» Еще одно: какъ употреблять слово *лице*, въ означеніи особы, человѣка? Въ единственномъ числѣ разумѣется, какъ имя средняго рода: «мы уважаемъ *это лице*,» а во множественномъ: «мы пригласили *многія лица* или *многихъ лицъ?»* Я думаю, должно говорить: *многія лица.*

Ограничиваюсь сими замѣчаніями о склоненіяхъ. Я показалъ главныя ихъ основанія и различія; показалъ, какъ твердо и неуклонно Русскій Языкъ слѣдуетъ основнымъ, можно сказать, физіологическимъ законамъ въ измѣненіи и совокупленіи буквъ, и какъ онъ сими наружными признаками проявляетъ оттѣнки своей мысли. Сверхъ того исчислилъ я и постарался объяснить нѣкоторые спорные пункты, въ которыхъ наши грамматики не согласны. Всѣ прочія подробности опускаю, совѣтуя ищущимъ полнаго наставленія обратиться къ книгамъ, изданнымъ Г. Востоковымъ и мною.

II.

Предположивъ разсмотрѣть произведенія Русскаго Языка въ частности, должны мы начать съ старшихъ въ языкѣ твореній, и въ семъ случаѣ, какъ неоднократно упоминали, первая представляется намъ поэзія, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ предшествовавшая прозѣ. А какой родъ поэзіи раждается ранѣе прочихъ? Безъ сомнѣнія

лирическій, то есть выраженіе мыслей и чувствованій поэта, проявляющееся пѣніемъ, и сопровождаемое иногда пляскою и инструментальною музыкою.

На всей обитаемой людьми землѣ, во всѣ времена, на всѣхъ языкахъ, говоритъ одинъ новый писатель, вопль радости или печали проявляется пѣніемъ. Самыя дикія племена, и самыя просвѣщенныя націи любятъ и ненавидятъ, возсылаютъ молитвы и ограждаются отъ враждебныхъ силъ, страждутъ и приходятъ въ изступленіе — и все это выражается *пѣніемъ*. Народное пѣніе современно міру, и съ нимъ будетъ жить вѣчно. Звѣроловъ въ глуши лѣсной, рыбакъ въ челнокѣ своемъ, воинъ въ сѣчѣ, мать у колыбели младенца, сынъ на могилѣ отца, юная дѣва, разлученная съ другомъ сердца, гости на брачномъ пиру, мечтатель въ уединеніи или подъ звѣзднымъ покровомъ ночи — всѣ передаютъ звуками движенія своей души. Пѣніе есть жизнь. Народъ поетъ, силясь выйти изъ единообразія и прозы вседневной жизни; онъ поетъ, какъ вѣетъ вѣтеръ, какъ журчитъ ручей, отъ вліянія могущественной, таинственной силы. И поэтъ временъ просвѣщенныхъ, въ минуты истиннаго восторга, вѣщая правду, передаетъ намъ только отголоски сихъ первоначальныхъ пѣсенъ; онъ прислушивается къ звукамъ природы, и только сообщаетъ имъ искусственныя формы.

Вездѣ, вездѣ раздаются пѣсни народныя. Христіанскіе миссіонеры слышали умилительное пѣ-

ніе Гренландца, оплакивающаго, въ льдистой хижинѣ своей, кончину родителей; мореходцы, касаясь разсѣянныхъ острововъ Южнаго Океана, въ благоуханіи тропическихъ цвѣтовъ слышали заунывныя мелодіи, предшествующія кровавымъ пиршествамъ дикарей; на морѣ и на сушѣ, съ высоты угрюмыхъ скалъ, на необозримомъ раскатѣ степей, въ градахъ и весяхъ, раздаются голоса народа кроткіе и жалобные, свирѣпые и грубые: это неизмѣримый концертъ, разыгрываемый повсюду, это тема съ безчисленными варіаціями. Вотъ какъ полудикій Буритъ выражаетъ отчаяніе любви:

На даурскихъ степяхъ
Есть чудесный цвѣтокъ.
Онъ не красенъ вѣнкомъ,
Не душистъ лепесткомъ,
Блѣдный, вялый листокъ —
Смотритъ дикой травой,
Но цвѣтокъ дорогой.
И верблюдъ и коза
Прочь бегутъ отъ него;
Ни пчела, ни оса
Не пьютъ меду его.
Не казистъ, не высокъ,
Онъ всегда одинокъ,
Но чудесенъ цвѣтокъ —
Ядовитъ его сокъ.
О, не прячься въ траву!
Я тебя не сорву:
Берегу я тебя
Для завѣтнаго дня.

Когда бѣлую грудь
Обовьетъ и сожметъ,
Какъ стекло разобьетъ
Безотрадная грусть,
Иль святыню мою,
Что въ душѣ я таю,
Кто отниметъ, возьметъ:
Тогда, въ горѣ нѣмомъ,
И безъ слезъ на глазахъ,
Я прійду за тобой
Потаенной тропой!
Ты разлейся огнемъ
Въ бѣдномъ тѣлѣ моемъ,
И сожги его въ прахъ,
Мой цвѣтокъ дорогой *!

Гердеръ, въ прекрасной своей книгѣ: *Голоса народовъ* (die Stimmen der Völker), распредѣлилъ народныя пѣсни по географическимъ предѣламъ земель Европы. Онъ передалъ намъ раздающуюся среди снѣговъ любовную пѣснь Лопаря, громкіе клики, которыми онъ побуждаетъ къ бѣгу быстроногаго оленя; потомъ сообщилъ застольныя пѣсни поселянъ Эстляндіи; баллады литовскія, въ которыхъ воспѣвается рыцарь, скачущій по чернымъ болотамъ и зеленымъ кустарникамъ; въ которыхъ юная дѣва выражаетъ боязнь свою при вступленіи въ бракъ; наконецъ удивительную морлацкую пѣсню о женѣ Асанъ-Аги. Такимъ образомъ представилъ онъ пѣсни греческія, римскія,

* См. *Сынъ Отечества* 1839. Пѣсня эта переведена на русскій языкъ Г. Царинымъ.

сицилійскія, италіянскія, испанскія, французскія, англійскія и шотландскія, и наконецъ нѣмецкія. Гёте воспользовался поэзіею и преданіями народовъ, въ прекрасныхъ своихъ балладахъ. Въ новѣйшія времена Пушкинъ передалъ намъ прекрасными стихами пѣсни морлацкія, но это не оригинальное произведеніе южныхъ нашихъ братій, а замысловатая и удачная мистификація умнаго французскаго писателя, Проспера Мериме, который ввелъ въ заблужденіе многихъ знатоковъ Славянской Поэзіи, и потомъ откровенно признался въ своей шалости. И Пушкинъ объявилъ о томъ въ предисловіи.

Общій характеръ народныхъ пѣсень заключается въ простодушномъ изліяніи сердечныхъ чувствъ, выраженномъ съ жаромъ, отрывисто, какъ бы скочками. Переходы отъ одной мысли къ другой обыкновенно очень круты, безотчетны; пѣвецъ предполагаетъ въ слушателяхъ своихъ привычную догадку. Иногда смыслъ рѣчей совершенно заглушается мелодіею. Это особенно слышно въ пѣсняхъ странъ полуденныхъ. Тамъ слухъ важнѣе смысла. Это видимъ въ испанскомъ болеро, въ пѣсняхъ Сициліи и Калабріи, въ неаполитанской тарантеллѣ. На Сѣверѣ представляется намъ иное: тамъ въ пѣсняхъ сохраняются воспоминанія и преданія народовъ. Таковы саги Исландіи и Норвегіи; таковы баллады Британніи, живыя преданія, исторіи въ лицахъ; изъ этого рудника Вальтеръ-Скоттъ извлекъ матеріялы для своихъ прекрасныхъ созданій. Но изъ всѣхъ историческихъ пѣсень Европы,

едва ли не первое мѣсто занимаютъ сербскія, отголоски чувствъ православнаго народа, томившагося цѣлые вѣки подъ игомъ невѣрныхъ. Въ пѣсняхъ Сербовъ, прославляющихъ геройскія времена древней свободы и грозныя бѣдствія, подвергшія народъ турецкому владычеству, являются начала эпопеи. Изъ соединенія такихъ отрывковъ составились нѣкогда Иліада и Нибелунги. Сербы поютъ при звукахъ гитары, называемой у нихъ гуслями. Пѣсни ихъ раздаются съ вершини горъ, откуда пастухъ ведетъ стада свои: онѣ оглашаютъ и плодоносную равнину, и тучныя пажити, и тѣнистые лѣса. Въ Сербіи поетъ и сребровласый старецъ, и цвѣтущая, рѣзвая дѣва, и молодая жена, и храбрый юнакъ, прицѣливающійся изъ за скалы во врага своего, Турка. Эта жизнь удальцовъ, ревнителей отечества и независимости, выражается сильно и рѣзко пѣснями греческихъ клефтовъ, прекрасно переданными намъ незабвенными Гнѣдичемъ:

«Заспорили горы Олимпъ и Киссавъ,
И первый за саблю, за ружья другой.
Олимпъ обернулся, къ Кисаву шумитъ.
Молчи, пресмыкайся во прахѣ, Киссавъ,
Не разъ оскверненный злодѣя ногой!
Я славенъ въ подлунной, Олимпъ я сѣдой!
Высокъ я, на мнѣ сорокъ двѣ головы;
Я шуменъ, струю шестьдесятъ два ключа.
Гдѣ ключъ лишь, тутъ знамя; гдѣ дерево, клефтъ.
Сидитъ у меня на вершинѣ орелъ.
Въ когтяхъ у орла голова храбреца.
Клюетъ онъ ее и расправиваетъ:

Что сдѣлала ты, удалая глава?
За что, какъ у грѣшника, срублена съ плечъ?
Съѣдай мою молодость, птица орелъ!
Съѣдай мою храбрость; твои подростутъ
И крылья на локоть и когти на пядь.
Я клефтъ на Олимпѣ двѣнадцать годовъ;
Сто агъ истребилъ я, сто селъ ихъ сожегъ.
А Турокъ, Албанцевъ, положенныхъ мной,
Ихъ множество, птица, и счету имъ нѣтъ.
Но жребій пришелъ мой—легъ въ битвѣ и л.»

Достойно замѣчанія, что во Франціи очень мало пѣсень стародавнихъ, безъименныхъ, явившихся невѣдомо откуда. Онѣ встрѣчаются только въ гористыхъ странахъ, между звѣроловами, и болѣе всего находятся у Басковъ въ ущеліяхъ пиренейскихъ. Вообще въ горахъ укрываются и передаются въ потомство многія народныя пѣсни. Въ Швейцаріи раздаются оригинальные, мелодическіе напѣвы, въ которыхъ живутъ преданія старины. Тирольцы, въ теченіе столѣтій, сохранили свои неподдѣльныя пѣсни. Германія, страна мечтаній и поэзіи, особенно богата народными пѣснями: во всякомъ званіи, во всякомъ ремеслѣ есть собственныя свои пѣснопѣнія; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились прекрасные остатки древняго нѣмецкаго нарѣчія. Въ верховьяхъ Рейна, живетъ донынѣ аллеманскій языкъ въ многочисленныхъ балладахъ, въ пѣсняхъ заунывныхъ и веселыхъ. Въ наше время одинъ поэтъ, Гебель, съ удивительнымъ талантомъ и успѣхомъ обработалъ эту золотую руду. Пѣсни его, въ свою очередь, сдѣлались народными.

У насъ, на Руси, народная лирическая поэзія и народная музыка развилась во всей своей красѣ. Мелодіи нашихъ пѣсень, оригинальныя и выразительныя, восхитили величайшаго композитора нашего времени, Россини. русскіе цвѣты вплетены имъ въ вѣнокъ, которымъ украсилось геніяльное чело его; нашъ маковъ цвѣтъ красуется въ немъ посреди пушистыхъ цвѣтовъ роскошной Италіи.

Слова русскихъ пѣсень достойны еще бо́льшаго вниманія. Въ нихъ вылилась вся собственная жизнь Русскихъ, съ ея общими въ человѣчествѣ радостями и страданіями, съ ея частными, особенными повѣрьями, обрядами, судьбами народа и Земли Русской; въ нихъ изобразился и характеръ Русскихъ, веселый и привѣтливый, подчасъ унылый и задумчивый, будто простодушная ихъ замысловатость и молодецкое удальство.

Когда сочинены русскія пѣсни, въ точности сказать не можемъ. По мнѣнію Карамзина, выраженному въ его Исторіи, самыя древнія сочинены во время татарскаго владычества. «Вѣроятно, говоритъ онъ, что нѣкоторыя наши народныя пѣсни, въ особенности историческія, о благословенныхъ временахъ Владиміра Сватаго, были сочинены въ вѣки нашего рабства государственнаго, когда воображеніе, унывая подъ игомъ невѣрныхъ, любило ободряться воспоминаніемъ прошедшей славы отечества.» Другія, историческія же, современны Царю Ивану Васильевичу Грозному, междоцарствію, Царямъ Михаилу Ѳедоровичу и Алексѣю Михайловичу; наконецъ Петру Великому. Съ сего

времени, по вступленіи грамоты въ свои права, умолкаютъ историческія народныя пѣсни, и смѣняются солдатскими. — Пѣсни обрядныя, святочныя, хороводныя, и т. п. ведутся изстари: въ нихъ есть даже признаки язычества, но это одни воспоминанія словъ, одни звуки, напримѣръ: *ой Дидъ, Ладо*, которые народъ повторяетъ, не присоединяя къ нимъ ни какой мысли. То же должно разумѣть и о колядованіи, о праздникѣ Аграфены Купальницы, и проч. Все это старина, но старина, совершенно измѣненная временемъ. Осталось имя собственное, какъ у старинной фамиліи, но потомки ея уже не тѣ бояре, которые сидѣли въ думѣ Царя Михаила Ѳедоровича. Карамзинъ, въ изустной бесѣдѣ, сказалъ однажды, что считаетъ одною изъ самыхъ древнихъ пѣсень слѣдующую:

Ивушка, ивушка зеленая моя!
Что же ты, ивушка, не весело стоишь?
Или тя, ивушку, солнышкомъ печетъ,
Солнышкомъ печетъ, частымъ дождичкомъ сѣчетъ,
Подъ корешокъ ключева вода течетъ?
Ѣхали бояре изъ Новагорода,
Срубили ивушку подъ самый корешокъ,
Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку.
Сѣли они въ лодочку, поѣхали домой,
Взяли, подхватили красну дѣвицу съ собой.

Пѣсни удалыя сочинены во время волжскихъ разбоевъ, и сохранились между нынѣшними бурлаками. — Пѣсни собственно-лирическія, въ которыхъ нѣтъ воспоминаній о былыхъ временахъ,

ни разсказовъ, ничего мѣстнаго и временнаго, въ которыхъ изображаются радости и страданія сердца, унылые разлуки, печаль одиночества, тоска по невѣрной — сочинены въ разныя времена, но, сколько мы можемъ догадываться, были поновляемы въ теченіе времени, и сближаемы съ господствующимъ нарѣчіемъ. Эти поновленія и мнимыя поправки грамотѣевъ стерли со многихъ пѣсенъ первоначальный ихъ характеръ, измѣнили выраженія, исказили ничѣмъ не замѣнимую природную ихъ простоту. Безграмотные издатели и, что еще хуже, плохіе стихоплеты, занимавшіеся печатаніемъ народныхъ пѣсенъ, довершили это обезображеніе. Простота казалась имъ грубостью, нѣжность простотою: они хотѣли украсить ихъ, и испортили навѣкъ. Того и смотри, что въ Параниво окошко влѣзетъ субъективный индивидуумъ съ объективнымъ моментомъ! Въ истекшемъ году изданы Пѣсни Русскаго Народа Г. Сахаровымъ, искреннимъ любителемъ и тщательнымъ собирателемъ отечественной старины: это собраніе лучше всѣхъ донынѣ бывшихъ, но еще далеко не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ.

По мѣсту сочиненія и нарѣчіямъ, пѣсни наши раздѣляются на великороссійскія и малороссійскія, и имѣютъ сродство съ галиційскими и другими славянскими. Малороссійскія еще нѣжнѣе нашихъ заунывныхъ, и богаты восхитительными мелодіями. И собственныя русскія пѣсни разнятся по мѣстамъ и нарѣчіямъ ихъ, какъ словами, такъ и напѣвомъ: въ сѣверныхъ областяхъ Россіи онѣ

поются гораздо скорѣе и отрывистѣе нежели въ среднихъ. Г. Сахаровъ сообщаетъ намъ пѣсни московскія, псковскія, тульскія, казанскія. Жаль, что онъ не коснулся ярославскихъ: тамъ, по нашему мнѣнію, должно быть средоточіе народной поэзіи и музыки. Любопытно, при соединеніи разноплеменныхъ русскихъ людей въ какой либо общей работѣ, видѣть характеры областные, соединенные съ отправленіемъ особаго ремесла. Неопрятные Зыряне, занимающіеся малярною работою, дѣятельны, постоянны, но притомъ угрюмы и молчаливы: у нихъ нѣтъ пѣсень; буйное веселіе ихъ, въ праздничные дни, рѣдко оканчивается миромъ. Плотники, Галичане, Костромской Губерніи, опрятны какъ чистая ихъ работа, исправны, честны и кротки. Лучшая изъ строительныхъ работъ у насъ плотничная (ссылаюсь на свидѣтельство архитекторовъ), а пѣсни ихъ простыя, бѣдныя словами и мелодіей. Ярославцы-печники большіе краснобаи, умны, остры, но работа ихъ бо̀льшею частію плохая и поспѣшная: свидѣтельствуютъ въ томъ почти всѣ петербургскія печи. За то поютъ они лучше всѣхъ прочихъ нашихъ простолюдиновъ: слова ихъ пѣсень оригинальны и неподдѣльны; голоса выразительны и пріятны. Новое доказательство мнѣнія многихъ, что поэты, т. е. пѣвцы, рѣдко бываютъ хорошіе дѣльцы!

Размѣръ, т. е. стихосложеніе русскихъ пѣсень, изслѣдованъ и изложенъ очень хорошо и удовлетворительно А. Х. Востоковымъ. Стихи ихъ основаны на удареніяхъ, но не на удареніяхъ грамма-

тическихъ отдѣльнаго слова, выражающихся стопами, а на удареніяхъ риторическихъ. Извѣстно, что кромѣ ударенія въ каждомъ отдѣльномъ словѣ, о которомъ мы упоминали въ предшествовавшемъ чтеніи, есть еще удареніе надъ однимъ изъ словъ цѣлой фразы, т. е. надъ главнымъ по смыслу его словомъ; напримѣръ: *гдѣ* ты былъ? гдѣ *ты* былъ? гдѣ ты *былъ*? На этихъ удареніяхъ основано строеніе стиховъ въ русскихъ пѣсняхъ, т. е. каждый стихъ имѣетъ по одному, по два и по три ударенія, которымъ подчиняются всѣ прочіе слоги. Слоговъ безъ ударенія бываетъ при слогѣ съ удареніемъ обыкновенно по три и по четыре, иногда и до шести. Вотъ примѣры:

Въ одно удареніе:

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
Зачѣмъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Долго спать не даешь?

Въ два ударенія:

Ахъ, вы вѣтры, вѣтры буйные!
Вы буйные вѣтры осенніе!
Понеситесь вы въ ту сторону,
Въ ту сторону во восточную.
Отнесите вы къ другу вѣсточку
Что нерадостную вѣсть, печальную.

Въ три ударенія:

Не вечерняя заря, братцы притухала,
Полуночная звѣзда, братцы восходила.

Что во славномъ городѣ было Казани,
Что на крутенькомъ на красномъ бережечкѣ,
Что на желтомъ, на сыпучемъ на песочкѣ.

Послѣдняго рода стихи, то есть въ три ударенія, принадлежатъ уже къ сказочнымъ.

Изъ наблюденія этихъ просодическихъ періодовъ, или тактовъ, видно, что въ русскихъ пѣсняхъ, музыка предшествовала словамъ: поэты соображали свой стихъ съ требованіемъ мелодіи, позволяя себѣ сокращать слова, напримѣръ:

Ужъ вы только породили круты, горы,
Бѣлъ горючь камень, великъ добръ.

или растягивая ихъ:

Съ милымъ дружкомъ, со сердечныимъ.

Иногда вставляли, для соблюденія мѣры, цѣлыя слова, или повторяли ихъ:

Изъ Кремля, Кремля, крѣпка города,
Отъ дворца, дворца государева
Что до самой ли Красной Площади.

Рифма въ этихъ стихахъ не употребительна; она встрѣчается, но только случайно, обыкновенно въ началѣ пѣсни. Гораздо болѣе въ нихъ ассонансовъ, то есть созвучій гласныхъ буквъ, въ словахъ начальныхъ или окончательныхъ.

Какой *языкъ* господствуетъ въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ? Чистый русскій, измѣняющійся по областнымъ нарѣчіямъ. Многія прекрасныя, выразительныя слова пропали бы въ языкѣ, если бъ не сохранились въ народныхъ пѣсняхъ. И чѣмъ старѣе пѣсня, тѣмъ языкъ выразительнѣе и

оригинальнѣе. Въ новыхъ встрѣчаются уже иностранныя слова, (напримѣръ *бравенькій*); впрочемъ, можетъ быть, что они вставлены въ позднѣйшія времена. Слога собственнаго въ нихъ нѣтъ: слова ложатся въ стихѣ по требованію мелодіи, но во всѣхъ вѣетъ свѣжимъ русскимъ духомъ.

Кто сочинялъ эти пѣсни? Наши простолюдины, поселяне, ямщики, бурлаки, солдаты, казаки — можетъ быть, и молодицы и красныя дѣвицы. Сначала возникало въ глубинѣ души темное чувство унынія, и выливалось безотчетною мелодіею; потомъ возникали въ ней мысли, и ложились словами. Или, въ опумленіи чувствъ весельемъ и виномъ, въ быстрой пляскѣ, отрывистыя слова улаживались подъ стукъ скорыхъ шаговъ и живаго припѣва. Или же, въ тихомъ хороводѣ, смышленые парни и вострухи-пѣвицы складывали пѣсню, кто во что гораздъ, и распѣвали ее со смѣхомъ и весельемъ. Тысячи пѣсень возникали, можетъ быть, такимъ образомъ, и терялись въ теченіе времени, не вышедъ изъ-за предѣловъ села или посада. Нѣкоторыя, по внутреннему ли сочувствію съ общимъ требованіемъ или по счастливому случаю, укоренились и распространились по всей Руси.

Говорить ли о внутреннемъ поэтическомъ достоинствѣ русскихъ пѣсень? Оно всѣмъ извѣстно. Пѣсни наши изобилуютъ сильными выраженіями, близкими къ природѣ картинами, разительными сравненіями, *бо́льшею* частію отрицательными, и смѣлыми поэтическими фигурами. Напримѣръ, таково олицетвореніе рѣки:

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала, пролегала мать Камышенка рѣка;
Какъ съ собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга.

Многія изобилуютъ разительными сатирическими чертами и оригинальною замысловатостью. Но всего драгоцѣннѣе въ нашихъ пѣсняхъ сильное, глубокое и простое изображеніе нѣжнѣйшихъ чувствъ человѣческаго сердца. Въ числѣ русскихъ заунывныхъ, или семейныхъ пѣсенъ есть прекраснѣйшія элегіи, какія рѣдко удаются и записнымъ стихотворцамъ. Напримѣръ, слѣдующая:

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчу воска ярого;
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ! прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ,
И разсѣялъ ихъ по чисту полю!
Соизволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родная матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ.
Не горятъ въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтятъ въ небѣ по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною.» —
Залилась слезами красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:

Ахъ, ты, милый мой, ненаглядный мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ,
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ;
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!» —
Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго.
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица!

Свѣтскія нѣжныя пѣсни и романсы измѣняются теченіемъ времени, съ улучшеніемъ языка, преобразованіемъ нравовъ и обычаевъ. За сто лѣтъ предъ симъ была въ модѣ пѣсня: *Толь награда за вѣрную мою любовь!* У ногъ бабушекъ нашихъ распудренные петиметры взывали:

Позволь себѣ открыться
Объ участи своей:
Я долженъ покориться
Владычицѣ моей!

Лѣтъ за сорокъ предъ симъ, покинутая красавица распѣвала:

Звукъ унылый фортепьяна,
Выражай тоску мою!

Теперь — загляните въ любой музыкальный альбомъ: тамъ найдете нынѣшнюю форму сердечныхъ докладовъ. И она смѣнится другою, и она будетъ въ свое время приторною и даже смѣшною, а русская заунывная пѣсня, восхищавшая дѣдовъ нашихъ, будетъ составлять и утѣшеніе внуковъ. Такъ русская круглолицая красавица, въ

лентѣ и сарафанѣ, красуется съ недовѣдомыхъ временъ, а столичныя и городскія моды идутъ чередой своей, и исчезаютъ въ вихрѣ шумной свѣтской жизни. Такъ простодушный пѣвецъ, изливая невольно полноту своего сердца, говоритъ, самъ того не зная, съ пѣвцомъ Моины:

Меня переживутъ мои сердечны чувства!

Многіе наши свѣтскіе писатели подражали стариннымъ пѣснямъ, съ бо́льшимъ или мѐньшимъ успѣхомъ. Лучшими изъ искусственныхъ народныхъ пѣсенъ считаются сочиненныя Барономъ Дельвигомъ. Въ числѣ ихъ дѣйствительно есть удачные парафразы народной поэзіи, но намъ гораздо болѣе нравятся пѣсни неизвѣстнаго публикѣ поэта Цыганова, умершаго за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ Москвѣ: онъ не подражалъ народнымъ пѣвцамъ нашимъ, а самъ былъ пѣвецъ народный.

Вотъ одна изъ его пѣсенъ:

Лежитъ въ полѣ дороженька —
Полегаетъ,
И ельничкомъ, березничкомъ
Зарастаетъ...
Не змѣйкою — кустарничкомъ
Она вьется;
Не рѣченькой — желтымъ пескомъ —
Она льется;
Не торною — не гладкою,
Не убитой,
Лежитъ тропой заброшенной,
Позабытой...
Въ концѣ пути дороженьки,
Горючъ камень,

На камешкѣ сердечушко,
Въ сердцѣ пламень!
По всѣмъ угламъ у камешка
Растутъ ели,
По всѣмъ угламъ на елочкахъ
Пташки сѣли...
И жалобно пернаточки
Распѣваютъ:
«Вотъ такъ-то спятъ въ сырой землѣ,
Почиваютъ
Безродные, бездольные —
На чужбинѣ!
Никто по нихъ не плачется,
Не въ кручинѣ!
Ни мать, ни отецъ надъ камешкомъ
Не рыдаютъ...
Ни друга здѣсь, ни брата здѣсь
Не видаютъ!
Лишь разъ сюда красавица
Приходила —
Здѣсь ельничку, березничку
Насадила...
Поплакала надъ камешкомъ,
Порыдала...
Намъ жалобно пѣть день и ночь
Приказала:
А кто она? гдѣ дѣлася?
Не сказала!»

Лирическая поэзія Русскаго Народа ждетъ изыскателей и дѣлателей. Тысячи прекраснѣйшихъ мелодій, тысячи выразительныхъ поэмъ таятся въ невѣдомыхъ уголкахъ нашего отечества, какъ цвѣты благоуханные.

Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Желательно, чтобъ примѣръ Г. Сахарова побудилъ и другихъ любителей русской старины и русскаго быта къ открытію нашихъ народныхъ сокровищъ, къ предъявленію ихъ на свѣтъ. Не передѣлывать должны мы нашу народную поэзію, не подражать ей, а сохранять ее и пользоваться ею. Посмотримъ, какъ удачно воспользовался Пушкинъ одною удалою пѣснею, въ неподражаемой повѣсти своей: Капитанская Дочка, описывая притонъ Пугачева:

«Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человѣкъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожами и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. «А, ваше благородіе!» сказалъ Пугачевъ, увидя меня. «Добро пожаловать. честь и мѣсто, милости просимъ!» Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простаго вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ, на первомъ мѣстѣ, сидѣлъ, облокотясь на столъ, и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѳеичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою, какъ товарищи, и не оказывали

ни какого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія, и свободно оспаривалъ Пугачева. И на семъ-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было итти къ Оренбургу: движеніе дерзкое, и которое чуть-было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. «Ну, братцы,» сказалъ Пугачевъ: «затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсеньку. Чумаковъ! начинай!» Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати.
Что заутра мнѣ доброму молодцу въ допросъ итти,
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ Государь-Царь меня спрашивать.
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много-ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа православный Царь,
Всю правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ, то тугой лукъ;
Что разсыльщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебѣ, дѣтинушка, пожалую

Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ — все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ.»

Болѣе всѣхъ могли бы почерпать изъ русскихъ пѣсень драматическіе писатели. Лѣтъ за семьдесятъ предъ симъ Аблесимовъ написалъ своего Мельника, и онъ донынѣ остался на сценѣ. Вмѣсто того, чтобъ передѣлывать, будто на русскіе нравы, пустые водевили парижскіе, которые и во Франціи живутъ не долѣе мѣсяца, займитесь жизнію, бытомъ, повѣрьями и вымыслами нашего народа. Вы найдете въ нихъ откликъ на всѣ темы. Я привелъ пѣсню заунывную, прочиталъ удалую, или разбойничью; теперь заключу свое Чтеніе пѣснею сатирическою, которая въ лицахъ представляется въ нашихъ хороводахъ:

Я малешенекъ у матушки родился,
Я глупёшенекъ у батюшки женился.
Привелъ себѣ жену молодую,
Словно грушу зеленую,
Словно яблочко налитое.
А жена-то молодчика не взлюбила,
Негодяемъ молодчика называла.
Какъ пошла жена молодая,
Какъ сама безъ меня загуляла,
Ровно десять денечковъ

Ко мнѣ мужу не бывала.
На десятый денечекъ
Ко мнѣ жена приходила,
Не дошедши остановилась,
Мнѣ, негодяю, поклонилась:
Ахъ, ты мужъ негодный!
Будешь ли кормить хлѣбомъ? —
Сударыня жена!
Буду кормить калачами. —
Будешь ли, негодный,
Меня поить квасомъ? —
Буду я поить сытой,
Сытой медовою. —
Будешь ли, негодный,
Пускать меня въ гости? —
Сударыня жена!
Ступай во всѣ!

ШЕСТОЕ ЧТЕНІЕ.

(12-го Января.)

I.

Въ предшествующемъ Чтеніи изложилъ я главныя черты свойствъ имени существительнаго. Теперь приступимъ къ словамъ опредѣлительнымъ имени существительнаго. Слѣдовало бы непосредственно за именемъ изложить теорію глагола, но гораздо удобнѣе будетъ пройти всѣ склоняемыя слова по порядку, а потомъ уже приступить къ прочимъ.

Имя опредѣляется словами *качественными*, которыми выражаются свойства существа, или неразлучныя съ нимъ или случайныя. Слова качественныя подчинены именамъ, опредѣляемымъ ими, и не могутъ существовать безъ именъ, слѣдственно суть слова второстепенныя. Случается, что имя прилагательное употребляется безъ существитель-

наго, но въ этомъ случаѣ послѣднее подразумѣвается: *гостиная* (комната), *холодное* (кушанье), *хмѣльное* (питье).

Слово качественныя вообще бываютъ двоякаго свойства: одни выражаютъ качество предмета всегдашнее, пребывающее въ немъ безъ движенія, безъ дѣйствія, напримѣръ величину, цвѣтъ, вкусъ: *большое* село, *зеленое* дерево, *горькая* трава; другія изображаютъ дѣйствіе, силу, движеніе вещества: село *цвѣтущее*, дерево *зеленѣющее*, трава *поблекшая*. Первыя суть *имена прилагательныя*; другія *причастія*; происходя отъ глаголовъ, послѣднія будутъ разсмотрѣны въ связи съ ними.

Имена прилагательныя бываютъ различныя. Во-первыхъ *качественныя*, которыми выражается качество предмета неотносительно, независимо отъ другихъ предметовъ; напримѣръ: *круглое* окно, *толстая* книга. Во-вторыхъ, *притяжательныя*, означающія, что одинъ предметъ принадлежитъ другому, отъ него зависитъ, происходитъ и т. д., напримѣръ: *соболій* мѣхъ, *отцевъ* домъ, *родительское* наставленіе, Иванъ *Петровъ* сынъ. Въ-третьихъ, обстоятельственныя, которыми выражается внѣшнее, случайное обстоятельство, относящееся къ предмету, напримѣръ: *вчерашній* день, *здѣшній* обычай; *весь* домъ. Относительныя и притяжательныя имена бываютъ: *личныя* (или частныя) происходящія отъ имени одного, опредѣленнаго лица: *царевъ* дворецъ, *женинъ* уборъ, *Ивановъ* кафтанъ; и *родовыя*, означающія отношеніе къ цѣлому роду, сословію, а не къ одному отдѣльному лицу; напри-

мѣръ: *царскія* палаты, *женскіе* уборы, *верблюжья* шерсть; *ивановскій* холстъ. Есть еще прилагательныя притяжательныя, производимыя отъ именъ предметовъ неодушевленныхъ: *золотой, дубовый*, и т. п. Всѣ эти подраздѣленія необходимы, потому что въ Русскомъ Языкѣ разнится по нимъ и образованіе и склоненіе прилагательныхъ.

Главное, отличительное свойство всякаго имени качественнаго есть *согласованіе* его съ существительнымъ, родъ брачнаго союза, въ которомъ имя существительное даетъ прилагательному родъ, число и падежъ, и подчиняетъ его склоненію. Другое свойство есть усѣченіе и наращеніе окончанія. Имя прилагательное неотносительное можетъ быть присоединено къ существительному двумя способами: во-первыхъ, непосредственно: *добрый сосѣдъ, вѣрная собака, плохое здоровье; сырыя дрова*; во-вторыхъ, въ видѣ сказуемаго, послѣ глагола быть: *сосѣдъ добръ, собака вѣрна, здоровье плохо, дрова сыры*. Г. Востоковъ называетъ послѣдній способъ присоединенія спряженіемъ, мнѣ кажется, безъ основанія: спряженіе есть измѣненіе части рѣчи, имѣющей наклоненія, времена и лица, а здѣсь ничего этого нѣтъ. Это усѣченіе свойственно исключительно Русскому Языку. По-французски говорятъ: le papier blanc, и le papier est blanc, la grande maison, и la maison est grande. Въ нѣмецкомъ есть усѣченіе, но въ немъ прилагательное превращается въ нарѣчіе, и уже не согласуется съ своимъ существительнымъ: der gute Vater; der Vater ist gut, die Mutter ist gut, das Kind ist gut;

die Kinder sind gut. Выгоды усѣченія, въ Русскомъ Языкѣ, состоятъ въ томъ, что оно даетъ возможность отметать глаголъ *быть* въ настоящемъ времени; напримѣръ: вмѣсто: *я есмь веселый*, говорятъ: *я веселъ;* вмѣсто: *они суть умные,* пишутъ: *они умны.*

Качество можетъ имѣть различныя степени: *бѣлое* вино, *бѣлая* бумага и *бѣлый* снѣгъ имѣютъ различныя степени бѣлизны. Эти качества могутъ быть неотносительныя и относительныя. Неотносительныя выражаютъ степень качества въ предметѣ безъ сравненія его съ другимъ предметомъ напримѣръ: *черное* сукно: *черноватое* сукно; *очень черное* сукно; сукно *чернехонько*. Неотносительныя степени качества выражаются или присовокупленіемъ нарѣчій *очень*, *весьма*, или превращеніемъ имени прилагательнаго въ уменьшительное и увеличительное. Въ этомъ случаѣ должно отличать имя прилагательное уменьшительное отъ привѣтственнаго. Первымъ дѣйствительно выражается недостатокъ, несовершенство качества, напримѣръ: *глуповатъ*. Послѣднимъ смягчается выраженіе, но отнюдь не уменьшается качество, напримѣръ: *глупенекъ*. Вотъ различіе между: *красноватый* платокъ, и *красненькій* платочекъ; между: *староватое* платье, и *старенькое* платьице; между: *синеватая* бумага, и *синенькая* бумажка. Разность сія опредѣлена Г. Востоковымъ. — Относительныя степени качества выражаются въ слѣдствіе сравненія предметовъ, напримѣръ: «слонъ *выше* верблюда; Нева *шире* Москвы; Волга есть *самая знаменитая* изъ

рѣкъ русскихъ.» Эти двѣ степени называются *сравнительною* и *превосходною:* въ первой отдаютъ предмету преимущество по сравненію его съ другимъ; во второй, ставятъ предметъ выше всѣхъ однородныхъ съ нимъ. Въ старинныхъ грамматикахъ нашихъ говорили, что сравнительная степень оканчивается на *ѣе* (*умнѣе*), а превосходная на *ѣйшій* (*умнѣйшій*). Это было неосновательно: это та же сравнительная степень, только въ полномъ окончаніи; напримѣръ: «въ другой губерніи есть степи еще *пустѣйшія*, des déserts plus arides, noch wüstere Steppen.» Правда, что это окончаніе употребляется вмѣсто превосходной степени; напримѣръ: «*величайшее* въ Европѣ озеро есть Ладожское,» но лучше было бы говорить: *самое большое*, или *самое обширное*. — Достойно замѣчанія, что усѣченная сравнительная степень употребляется у насъ какъ нарѣчіе, не измѣняясь въ родѣ и числѣ: «волкъ *сильнѣе* овцы; овца *сильнѣе* кошки; кошки *сильнѣе* крысъ.»

Образованіе именъ прилагательныхъ происходитъ по общимъ правиламъ, изложеннымъ нами при именахъ существительныхъ, а именно: они или происходятъ отъ главнаго корня съ присовокупленіемъ къ нему корня придаточнаго, напримѣръ: *бѣл-ый*, *бѣл-ая*, *син-ій*, *син-ее*, и тогда называются первообразными, или производятся отъ иныхъ частей рѣчи (*родительскій*, *безногій*, *вчерашній*), и тогда бываютъ производныя, или, наконецъ, составляются изъ первообразныхъ прилагательныхъ: *сѣренькій*, *сѣроватый*, втирообразныя.

Сложныя прилагательныя случаются рѣдко: они обыкновенно происходятъ отъ сложныхъ существительныхъ: *благоразумный* отъ *благоразуміе*, *мореходный* отъ *мореходъ*.

Придаточные корни именъ прилагательныхъ, такъ же какъ и существительныхъ, суть: 1) буквы, означающія родъ; 2) отличительныя буквы, предшествующія родовымъ, и 3) предъидущіе корни, или предлоги.

Родовыя окончанія суть:

	Полное окончаніе				Усѣченное оконч.	
Муж.	*ый*	*(ой)*	*ій*		ъ	ь
Средн.	*ое*		*ее*	*ье*	о	е
Женск.	*ая*		*яя*	*ья*	а	я
Множ.	*ые*,	*ыя*,	*іе*,	*ія*.	ы	и

Вы видите и здѣсь различіе и соотвѣтствіе гласныхъ твердыхъ и мягкихъ. Въ среднемъ и женскомъ родѣ есть еще окончаніе мягкое (*ье* и *ья*), предшествуемое полугласною.

Отличительные слоги и буквы ставятся предъ родовыми окончаніями, и выражаютъ разныя значенія прилагательныхъ. И здѣсь, напримѣръ, слоги *ок*, *ек*, или одна буква *к*, означаютъ уменьшеніе: *малый*, *маленькій*; *охонекъ*, увеличеніе: *сухохонекъ*; *овитый*, выражаетъ изобиліе: *ледовитый*, *плодовитый*. Замѣтимъ здѣсь, что у насъ иногда неправильно именуютъ фруктовыя деревья *плодовитыми*; надобно говорить. *плодовыя*, т. е. приносящія плодъ; *плодовитыя* значитъ именно изобильныя въ плодахъ: *плодовитое* лѣто, *плодовитый* писатель. Окончаніе *атый*, *итый* означаетъ какое либо ка-

чество: *горбатый*, *рогатый*, а *астый* и *истый*, изобиліе, величину этого качества: *носатый* и *носастый*, *губатый* и *губастый*; *гористый*, *лучистый*, имѣющій много горъ, издающій много лучей.

Нѣкоторыя имена прилагательныя происходятъ отъ причастій· перемѣняя окончаніе, въ настоящемъ времени, *щій* на *чій* (*горящій*, *горячій* и *горючій*; *кипящій*, *кипучій*; *лежащій*, *лежачій*) въ прошедшемъ времени на *лый* и *лой* (*гнившій*, *гнилой*; *вядшій*, *вялый*; *сидѣвшій*, *сидѣлый*). Въ страдательныхъ иногда теряется одна изъ двухъ буквъ *н*; напримѣръ: *ученный*, *ученый*; иногда оно остается въ первоначальномъ видѣ: *совершенный*, *почтенный*. При этомъ преобразованіи, причастіе теряетъ значеніе времени, и пріобрѣтаетъ способность выражать степени: *горячій*, *горячѣе*; *ученый*, *ученѣе*.

Притяжательныя личныя имѣютъ только усѣченное окончаніе: *овъ* и *ынъ* (*сыновъ*, *птицынъ*), *евъ* и *инъ* (*царевъ*, *женинъ*). Отъ именъ, кончащихся на *ъ* и *ь*, происходятъ *овъ* и *евъ* (*Иванъ*, *Ивановъ*, *король королевъ*); отъ кончащихся на *а* и *я*, *инъ* (*царевна царевнинъ*, *дядя*, *дядинъ*); отъ кончащихся на *ца*, *цынъ* (*горлица*, *горлицынъ*). Производство сихъ словъ бо́льшею частію правильное. Уклоненіе представляютъ слова: *мужнинъ* и *братнинъ*. Такимъ образомъ производятся и прозвища: *Орловъ*, *Лебедевъ*, *Палицынъ*, *Ильинъ*; имена городовъ, селъ и деревень: *Козловъ*, *Калязинъ*, *Бѣлевъ*, *Бородино*, *Тарутино*. Встарину эти притяжательныя оканчивались на *ь*, напримѣръ: *Ярославль*, *Василь*, *Янь*, наставникъ Нестора. Поэте-

17

му должно говорить и писать не Иванъ-городъ, а *Ивань-городъ*, то есть Ивановъ городъ.

Родовыя притяжательныя раздѣляются на два главные отдѣла: къ первому принадлежатъ происходящія отъ наименованій лицъ или вообще разумныхъ существъ: *крестьянскій*, *купеческій;* къ второму, производимыя отъ названій животныхъ: *птичій, говяжій, олеій.* Первыя преимущественно оканчиваются на *скій* и *цкій: русскій, нѣмецкій, андреевскій*, и въ этомъ случаѣ мы должны жаловаться на корректоровъ Театральной Типографіи, которые безжалостно искажаютъ наименованіе Александринскаго Театра, называя его *Александрынскимъ.* Имя Александра, переходя въ притяжательное личное, принимаетъ окончаніе *инъ: Александринъ*, такъ же какъ *Маріинъ, Екатерининъ, Аннинъ;* принимая значеніе общаго притяжательнаго, присоединяетъ къ тому окончаніе *скій: маріинскій, екатерининскій, аннинскій*; слѣдственно и *Александринскій.* Только (какъ сказано выше) имена, кончащіяся на *ца*, имѣютъ въ притяжательныхъ *цынъ* и *цынскій: голица, Голицынъ, голицынскій.*

Имена притяжательныя втораго рода, т. е. происходящія отъ частныхъ названій животныхъ, оканчиваются на *ій:* рыба, *рыбій;* корова, *коровій;* волкъ, *волчій;* медвѣдь, *медвѣжій;* птица, *птичій;* слонъ, *слоновій.* Достойно замѣчанія, что отъ слова *человѣкъ* производятся притяжательныя двояко: отъ имени животнаго, физическаго человѣка, по второму правилу, на *ій: человѣчій* глазъ, *человѣчья* голова; отъ имени существа разумнаго, по перво-

му: *человѣческій* умъ, *человѣческія* слабости. — Встарину нѣкоторыя наименованія людей принимали и второе окончаніе: *вражій*, *холопій*, *казачій*; нынѣ рѣшительно этого не бываетъ. Въ одной недавно изданной книгѣ, написанной впрочемъ очень умно и хорошо, говорится нѣсколько разъ, что Ломоносовъ былъ *рыбачій сынъ*! Нѣтъ! онъ былъ *сынъ рыбака*. Мы говоримъ: *собачій*, *кошачій*, *мышачій*, но не *рыбачій*. Слобода на берегу Невы, выше Петербурга, называется *Рыбацкою*, а не *Рыбачьею*.

Не стану утомлять васъ исчисленіемъ производства уменьшительныхъ и увеличительныхъ, образованія степеней сравненія и т. п., и перейду къ склоненіямъ именъ прилагательныхъ, сдѣлавъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Къ именамъ прилагательнымъ относятся нѣкоторыя имена числительныя и мѣстоименія.

Имена числительныя бываютъ или существительныя, имѣющія свой родъ и склоненіе: *сорокъ*, *сто*, *тысяча*, и неимѣющія рода: *четыре*, *пять*, *десять*, или прилагательныя, въ которыхъ означается родъ: *первый* полкъ, *вторая* рота. Сіи послѣднія числительныя суть не иное что, какъ имена прилагательныя обстоятельственныя, согласуются съ своимъ существительнымъ, и имѣютъ склоненіе, раздѣляющееся по родамъ.

Мѣстоименіе затрудняло многихъ теоретиковъ. Нѣкоторые отсылали его къ частицамъ рѣчи; другіе утверждали, что оно есть главная и преимущественная часть рѣчи, отъ которой происхо-

дятъ всѣ другія, и что первоначальнымъ словомъ человѣка было мѣстоименіе. Мы съ этимъ не согласны. Мѣстоименіе рождается въ языкѣ весьма поздно, уже по составленіи именъ и глаголовъ. Это мы видимъ въ языкѣ дѣтскомъ. Ребенокъ сначала называетъ самого себя по имени: *Саша*, *Ваня*, не понимая, что въ первомъ лицѣ должно говорить *я*. Мѣстоименія втораго и третьяго лица равномѣрно поступаютъ въ его языкъ уже по развитіи въ немъ понятія объ отношеніи сихъ лицъ къ тому, которое говоритъ. Мы полагаемъ, по мнѣнію одного умнаго нѣмецкаго писателя, что мѣстоименіе составляетъ переходъ отъ частей къ частицамъ рѣчи. Оно есть часть рѣчи, потому что выражаетъ предметъ и нѣкоторымъ образомъ его качество; оно есть частица рѣчи, потому что имъ означается отношеніе предмета къ дѣйствію. Сказавъ о комъ либо: *онъ*, я, во-первыхъ, выражаю предметъ моей рѣчи, а во-вторыхъ, показываю, что рѣчь идетъ о третьемъ лицѣ, между тѣмъ какъ, назвавъ его по имени, напримѣръ: *Василій*, ближе обозначаю предметъ, но не выражаю именно третьяго лица: оно можетъ быть и второе, къ которому относится рѣчь моя непосредственно.

Мѣстоименія, такъ же какъ и числительныя, бываютъ существительныя и прилагательныя: первыя, означая отдѣльное лице, не имѣютъ различія родовъ: *я*, *ты*, *себя*, *кто*, *что*. Послѣднія, присоединяясь къ существительному, принимаютъ его *родъ*, число и падежъ (*мой* домъ, *эта* доска, *то*

дѣло, *сіи ножницы)*, и суть точно прилагательныя обстоятельственныя. Нѣкоторые грамматики, по сей причинѣ, и не даютъ имъ названія мѣстоименій, называя ихъ прилагательными. Мы оставили за ними прежнее наименованіе мѣстоименій, потому что, по нѣкоторымъ ихъ качествамъ, должны отдѣлить ихъ отъ собственныхъ прилагательныхъ.

И такъ къ собственнымъ прилагательнымъ можно причислить имена числительныя и мѣстоименія прилагательныя. Мы соединяемъ ихъ въ одно цѣлое, потому что склоненіе ихъ одинаково.

Въ представленныхъ вамъ табличкахъ* изложено сначала склоненіе прилагательныхъ, имѣющихъ въ именительномъ падежѣ правильное окончаніе на *ый, ій; ое, ее; ая, яя*. Такимъ образомъ склоняются всѣ качественныя имена. Вы видите въ нихъ, какъ и въ существительныхъ, два окончанія, твердое и мягкое: *черный, синій; черная, синяя; черное, синее; черныя, синія*, измѣняющіяся, по свойству предшествующихъ буквъ, безъ малѣйшаго исключенія.

Имена притяжательныя родовыя, оканчивающіяся на *ій*, напримѣръ: *рыбій, медвѣжій, воловій*, склоняются по мягкому окончанію, удерживая во всѣхъ падежахъ букву *ь* (*рыбьяго* клею, въ *медвѣжьей* шапкѣ), и принимаютъ во множественномъ числѣ букву *и*: *воловьи рога*.

---

* См. *Начальныя Правила Русской Грамматики*, §§ 47 — 51.

Имена притяжательныя личныя имѣютъ одно окончаніе, усѣченное: *Петровъ*, *Ильинъ*, *господенъ*, *Сандунова*, *Вороново*, *Василь*. Къ нимъ принадлежатъ и имена городовъ: *Псковъ*, *Кіевъ*, *Порховъ*, *Алексинъ*, также *Александровскъ*, *Архангельскъ*, *Бѣлозерскъ*. Эти имена въ теченіе времени переходятъ въ частыя существительныя; напримѣръ, встарину писали: *подъ Кіевымъ*, *подъ Псковымъ*, *за Архангельскимъ*, *подъ Порховымъ*, подразумѣвая слово *городъ*. Нынѣ говорятъ: *подъ Кіевомъ*, *подъ Псковомъ*, *за Архангельскомъ*, *подъ Порховомъ*. Новѣйшія же имена этого разряда, въ которыхъ чувствительно происхожденіе ихъ, удерживаютъ склоненіе прилагательныхъ: *подъ Козловымъ*, *за Семеновымъ*, *подъ Бородинымъ*, *за Царицынымъ*.

Мы присоединяемъ къ именамъ прилагательнымъ числительныя и мѣстоименія. Эти части рѣчи склоняются какъ прилагательныя качественныя, но съ нѣкоторою отмѣною: буквы *а* и *я* (*аго*, *яго*) въ родительномъ падежѣ, превращаются въ *о* и *е* (*ого*, *его*), буква *ы* (*ымъ*) въ творительномъ, въ *и* или *ѣ* (*имъ* и *ѣмъ*): *черный*, *чернаго*, *чернымъ*; *одинъ одного*, *однимъ*; *карій*; *каряго*, *весь*, *всего*, *всѣмъ*. Въ этомъ отношеніи можно постановить правило, почти вовсе неимѣющее исключенія: когда прилагательное въ именительномъ падежѣ имѣетъ окончаніе правильное, на *ый* или *ой*, оно въ точности склоняется какъ имя качественное; напримѣръ: *второй*, *втораго*, *вторымъ*; *который*, *котораго*, *которымъ*. Но лишь только именительный падежъ уклоняется отъ об-

щаго окончанія (напримѣръ, въ словахъ: *одинъ*, *самъ*, *весь*), уклоненіе происходитъ и въ косвенныхъ падежахъ: *одного*, *самого*, *всего*, *однимъ*, *самимъ*, *всѣхъ* а не *одного*, *самаго*, *всяго*, *однымъ*, *самымъ*. Симъ способомъ различаются мѣстоименія *самый* и *самъ*: «онъ *самый* умный человѣкъ, и онъ *самъ* это сдѣлалъ; у *самаго* умнаго человѣка, и у него *самого*; съ *самымъ* умнымъ человѣкомъ, и съ нимъ *самимъ*.» — Только два мѣстоименія, имѣющія въ именительномъ падежѣ окончаніе правильное, уклоняются въ косвенныхъ: *такой* и *какой*. Мы пишемъ: *такого*, *какого*, а не *такаго*, *какаго*.

Достойно вниманія, что склоненіе именъ прилагательныхъ основано на склоненіи личнаго мѣстоименія *онъ*, и, какъ это мѣстоименіе въ именительномъ падежѣ имѣетъ окончаніе уклоняющееся, то и косвенные оканчиваются на *его*, *ему*, *имъ* и т. д.

Замѣтимъ одно уклоненіе нашего правописанія отъ правилъ аналогіи. Вездѣ у насъ склоненіе средняго рода сходствуетъ съ склоненіемъ мужескаго, отличаясь отъ него развѣ только въ именительномъ падежѣ единственнаго числа. Только въ одномъ случаѣ употребленіе велитъ согласовать средній родъ съ женскимъ: это въ именительномъ падежѣ множественнаго числа именъ прилагательныхъ. Мы пишемъ: *новыя окна*, *синія пятна*, а не *новые окна*, *синіе пятна*. Это уклоненіе введено Ломоносовымъ, вѣроятно, потому что онъ хотѣлъ согласовать окончанія прилагательныхъ съ окончаніемъ существительныхъ: *поля*, *моря*, какъ въ латинскомъ языкѣ. Сумароковъ оканчи-

валъ всѣ прилагательныя на *ыя* (*свѣтлыя дни*); Тредьяковскій на *ыи*, (*свѣтлыи дни*); никто не попалъ на дѣйствительное правило. Всѣ послѣдовавшія старанія объ исправленіи этого недостатка остались безуспѣшными. Впрочемъ это дѣло неважное: произношеніе слова оттого ни мало не страждетъ.

Вотъ все, что я почелъ полезнымъ сказать о частяхъ рѣчи вспомогательныхъ имени. Я старался обратить вниманіе ваше на главнѣйшія уклоненія отъ общихъ правилъ, и на рѣшеніе нѣкоторыхъ сомнительныхъ или спорныхъ случаевъ.

Въ слѣдующій разъ займемся глаголами.

II.

Посвятивъ предшествовавшее Чтеніе обзору лирической поэзіи народной, займемся въ нынѣшнемъ лирическою поэзіею искусственною, которой произведенія основаны на общихъ началахъ наукъ и искусствъ.

Напрасно утверждаютъ нѣкоторые, что поэзія началась у насъ сатирами. Они основываются въ семъ случаѣ на томъ обстоятельствѣ, что Кантемиръ писалъ на Русскомъ Языкѣ сатиры, когда не было еще на немъ ни одъ, ни басень, ни драматическихъ твореній. Но Кантемиръ представляетъ собою не звено въ цѣпи Русской Словесности, а отдѣльное, самостоятельное явленіе. Онъ писалъ свои сатиры не въ народномъ духѣ русскомъ, несвойственными Русскому Языку стихами; не имѣя образцевъ въ Россіи, не имѣлъ и непосредствен-

ныхъ преемниковъ. Творенія его никогда не были у насъ всеобщимъ чтеніемъ, а хранились въ библіотекахъ, и только въ недавнія времена Шишковъ и Жуковскій указали на ихъ достоинства и красоты. Можно даже сказать, что Русская Словесность вовсе не измѣнила бы своего характера, если бъ Кантемиръ писалъ не по-русски. Отдѣльный поэтъ, котораго читаютъ только въ одномъ особомъ кругу, сколько бы ни имѣлъ достоинствъ, не можетъ называться національнымъ. Послѣднее названіе принадлежитъ тѣмъ, которые твореніями своими проникаютъ всѣ слои общества, возбуждаютъ вниманіе людей всякаго званія, находятъ читателей и въ высшемъ кругу, и въ среднемъ, и даже въ едва грамотномъ. Эти писатели не имѣютъ надобности въ книгопечатаніи: Ломоносовъ, Державинъ, Крыловъ, Пушкинъ были бы извѣстны всѣмъ Русскимъ, и славны какъ теперь, если бъ ихъ сочиненія существовали только въ рукописи. Свидѣтельствуетъ въ томъ Горе отъ ума.

По моему мнѣнію, наша новая поэзія началась произведеніями лирическими. Оды были первыми твореніями русскими въ началѣ XVIII вѣка, и скончались съ симъ вѣкомъ. Неизбѣжный Тредьяковскій и тутъ является съ своими варварскими стихами: онъ перевелъ оду Буало на взятіе Намюра. Изъ стиховъ:

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourdhui me fait la loi?
Chastes nymphes du Permesse,
N'est ce pas vous que je vois?

онъ выковалъ слѣдующіе:

Кое странное піянство
Къ пѣнію мой умъ бодритъ?
Васъ, парнасское убранство,
Музы, васъ ли умъ мой зритъ?

Мы упоминали уже о великой и внезапной перемѣнѣ, произведенной у насъ Ломоносовымъ. *Что* особенно содѣйствовало его повсемѣстному успѣху въ русской публикѣ? *Что* дало его поэтическому генію крылья для того, чтобъ облетѣть всю неизмѣримую Россію? Языкъ его, чистый, народный и возвышенный; свойственное русскому слуху стихосложеніе. Пиши онъ слогомъ Тредьяковскаго или стихами Кантемира, его творенія оставались бы, только для куріозу, въ библіотекахъ. Нынѣ, по прошествіи ста лѣтъ, мы знаемъ ихъ наизусть, и читаемъ своимъ дѣтямъ.

Торжественныя оды Ломоносова, по содержанію своему, единообразны: онѣ представляютъ прекрасныя картины, выраженныя громкими стихами, но вообще бѣдны мыслями, и ни одинъ стихъ его отдѣльно, выражая какую нибудь высокую или острую мысль, не запечатлѣлся въ памяти народной. У него есть превосходныя *строфы*. Духовныя его стихотворенія, преимущественно преложенія псалмовъ, имѣютъ бо́льшее достоинство, и затвердились въ памяти читателей. Кто не знаетъ его Избранныхъ Мыслей изъ Іова:

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно

Онъ къ Іову изъ тучи рекъ:
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая,
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ
И такъ его на распрю звалъ.

Этимъ ограничиваются его лирическія созданія. Въ свое время онъ не имѣлъ совмѣстниковъ. Неужели станемъ сравнивать съ нимъ щепетильнаго Сумарокова, который, бранью въ журналѣ, старался вознаградить въ себѣ недостатокъ дарованія, и унизить великаго современника, не говорю сверстника! Для этого стоитъ сравнить начало перевода Руссовой оды на Счастіе. Ломоносовъ:

Доколѣ, Счастье, ты вѣнцами
Злодѣевъ будешь украшать?
Доколѣ ложными лучами
Нашъ разумъ хочешь ослѣплять?
Доколѣ, истуканъ прелестной,
Мы станемъ, жертвой намъ безчестной,
Твой тщетный почитать алтарь?
Доколѣ будемъ строить храмы,
Твои чтить замыслы упрямы,
Прельщенная словесна тварь!

Сумароковъ:

Ты, Фортуна, украшаешь
Злодѣянія людей,
И мечтаніе мечтаешь
Разсмотрѣти жизни сей.
Долго ль намъ повиноваться
И доколѣ поклоняться
Намъ обману твоему?

Вся тобою побужденны,
Всѣ ли смертные рожденны
Супротиваться уму?

Преемникомъ Ломоносова въ лирической поэзіи считали Петрова. Когда Екатерина II въ Москвѣ праздновала коронованіе свое великолѣпною каруселью, одинъ воспитанникъ Московской Духовной Академіи поднесъ ей на сіе торжество стихи. Государыня милостиво приняла оду, щедро наградила автора, и обѣщала не забывать его. Петровъ сдѣлался извѣстенъ первымъ вельможамъ Двора, и пріобрѣлъ ихъ благосклонность. Чрезъ нѣсколько лѣтъ опредѣленъ онъ былъ чтецомъ къ Государынѣ, и потомъ, для усовершенія себя въ наукахъ, путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы. Еще не достигнувъ старости, онъ впалъ въ болѣзнь, и удалился въ провинцію. Государыня не оставляла его и тамъ: онъ считался состоящимъ при особѣ Ея Величества, получалъ все свое содержаніе, ѣздилъ въ Москву, занимался чтеніемъ книгъ въ библіотекѣ Академіи, и писалъ стихи до кончины своей, послѣдовавшей въ 1799 году. — Петровъ былъ пѣвцомъ первыхъ годовъ царствованія Екатерины, славныхъ событій Румянцовской Войны, подвиговъ той безсмертной фаланги, которая, подъ Кагуломъ, отринувъ прежнія рогатки, грудью противостала страшнымъ дотолѣ Оттоманамъ, перешла въ первый разъ послѣ Святослава Дунай, и сокрушила ограду Ту-

рецкой Имперіи; того флота, который при Чесмѣ потрясъ Турецкую силу въ ея основаніи, словомъ, тѣхъ славныхъ дѣлъ, которыми Россія навѣкъ освободила Европу отъ ужаса, внушаемаго шайками янычарскими, и положила основаніе обелиску, на которомъ въ послѣдствіи начертаны были имена Яссъ, Букареста и Адріанополя. — Петровъ не могъ сравниться съ Ломоносовымъ въ лирическомъ пареніи, но былъ гораздо обильнѣе мыслями и искренними чувствами. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ видѣнъ человѣкъ ученый, образованный, мыслящій; въ нѣкоторыхъ, напримѣръ въ стихахъ на смерть сына, пробивается глубокое и истинное чувство. Но у него не было того воспламененія, которое раждаетъ великихъ пѣвцовъ: онъ не творилъ, а слагалъ свои оды; мыслилъ, а не живописалъ; подражалъ другимъ, а не созидалъ самъ. Еще вредитъ ему дикость и суровость языка. Петровъ, какъ видно по всему, началъ образованіе свое съ авторовъ древности, и утратилъ чувство русскаго слова. Церковно-славянскія слова, обороты и даже окончанія бралъ онъ безъ разбора, и употреблялъ, не совѣтуясь со вкусомъ и слухомъ. Современники читали его стихи, какъ лучшія произведенія своего времени, нѣкоторые вздыхали по Ломоносовѣ; другіе отдавали пальму первенства Петрову, но потомство, неумолимое и почти всегда справедливое, его забыло. Имя Петрова встрѣчается въ учебникахъ, раздается въ классахъ, повторяется рабски, но кто изъ незаписныхъ литераторовъ помнитъ хоть одну его оду, одну стро-

фу, одинъ стихъ? Ума, образованія, учености — мало для того, чтобъ быть поэтомъ.

Въ то время, когда угасалъ Ломоносовъ, когда Петровъ тщетно силился замѣнить его, всходило, среди тучъ на востокѣ, самое лучезарное свѣтило Русской Поэзіи. Въ день вступленія на престолъ Императрицы Екатерины Второй, стоялъ на часахъ въ Зимнемъ Дворцѣ девятнадцатилѣтній солдатъ Преображенскаго Полка, сынъ небогатаго офицера, происходившаго отъ татарскаго мурзы Багрима, воспитанный въ низовыхъ губерніяхъ, въ скудной тогда Казанской Гимназіи. Это былъ Державинъ. Юные мои слушатели! Я зналъ этого великаго поэта на закатѣ дней его: видѣлъ умное его лице, слышалъ лебединый голосъ, въ молніяхъ потухавшихъ, но пламенныхъ еще взоровъ ловилъ слѣды тѣхъ безсмертныхъ минутъ, въ которыя онъ изъ глубины богатой души своей вызывалъ нетлѣнные образы! Могу хвалиться тѣмъ, что въ юности моей, первые, ничтожные опыты мои озарены были его улыбкою и одобреніемъ, которыя сдѣлались напутствіемъ моей литературной жизни.

И Державинъ, подобно Ломоносову, боролся съ недостатками, невѣжествомъ, грубостью; и онъ принужденъ былъ грудью пробивать себѣ путь среди толпы, непонимавшей его, завистливой и злорадной.

Кто велъ меня на Геликонъ? (восклицаетъ онъ)
Кто направлялъ мои шаги?
Не школъ витійственныхъ содомъ,
Природа, нужда и враги!

Враги? спросите вы: какъ можетъ геніальный писатель имѣть враговъ! Кто не почтитъ въ немъ своего наставника, своего старшаго, славы и чести отечества? Враги и созданы для великихъ людей. Враги эти возбуждаются завистью къ человѣку, который, безъ временныхъ благъ, безъ пособія родни, безъ интригъ и происковъ, становится извѣстнымъ, пріобрѣтаетъ уваженіе, любовь, довѣренность своихъ ближнихъ и царскую милость; къ тому, кто, не отличенный случайными преимуществами, дерзаетъ возвышать громкій и смѣлый гласъ, въ защиту правды, добра и чести! Правду въ устахъ его называютъ они дерзостью; хвалу истинному достоинству лестью, презрѣніе къ ничтожеству гордостью: уваженіе ко всему священному для человѣчества, раболѣпствомъ. И не въ одной славѣ завидуютъ писателю ничтожные, бездарные люди! Подлѣ скромнаго дома Державина возвышались огромныя палаты одного любимца счастія, выстроенныя имъ съ расчетомъ сбыть ихъ выгодно въ казну. Никто не дивился этому; всякъ находилъ это очень естественнымъ. Но жилище поэта, пріютъ генія, мѣсто бесѣды и отдыха людей съ дарованіями, возбуждало зависть и толки. Пишетъ де стихи, и не таскается по міру! — Счастливъ поэтъ, рожденный тамъ, гдѣ твердый престолъ царскій служитъ оградою и прибѣжищемъ для дарованій и трудовъ общеполезныхъ, гдѣ всякая заслуга находитъ признаніе и поощреніе, гдѣ предстоящіе трону передаютъ его дары скромной заслугѣ!

Свѣтская и служебная жизнь Державина протекла между бурь, препятствій, борьбы и волненій. До тридцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія былъ онъ въ военной службѣ; потомъ служилъ экзекуторомъ въ сенатѣ, совѣтникомъ экспедиціи о расходахъ, былъ губернаторомъ, статсъ-секретаремъ Екатерины II, сенаторомъ, президентомъ коммерцъ-коллегіи, государственнымъ казначеемъ, министромъ юстиціи, и только послѣднія тринадцать лѣтъ жизни провелъ внѣ службы. Но служеніе музамъ занимало его во всю жизнь: всегда и вездѣ, урывалъ онъ минуты для изліянія своей души въ великихъ и изящныхъ картинахъ. Онъ былъ весь поэзія: все въ рукахъ его обращалось въ золото. И самый языкъ, въ то время не установленный ни правилами, ни примѣрами, смиренно повиновался генію. Гдѣ нашъ поэтъ говоритъ спокойно, разсуждаетъ, шутитъ, тамъ слогъ его отзывается своимъ вѣкомъ, но лишь только онъ, расторгнувъ вериги земныя, воспаритъ духомъ въ области восторга и безсмертія, разверзается предъ нимъ сокровищница языка; онъ беретъ полными горстями златыя монеты русскаго слова, и сыплетъ ими въ изумленную толпу, которая дотолѣ пробавлялась мѣдью или спартанскимъ чугуномъ.

Державинъ былъ поэтъ лирическій по превосходству. Во всѣхъ его твореніяхъ, въ облеченныхъ даже драматическою формою, пробивается голосъ самого поэта: везды тѣ же порывы, тѣ же молніи. Въ началѣ своего поприща онъ подражалъ поэтамъ нѣмецкимъ и французскимъ, и

недовольный собою, обрекалъ свои опыты ничтожеству. Мало по малу началъ онъ понимать самъ себя, и создалъ тотъ оригинальный и неподражаемый родъ стихотвореній, которыя одинъ изъ его критиковъ совѣтуетъ называть по превосходству *державинскими*, которыя, не имѣвъ образца, не нашли и счастливаго подражанія. Между тѣмъ онъ не довѣрялъ своему дарованію, печаталъ свои стихи подъ чужимъ именемъ, и дивился, слыша безпристрастныя похвалы неизвѣстному поэту. Не прежде тридцати семи лѣтъ отъ роду (въ томъ возрастѣ, въ которомъ Рафаэль, Моцартъ, Бейронъ и Пушкинъ уже кончили свое земное поприще), онъ возвысился на ту степень, которая ему принадлежала по праву. Въ благоговѣніи къ святынѣ Христіанства, у заутрени, въ день Свѣтлаго Воскресенья, 1780 года, въ придворной церкви Зимняго Дворца, возникла въ восторженной молитвою душѣ его первая мысль знаменитой оды Богъ. Развлеченія свѣтской жизни и службы не дозволяли ему кончить начатаго: чрезъ четыре года онъ выѣхалъ изъ Петербурга, объявивъ, что ѣдетъ въ деревню свою, въ Бѣлоруссіи, остановился въ Нарвѣ, у какой-то старушки Нѣмки, нанялъ у нее квартиру съ тѣмъ, чтобъ она его и кормила, и нѣсколько времени занимался своимъ твореніемъ, но никакъ не могъ его кончить. Однажды, проработавъ безуспѣшно цѣлую ночь, онъ уснулъ предъ разсвѣтомъ. Вдругъ засверкалъ предъ нимъ какой-то дивный свѣтъ; онъ проснулся, почувствовалъ необыкновенное вол-

ніе въ душѣ своей, излившееся горячими слезами, и написалъ послѣднюю строфу:

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны..
И тѣни начертить твоей!
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной радости теряться,
И — благодарны слезы лить!

Ода Богъ впечатлѣлась въ памяти и душѣ всякаго русскаго читателя, и нашла себѣ цѣну и уваженіе у народовъ, неизбалованныхъ прихотями и причудами школъ. Японцы съ любопытствомъ и жадностью переводили ее на свой языкъ, подъ руководствомъ Головнина. Китайскій переводъ ея, начертанный золотыми письменами на бѣломъ атласѣ, виситъ въ чертогахъ Богдыхана.

Въ слѣдующемъ (1781) году Державинъ написалъ драгоцѣнную свою Оду Киргизъ-Кайсацкой Царевнѣ Фелицѣ. Въ ней изобразилъ онъ душу, дѣянія, подвиги, славу и безсмертіе Екатерины, передалъ потомству то великое, піитическое, волшебное время, которое, по мѣрѣ удаленія отъ насъ, болѣе и болѣе облекается таинственнымъ полусвѣтомъ, и среди облакъ представляется оку наблюдателя въ радужныхъ цвѣтахъ поэзіи. Екатерина, создательница новой, просвѣщенной Россіи, кроткая правительница, мудрая законодательница, гре-

мѣвшая въ мірѣ и молвою побѣдъ, и славою наукъ, обогатившая Россію и пріобрѣтеніями извнѣ, и внутренними открытіями, и благами земными, и сокровищами умственными, отразилась въ свѣтлой душѣ великаго поэта. Государыня пролила слезы, прочитавъ Фелицу. Она увидѣла, что ее понимаютъ. Державинъ, написавъ оду Фелицѣ, прочиталъ ее немногимъ искреннимъ друзьямъ, и спряталъ. Счастливая нескромность одного изъ нихъ была причиною появленія ея въ свѣтъ. Поэтъ былъ узнанъ, и взысканъ милостію Государыни.

Это уже не тѣ хвалы, которыми Ломоносовъ и его послѣдователи превозносили своихъ героевъ; это не преувеличенныя, несбыточныя сравненія, тягостныя гиперболы и антитезы: это свободное изліяніе сердечнаго чувства, искреннее признаніе величія и славы. Какъ встрепенулись въ то время записные хвалители и льстецы, когда раздался среди ихъ толпы простодушный гласъ поэта:

Богоподобная Царевна
Киргизъ-Кайсацкія Орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору,
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Она мой духъ и умъ плѣняетъ;
Подай найти ее совѣтъ.

* * *

Подай, Фелица, наставленье,
Какъ пышно и правдиво жить;

Какъ укрощать страстей волненье
И счастливымъ на свѣтѣ быть!
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ препровождаетъ,
Но имъ послѣдовать я слабъ.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотямъ я рабъ.

* * *

Мурзамъ твоимъ не подражая,
Почасту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ.
Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь;
Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

* * *

Таковъ, Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ:
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.
Не ходимъ свѣта мы путями,
Бѣжимъ разврата за мечтами:
Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ,
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой.

* * *

Тебѣ единой лишь пристойно,
Царевна, свѣтъ изъ тьмы творить;

Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлость ихъ крѣпить;
Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать!
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.

* * *

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьемъ правишь;
Какъ волкъ овецъ, людей не давишь;
Ты знаешь прямо цѣну ихъ.
Царей они подвластны волѣ,
Но Богу правосудну болѣ,
Живущему въ законахъ ихъ.

* * *

Ты здраво о заслугахъ мыслишь,
Достойнымъ воздаешь ты честь;
Пророкомъ ты того не числишь,
Кто только рифмы можетъ плесть,
А что сія ума забава
Калифовъ добрыхъ честь и слава.
Снисходишь ты на лирный ладъ;
Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ.

* * *

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,

Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

* * *

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

* * *

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О! коль счастливы человѣки
Тамъ быть должны судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

* * *

Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей;

Когда ты просвѣщаешь нравы,
Ты не дурачишь такъ людей;
Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья,
Ты пишешь въ сказкахъ поученья,
И Хлору въ азбукѣ твердишь:
«Не дѣлай ничего худаго,
«И самаго сатира злаго
«Лжецомъ презрѣннымъ сотворишь.»

* * *

Фелицы слава — слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ;
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;

* * *

Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ,
И лѣсъ рубить не запрещаетъ,
Велитъ и ткать, и прясть, и шить:
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить;

* * *

Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ. —

Вѣщай, премудрая Фелица!
Гдѣ отличенъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ,
Заслуга хлѣбъ себѣ находитъ?
Гдѣ месть не гонитъ никого?
Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ?
Гдѣ добродѣтели сіяютъ? —
У трона развѣ твоего!

* * *

Но гдѣ твой тронъ сіяетъ въ мірѣ?
Гдѣ, вѣтвь небесная, цвѣтешь?
Въ Багдадѣ — Смирнѣ — Кашемирѣ?
Послушай: гдѣ ты ни живешь,
Хвалы мои тебѣ примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешмета
За нихъ я отъ тебя желалъ.
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ!

* * *

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да ихъ простря сафирны крилы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!

Государыня щедро наградила поэта, и — что было для него несравненно драгоцѣннѣе, пожа-

лала его видѣть; потомъ удостоила царскою довѣренностію, которая не прекращалась и при ея преемникахъ.

Я не прохожу курсъ Словесности, не обязываюсь критиковать и судить, а желаю только бесѣдовать съ моими слушателями о Русскомъ Языкѣ и лучшихъ его произведеніяхъ. Отсылая любителей критики къ дѣльной статьѣ о Державинѣ въ Очеркахъ Русской Литературы Г. Полеваго, напомню моимъ слушателямъ о нѣкоторыхъ превосходнѣйшихъ созданіяхъ нашего сѣвернаго барда.

Вотъ его картины природы:

Сѣдящъ, увѣнчанъ осокою,
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
На урну облегшись рукою,
Являющій лице небесъ,
Прекрасный вижу я источникъ.

* * *

Источникъ шумный и прозрачный,
Текущій съ горней высоты,
Луга поящій, долы злачны,
Кропящій перлами цвѣты,
О какъ ты мнѣ пріятенъ зришься!

* * *

Ты чистъ, и восхищаешь взоры,
Ты быстръ, и утѣшаешь слухъ.
Какъ серна, скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ стремится духъ.
Желаньемъ пѣть тебя горящій.

* * *

Когда въ луги твои сребристы
Глядится красная заря,

Какіе пурпуры огнисты
И розы пламенемъ горя
Съ паденьемъ водъ твоихъ катятся!

* * *

Багрянымъ брегъ твой становится,
Какъ солнце катится съ небесъ;
Лучемъ кристалъ твой загорится;
Вдали начнетъ синѣться лѣсъ;
Туманомъ море разольется.

* * *

О коль ночною темнотою
Пріятенъ видъ твой при лунѣ,
Какъ древни холмы надъ тобою
И рощи дремлютъ въ тишинѣ,
А ты одинъ шумя сверкаешь!

Вотъ какъ описываетъ онъ роскошные пиры вельможъ и богачей:

Богатая Сибирь, наклоньшись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро;
Восточный, Западный сѣдые Океаны
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ.
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна классами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ,
Рифей, нагнувшися, въ топазы, аметисты
Лилъ кубки медъ златой, древъ искрометный сокъ.

Вотъ его русская пляска:

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тіискій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка?

Какъ склонясь главами ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ;
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Чела бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими,
Груди нѣжныя дышатъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневыя
Ямки врѣзала любовь!
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ, соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка — души львины
И орловъ сердца разятъ!
Если бъ видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты бъ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой Эротъ прикованъ былъ!

И послѣ этого оживленнаго, пламеннаго разсказа, поэтъ обращаетъ къ намъ голосъ строгой судьбы; вѣщаетъ о смерти и тлѣніи, о непрочности благъ земныхъ и удовольствій свѣта:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ,
Къ брегамъ умершихъ удалился.
Здѣсь персть твоя а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? Онъ тамъ! Гдѣ тамъ? Не знаемъ!
Мы только плачемъ и вздыхаемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

* * *

Утехи, радость и любовь
Где купно съ здравіемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики,
И блѣдна Смерть на всѣхъ глядитъ.

* * *

Глядитъ на всѣхъ, и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры.
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны
И точитъ лезвее косы.

Съ какимъ благороднымъ чувствомъ собственнаго достоинства поэтъ поднесъ свои творенія великой Императрицѣ:

Что смѣлая рука позіи писала,
Какъ Богъ, истинну Фелицу во плоти
И добродѣтели твои изображала,
Дерзаю къ твоему престолу принести,
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою твоей,
Прими, и освяти твоимъ благоволеньемъ,
И музѣ будь моей подпорой и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есь ты отъ клеветъ спасеньемъ!

Да веселясь она, и съ бодрственнымъ челомъ

Пойдетъ сквозь тму временъ, и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, тебѣ хвалы вѣщать;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой простый въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою, твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ:
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

Предчувствіе великаго поэта его не обмануло: прошло около четверти вѣка съ его кончины; каждое русское ухо внемлетъ вдохновенной его поэзіи; каждый русскій умъ ее понимаетъ, каждое русское сердце чувствуетъ. По мѣрѣ успѣховъ образованія языка и распространенія любви къ словесности, слава Державина будетъ безпрерывно возрастать въ Россіи.

Многіе критики и читатели спрашиваютъ: кто выше, Ломоносовъ или Державинъ? Имъ можно отвѣчать: каждый выше. Ломоносовъ былъ геній всеобъемлющій: и натуралистъ и филологъ, и математикъ и стихотворецъ. Онъ былъ бы великъ вездѣ, куда бъ ни поставила его судьба: и на военномъ кораблѣ, и въ челѣ арміи. Притомъ онъ былъ человѣкъ ученый: гдѣ не доставало въ немъ собственнаго опыта, онъ замѣнялъ его опытомъ вѣковъ. Державинъ былъ питомецъ и

баловень природы, былъ поэтъ по превосходству и исключительно, и, какъ поэтъ, занимаетъ первое у насъ мѣсто. Онъ писалъ стихи и на скамьяхъ гимназіи, и подъ буркою, въ преслѣдованіи Пугачева, на горѣ Четалагаѣ, и въ экзекуторской Правительствующаго Сената, и предъ уборною Екатерины II, въ ожиданіи времени доклада, и въ министерскомъ кабинетѣ, и въ безсмертной своей Званкѣ, сабинскомъ уголкѣ сѣвернаго Горація. И служба его была поэтическая: едва ли былъ онъ въ какой должности долѣе трехъ лѣтъ. Вездѣ врожденная пѣвцу пылкость и безотчетное стремленіе къ поэтической правдѣ препинали ему путь. Ломоносовъ считалъ сочиненіе стиховъ обязанностію человѣка и гражданина: прелагалъ псалмы, и писалъ оды торжественныя. Державинъ творилъ такъ, какъ загорается румяная заря, какъ вѣтеръ шумитъ въ густомъ бору, какъ плещутъ волны морскія, какъ поетъ соловей: это было призваніемъ и цѣлью всего бытія его. Достойно замѣчанія, что первый лучъ новой нашей поэзіи блеснулъ въ 1740 году, первою одою Ломоносова. Чрезъ сорокъ лѣтъ (1780) явилась ода Богъ. Еще чрезъ сорокъ лѣтъ, въ 1820 году, Русланъ и Людмила. — Что будетъ черезъ сорокъ лѣтъ, въ 1860 году? Увидите и услышите, юные мои слушатели!

Не удивительно, что примѣръ Ломоносова, а потомъ Державина породилъ множество послѣдователей и подражателей. Все у насъ запѣло одами. Все силилось летать, парить, и падало въ океанъ забвенія. Гдѣ тѣ минутные лирики, которые гре-

мѣли и звучали въ свое время, которыхъ друзья и нахлѣбники ставили выше образцовъ ихъ? За нѣсколько лѣтъ предъ симъ произошла у насъ забавная ошибка, или, какъ говорятъ нынѣ, мистификація. Одинъ ревностный любитель и изслѣдователь старины отыскалъ въ какой-то ободранной тетрадкѣ рукописное стихотвореніе *Человѣкъ*, и возгласилъ, что нашелъ неизданную оду Державина, тиснулъ въ журналъ, и исчислялъ красоты ея. Дѣйствительно, такія же строфы, такого же размѣра стихи, риѳмы, стопы и прочее; совершенно то, — да не то. По справкѣ оказалось, что это ода одного забвеннаго стихотворца, живущая въ эпиграммѣ:

О Клюквинъ! Не глуши меня ты лирнымъ звономъ!
Молвь просто: человѣкъ — смѣсь Клюквина съ Невтономъ!

Это доказываетъ, что и современники отдавали должное тогдашнимъ лирикамъ-самозванцамъ. Грознымъ бичемъ ихъ былъ Дмитріевъ. Въ единственной сатирѣ своей: Чужой Толкъ, онъ оставилъ намъ презабавные ихъ портреты.

Формальныя оды вышли у насъ изъ употребленія съ окончаніемъ XVIII вѣка. Послѣдніи были написаны на восшествіе и коронованіе Императора Александра Павловича. Потомъ слышны были нѣкоторые слабые только отголоски. Наконецъ замерли и эти. Лирическая поэзія приняла форму посланія, собственной пѣсни, элегіи. Жуковскій славилъ подвиги Отечественной Войны посланіями къ Царю и вождямъ его; предалъ безсмертію

возвышенныя чувства и помыслы той великой эпохи устами Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ.

Послѣдній подвигъ нашего воинства, покореніе Варшавы, воспѣтъ былъ Пушкинымъ. Онъ избралъ было форму стихотворенія болѣе спокойнаго, началъ сравнивать, разсуждать, оспоривать противниковъ, но лишь только священное слово *побѣда* слетѣло съ устъ его, русское сердце расторгло оковы романтисма, и онъ загремѣлъ вслѣдъ за Ломоносовымъ и Державинымъ:

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія! встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ,
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань!
Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видѣлъ плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы.
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего!

СЕДЬМОЕ ЧТЕНІЕ.

(26-го Января.)

I.

Приступаемъ теперь къ разсмотрѣнію самой важной изъ частей рѣчи во всякомъ языкѣ, къ изложенію свойствъ, состава и измѣненій *глагола*. Эта часть грамматики долгое время была у насъ во младенчествѣ. Склоненія именъ и вспомогательныхъ имени частей рѣчи были изложены довольно удовлетворительно: глаголы оставались въ небреженіи. Виною тому было безусловное принятіе основаній и правилъ грамматики латинской. Непремѣнно хотѣли, чтобъ въ Русскомъ Языкѣ были и сослагательное наклоненіе, и давнопрошедшее и преходящее время. Для этого выдумывали несбыточныя и небывалыя формы, напримѣръ: *бывывало хаживалъ*. Раздѣленіе спряженій основано было на формѣ втораго лица настоящаго вре-

ненія: *ешь* и *ишь*. Но которые глаголы именно принимаютъ ту или другую форму? Это оставалось на произволъ пишущихъ. И нынѣ у насъ пишутъ и печатаютъ: *стоютъ*, *таишь*, *борятся*, *сыпять!* Вотъ развалины древнихъ теорій! — Ломоносовъ, сколько мнѣ кажется, слишкомъ полагался на собственное чувство и смыслъ русскихъ читателей: всякій-де знаетъ, какъ написать. Если принять это правило, то можно сказать, что и вообще не нужна грамматика: всякій умѣетъ говорить по навыку и по подражанію другимъ. Послѣдователи Ломоносова, Барсовъ и Соколовъ, не считали за нужное прибавлять что либо къ его теоріи. Въ Грамматикѣ Россійской Академіи (въ сочиненіи которой, повторяю, не участвовалъ ни одинъ изъ живущихъ нынѣ членовъ ея) догадались, что лучше всего производить глаголы отъ неокончательнаго наклоненія, но не успѣли сдѣлать изъ того ни какихъ выводовъ. Глаголы: *алѣть*, *видѣть* и *тереть*, напримѣръ, были по этой Грамматикѣ отнесены къ второму спряженію, между тѣмъ, какъ они спрягаются совершенно различнымъ образомъ.

Мало по малу начало развиваться ученіе о глаголахъ въ надлежащемъ видѣ. Первый расположилъ ихъ въ логическомъ порядкѣ Александръ Сергѣевичъ Никольскій *, но и онъ отсылаетъ уче-

---

* *Основанія Россійской Словесности*. С. П. б. Первое изданіе 1807, третье 1814 года.

никовъ своихъ къ господствующему употребленію. Въ 1808 году вышло *Руководство къ Россійской Словесности*, составленное Иваномъ Мартыновичемъ Борномъ, при содѣйствіи Александра Христофоровича Востокова. Въ этой книгѣ заключались дѣльныя замѣчанія и правила о русскихъ спряженіяхъ, но все это было только началомъ, опытомъ. Профессоръ Фатеръ, издавшій свою Русскую Грамматику въ 1808 же году, не сдѣлалъ въ спряженіяхъ ничего новаго. Пухмаеръ, въ 1820 *, слишкомъ придерживался свойствъ природнаго своего, богемскаго языка. Въ 1811 году напечаталъ я свой *Опытъ русскихъ спряженій*, и представилъ средства къ преобразованію ихъ, которыя старался усовершенствовать въ послѣдствіи. Въ 1812 профессоръ Болдыревъ сообщилъ, въ Трудахъ Московскаго Общества Любителей Словесности, замѣчанія свои о средствахъ къ исправленію нашихъ глаголовъ, очень дѣльныя и полезныя. Вотъ все, что было сдѣлано у насъ по этой части до выхода въ свѣтъ моихъ Грамматикъ, въ 1827 году. Въ послѣдствіи Гг. Востоковъ и Калайдовичъ представили свѣту свои теоріи, но я остаюсь при прежней своей системѣ, которую постараюсь изложить и оправдать предъ вами **.

---

* Lehrgebäude der Russischen Sprache von A. J. Puchmayer. Prag, 1820.

** Упомяну еще, что въ истекшемъ году появилось въ одномъ изъ нашихъ журналовъ дѣльное разсужденіе о

Въ первомъ Чтеніи моемъ упомянулъ я, что, по всей вѣроятности, глаголъ былъ первою изъ частей рѣчи, изобрѣтенныхъ человѣкомъ. Но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ есть главное слово въ рѣчи, verbum, *глаголъ, слово* по превосходству. Онъ придаетъ рѣчи жизнь: какъ гласная буква оживляетъ слогъ, какъ удареніе отличаетъ отдѣльное слово, такъ глаголъ присутствіемъ своимъ животворитъ отдѣльныя слова, мертвыя и беззнаменательныя, и составляетъ изъ нихъ сужденіе, предложеніе, періодъ. По этой важности и движимости, глаголъ въ частяхъ своихъ сложенъ, въ свойствахъ разнообразенъ, въ измѣненіяхъ обиленъ.

Какое есть свойство, общее всѣмъ существамъ, населяющимъ міръ видимый или проявляющимся только въ умѣ нашемъ? Свойство бытія, существованія. По сей причинѣ главный глаголъ во

глаголахъ русскихъ, написанное молодымъ уроженцемъ финляндскимъ, Г. Лангеншельдомъ. Многіе читатели сего журнала удивлялись, что г. Лангеншельдъ, взявъ главныя основанія своей теоріи изъ моей Грамматики, не сказалъ этого, и упоминалъ обо мнѣ только тамъ, гдѣ онъ со мною несогласенъ. Я долженъ оправдать его: онъ въ самомъ началѣ упомянулъ обо мнѣ, какъ о своемъ учителѣ съ благородною признательностію, и въ продолженіе статьи отдавалъ мнѣ справедливость; въ печати имя мое было исключено благонамѣреннымъ редакторомъ. Nul n'a de l'esprit que nous et nos amis!

всякомъ языкѣ, входящій въ смыслъ каждаго другаго глагола, и необходимый при его измѣненіяхъ, есть глаголъ *быть*, который мы будемъ называть *самостоятельнымъ*. Достойно замѣчанія, что въ большей части извѣстныхъ намъ коренныхъ языковъ глаголы *быть* и *ѣсть* (manger, essen) сходны между собою: по-латыни est и est; въ греческомъ *ἔσομαι* (будущее) и *ἔσω*, въ нѣмецкомъ ist и ißt; въ санскритскомъ *асти* и *атти*; въ славянскомъ: *есть*, *ѣстъ* и *ясть*. Это любопытное явленіе не можетъ быть случайнымъ: оно произошло отъ младенчествующей логики народовъ. Извѣстно знаменитое положеніе Декарта: мыслю, слѣдственно существую. Народы необразованные говорили: ѣмъ, слѣдственно существую. Тиршъ, въ Греческой Грамматикѣ своей, говоритъ: «Корень глагола es, находится въ еврейскомъ словѣ *гешъ*, огонь: онъ означаетъ существованіе предмета посредствомъ пожиранія, питанія: всякое вещество является и растетъ пріятіемъ въ себя, пожираніемъ веществъ, ему сродныхъ.» Въ Русскомъ Языкѣ есть еще одинъ глаголъ самостоятельный: *стать*. Первый *(быть)* означаетъ дѣйствительное существованіе, длительное бытіе предмета; послѣдній выражаетъ начатіе дѣйствія или состоянія: я *буду* дѣлать, я *буду* веселъ; и я *стану* дѣлать, я *стану* веселиться. По это причинѣ послѣдній глаголъ можетъ назваться *самостоятельнымъ начинательнымъ*.

Глаголъ *быть (или стать)* заключается во всякомъ другомъ глаголѣ: *я пишу* значитъ: *я есмь*

пишущь; ты *постарѣлъ* значитъ то же, что *ты сталъ старъ.* По этой причинѣ глаголъ *быть* обыкновенно служитъ первообразомъ (prototype, всѣхъ формъ и измѣненій прочихъ глаголовъ, и называется также вспомогательнымъ. Всѣ прочіе глаголы состоятъ изъ самостоятельнаго *быть* и изъ причастія; напримѣръ: *я пишу,* значитъ: *я есмь пишущь; ты ходилъ, ты былъ ходящь.* Это слитіе глагола съ причастіемъ становится очевиднымъ въ глаголахъ страдательныхъ: *я былъ любимъ, домъ будетъ построенъ.* Глаголы, въ которыхъ причастіе и глаголъ самостоятельный выражены однимъ словомъ, могутъ называться *совокупными.*

Имена означаютъ предметы, являющіеся въ пространствѣ, и потому имѣютъ существенныя формы для показанія числа предметовъ, ихъ взаимныхъ отношеній и качествъ, величины и малости. Дѣйствіе же является не въ пространствѣ, а во времени, и потому имѣетъ неотъемлемою формою означеніе *времени*, настоящаго *(бросаю)*, прошедшаго *(бросалъ)*, будущаго *(брошу)*. Это свойство находимъ въ глаголахъ всѣхъ языковъ. Другія обстоятельства въ глаголѣ: число *(бросалъ, бросали)*, лице *(бросаю, бросаешь, бросаетъ)*, родъ *(бросалъ, бросала, бросало)* суть формы случайныя, служащія къ показанію не дѣйствія, а дѣйствующаго предмета, или подлежащаго, къ согласованію съ нимъ глагола, какъ прилагательное согласуется съ существительнымъ. Достойно замѣчанія, что родъ (и то лишь въ прошедшихъ временахъ глаголовъ) находится только въ язы-

кахъ славянскихъ. Это происходитъ оттого, что, какъ выше сказано, въ глаголѣ находится причастіе, измѣняющееся по родамъ.

Время можетъ быть вообще троякое: *настоящее, прошедшее* и *будущее*. Но каждое изъ сихъ временъ можетъ имѣть нѣсколько подраздѣленій; напримѣръ: «нѣкто родился въ 1780 году, женился въ 1810-мъ, умеръ въ 1820-мъ.» Все это времена прошедшія, но одно изъ нихъ было прежде другаго. «Я *отобѣдалъ* въ то время, когда сосѣдъ мой только *начиналъ обѣдать*:» оба времени прошедшія, но въ отношеніи между собою они разнятся. Эти времена могутъ быть названы *относительными*, одно въ разсужденіи другаго. Во многихъ языкахъ они выражаются особенными формами. Напримѣръ, во французскомъ: Paul soupait, quand Pierre dinait Paul soupait, quand Pierre entra. Paul allait souper, quand Pierre entra. Pierre avait soupé, quand Paul entra. Paul soupera, quand Pierre dinera. Paul sera à souper, quand Pierre entrera. Paul sera près de souper, quand Pierre dinera. Pierre aura soupé, quand Paul dinera. У насъ этого нѣтъ: мы выражаемъ времена *неотносительно* одно къ другому, и, для выраженія соотвѣтствія временъ, употребляемъ нарѣчія: *когда, тогда, прежде, послѣ*; также предлоги, означающіе начало и окончаніе дѣйствія: *заигралъ, отъигралъ* и т. п., форму дѣепричастій, или же глаголы подобозначащіе; напримѣръ: *Павелъ ужиналъ, когда обѣдалъ Петръ. Петръ вошелъ въ то время, когда обѣдалъ Павелъ.*

Павелъ садился за ужинъ, когда вошелъ Петръ. Петръ отужиналъ уже въ то время, когда вошелъ Петръ. Павелъ будетъ ужинать, когда войдетъ Петръ. Павелъ будетъ садиться за ужинъ, когда будетъ обѣдать Петръ. Павелъ, отобѣдавши, поужинаетъ съ Петромъ. Когда Павелъ будетъ обѣдать, ужинъ Петра уже будетъ конченъ. Вы видите, что въ Русскомъ Языкѣ существуютъ только три времени, *неотносительныя,* а отношеніе ихъ выражается посторонними дополнительными словами. Для выраженія совершеннаго времени въ будущемъ (il aura soupé), мы принуждены употребить глаголъ страдательный *(ужинъ будетъ конченъ),* чтобъ не сказать, какъ говорятъ въ Нарвѣ и на Васильевскомъ Острову: *Павелъ будетъ отужинавши.* — Въ самомъ дѣлѣ, только формою глагола страдательнаго можно выразить отношеніе прошедшаго времени къ настоящему. Когда дѣйствіе совершенно кончено, и въ настоящемъ не существуетъ, мы употребляемъ прошедшое страдательное причастіе съ глаголомъ *былъ;* напримѣръ: «мой товарищъ *былъ раненъ* при Бородинѣ;» это значитъ, что онъ или умеръ или совершенно излечился отъ раны; или же симъ означается современность дѣйствія съ другимъ дѣйствіемъ въ прошедшемъ времени: «мой товарищъ *былъ раненъ,* когда *убили* его начальника.» *Мой товарищъ раненъ,* значитъ, что рана его еще существуетъ. Въ глаголѣ дѣйствительномъ этого различія нѣтъ: мы говоримъ: *моего товарища ранили при Бородинѣ; моего товарища ранили въ сію минуту.*

Этотъ недостатокъ формъ, означающихъ взаимныя отношенія дѣйствій между собою, вознаграждается въ Русскомъ Языкѣ съ лихвою выраженіемъ иныхъ обстоятельствъ дѣйствія, которыя въ другихъ языкахъ отличаются посредствомъ нарѣчій. Мы можемъ выразить, во-первыхъ, что дѣйствіе совершается именно въ ту минуту, когда мы говоримъ (птица *летитъ*), или что̀ дѣйствіе это свойственно предмету, совершается имъ обыкновенно (птица *летаетъ*); во-вторыхъ, что дѣйствіе совершалось въ бывшее время и нѣсколько разъ (*толкивалъ*), или совершилось однажды (*толкнулъ* *); въ третьихъ, что дѣйствіе совершалось безъ означенія окончанія (*сталкивалъ*), что оно кончено (*подписалъ*), что дѣйствіе кончено однимъ разомъ (*столкнулъ*) или въ нѣсколько пріемовъ (*столкалъ*).

Въ этомъ различіи свойствъ временъ русскихъ глаголовъ съ временами глаголовъ иностранныхъ и заключалась сбивчивость изложенія нашихъ спряженій. Раздѣлите ихъ по свойству принадлежащихъ имъ отличій, и вся темнота, вся сбивчивость исчезнетъ.

Главное дѣленіе глаголовъ заключается въ отличіи *простыхъ* и *предложныхъ*; первые суть, напримѣръ: *читать*, *писать*; послѣдніе: *прочитать*, *подписать*. Должно принять за правило, что гла-

---

* Въ просторѣчіи есть еще одна модификація однократнаго вида: *толконулъ*, *дергонулъ*. Это значитъ: *чуть чуть*, *едва* толкнулъ, дернулъ.

голы простые совершенно отдѣльны отъ предложныхъ. Не должно говорить, что *написалъ* есть прошедшее время глагола *писать*: нѣтъ! это прошедшее время глагола *написать*; глаголъ *писать* въ прошедшемъ времени имѣетъ *писалъ*.

Глаголы простые обыкновенно бываютъ *неопредѣленные*, то есть въ нихъ означаются время прошедшее, настоящее и будущее просто, безъ опредѣленія, однажды ли это дѣйствіе совершалось, кончено ли оно, и такъ далѣе; напримѣръ: *пишу*, *писалъ*, *буду писать*. Сверхъ того большая часть сихъ глаголовъ имѣютъ время прошедшее многократное: *писывалъ*, *читывалъ*.

Когда глаголъ простой означаетъ дѣйствіе физическое, совершаемое частью тѣла человѣка или животнаго, къ существующимъ въ немъ временамъ, прошедшему и будущему, присовокупляется однократное, выражающее, что дѣйствіе совершилось или совершится именно *однажды*; напримѣръ: неопредѣленное: *я кашлялъ*, *я буду кашлять*; однократное: *кашлянулъ*, *кашляну*; *шагалъ*, *шагнулъ*; *буду шагать*, *шагну*.

Глаголъ простой, означая движеніе предмета, получаетъ возможность выражать опредѣленность или неопредѣленность дѣйствія. Первою формою означается, что дѣйствіе совершается именно въ то время, когда о немъ говорятъ (я *иду* домой, рыба *плыветъ*); второю, что дѣйствіе обыкновенно совершается предметомъ, что предметъ можетъ совершать дѣйствіе (я *хожу* домой; рыба *пла-*

вается). Бываютъ двойные глаголы, не означающіе движенія, напримѣръ: *блистать* и *блестѣть*, *мѣрять* и *мѣрить*. Это только двѣ разныя формы, ни мало не разнящіяся въ смыслѣ, и не выражающія неопредѣленности и опредѣленности дѣйствія.

Эти различія находятся въ глаголахъ простыхъ. Въ предложныхъ глаголахъ является другое выраженіе, именно выраженіе совершенія или несовершенія дѣйствія въ прошедшемъ и будущемъ времени: я *подписывалъ* бумагу, я *буду подписывать*, я *подпишу*. Когда въ простомъ глаголѣ есть однократное время, оно въ предложномъ выражаетъ, что дѣйствіе совершилось, и совершилось однимъ разомъ: *столкалъ*, и *столкнулъ*; *выбросалъ*, и *выбросилъ*; *раздергалъ*, и *раздернулъ*. Когда глаголъ предложный происходитъ отъ простаго, означающаго движеніе, онъ имѣетъ также двоякое знаменованіе, обыкновеннаго и дѣйствительнаго совершенія дѣйствія, напримѣръ: *выносилъ*, *вынесъ*, *выпашивалъ*, *выносилъ*.

Эти различія въ выраженіи опредѣленности или неопредѣленности, однократности или многократности, совершенія или несовершенія дѣйствія, называются *видами*: видъ неопредѣленый, многократный, однократный, несовершенный и совершенный. Мы представили здѣсь главныя, общія свойства видовъ: въ частности есть исключенія (такъ, напримѣръ, существуютъ глаголы простые, въ которыхъ означается совершеніе дѣйствія, какъ въ

предложныхъ: *являть*, *явить*; *давать*, *дать*), но эти исключенія не многочисленны.

Вамъ извѣстно, что въ глаголахъ различаются *наклоненія* (les modes), или образъ выраженія дѣйствій предметовъ: изъявительное, или повѣствовательное, въ которомъ означается время (*пишу*, *писалъ*, *буду писать*); повелительное, которымъ выражается приказаніе (*пиши*), и неокончательное, которымъ называется дѣйствіе безъ опредѣленія времени и повелѣнія (*писать*). Неокончательное наклоненіе есть главная, коренная форма глагола, то же, что именительный падежъ въ существительныхъ. Это наклоненіе можетъ быть употреблено и какъ существительное отглагольное, т. е. въ отвлеченномъ означеніи дѣйствія: «*молчать* долгъ твой, вм. *молчаніе* есть долгъ твой.» Отъ него происходятъ всѣ прочія формы. По этой причинѣ неокончательное наклоненіе называю я формою *прямою*, а прочія *косвенными*. Нѣкоторые грамматики утверждаютъ, что коренная форма глаголовъ заключается въ повелительномъ наклоненіи, потому что оно короче всѣхъ прочихъ: *брось*, *дай*. Я полагаю, что эта краткость сообщена ему не въ началѣ, а въ послѣдствіи, когда должно было приказывать коротко и ясно. Первоначальность неокончательнаго наклоненія явствуетъ изъ того, что оно, замѣняя, какъ выше сказано, имя отглагольное, употребляется, какъ именительный падежъ, напримѣръ: *трудиться похвально*, вм. *трудъ похваленъ*. Отъ него происходятъ другія формы: это явствуетъ изъ того, что гортанныя, зубныя, шепелеватыя и т. п.

буквы его, въ настоящемъ времени, переходятъ въ шипящія: *двигать*, *движу; плакать*, *плачу; сидѣть*, *сижу; писать*, *пишу*. Оно и короче настоящаго времени, потому что *ть* короче замѣняющаго это окончаніе слога: *имѣть*, *имѣю*, *имѣешь*. Въ изложеніи спряженій покажу я всю выгоду, проистекающую отъ сего правила.

Теперь покажемъ раздѣленіе временъ *по видамъ*. Всякій видъ глагола имѣетъ непремѣнно неокончательное наклоненіе, а въ изъявительномъ наклоненіи непремѣнно прошедшее время. Виды неопредѣленный, опредѣленный, несовершенный имѣютъ время настоящее (*ношу*, *несу*, *обдѣлываю*), и для выраженія времени будущаго, употребляютъ неокончательное наклоненіе съ вспомогательнымъ глаголомъ *буду* или *стану* (*буду носить*, *буду нести*, *выносить*, *вынашивать*); виды совершенный и однократный не имѣютъ настоящаго времени: форма настоящаго выражаетъ въ нихъ время будущее (*вынесу*, *кину*). Повелительное наклоненіе находится во всѣхъ видахъ, кромѣ многократнаго (*носи*, *неси*, *относи*, *отнеси*, *кинь*).

Сколько же видовъ имѣетъ данный глаголъ въ Русскомъ Языкѣ?

1. Глаголы простые *неполные* имѣютъ два вида: неопредѣленный и многократный: *дѣлать*, *дѣлывать*. Къ этому отдѣлу относятся всѣ глаголы русскіе, неподходящіе подъ нижеисчисленныя рубрики. Нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ многократнаго вида, и потому называются недостаточными, напримѣръ: *имѣть*.

2. Глаголы простые *полные* имѣютъ три вида: неопредѣленный, многократный и однократный: *толкать*, *толкнуть*, *талкивать*. Они отличаются отъ неполныхъ тѣмъ, что означаютъ дѣйствіе физическое.

3. Глаголы простые *сугубые*, или *двойные*, состоятъ изъ двухъ глаголовъ, имѣющихъ три вида: неопредѣленный, опредѣленный и многократный (*носить*, *нести*, *нашивать*). Эти глаголы отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что означаютъ движеніе.

4. Глаголы *предложные* составляются изъ простыхъ, и могутъ имѣть столько видовъ, сколько простой, изъ которыхъ они составлены: *имѣть*, *возъимѣть*; *дѣлать*, *дѣлывать*, *обдѣлать*, *обдѣлывать*; *толкать*, *толкнуть*, *талкивать*, *оттолкать*, *оттолкнуть*, *отталкивать*.

О лицахъ, числахъ и родахъ въ глаголѣ распространяться нечего: родъ выражается только въ прошедшихъ временахъ; лице только въ формѣ настоящаго (слѣдственно и будущаго). Въ этомъ Русскій Языкъ уступаетъ древнимъ языкамъ и другимъ славянскимъ, въ которыхъ лице глагола выражается и въ прошедшемъ времени. Есть нѣкоторые глаголы, въ которыхъ не означается предметъ дѣйствующій, и существенное заключается въ самомъ дѣйствіи; напримѣръ: *свѣтаетъ*, *морозитъ*. Такіе глаголы называются *безличными*. Не имѣя подлежащаго, они не имѣютъ и предмета, на который бы дѣйствіе ихъ обращалось, и

всѣ относятся къ глаголамъ *среднимъ*, какъ сказано будетъ ниже.

Скажемъ теперь о *залогахъ*.

Глаголы бываютъ вообще *дѣйствительные*, которыми выражается дѣйствіе, переходящее на другой предметъ, *(я читаю* книгу, *я пишу* письмо*)*, и *средніе*, въ которыхъ дѣйствіе на другой предметъ не переходитъ: *я сплю, я зѣваю.* Послѣдніе бываютъ сверхъ того *начинательные*, которыми выражается начало дѣйствія: *краснѣю, желтѣю, пухнетъ.*

Когда дѣйствіе предмета обращается на него самого, то есть, когда онъ есть и подлежащее и предметъ дѣйствія (напримѣръ: *дѣвица смотритъ себя въ зеркалѣ)*, происходитъ новый глаголъ: *смотрится.* Здѣсь присовокупляется къ глаголу сокращенное мѣстоименіе *ся.* Эти глаголы называются *возвратными.* Когда выражается дѣйствіе двухъ лицъ, изъ которыхъ каждое есть и дѣйствующее подлежащее, и предметъ, на который дѣйствіе обращается, происходитъ глаголъ *взаимный: Французы дерутся съ Бедуинами; Бедуины дерутся съ Французами. Общими* глаголами называются глаголы сего окончанія, на *ся*, которые безъ этого слога не имѣютъ смысла: *боятся, смѣются.* Они имѣютъ значеніе дѣйствительныхъ и среднихъ.

Наконецъ есть еще глаголы *страдательные.* Въ нихъ предметъ, на который дѣйствіе обращено, полагается, какъ подлежащее, въ именительномъ падежѣ; напримѣръ, вмѣсто: «Цекропсъ *построилъ*

Аѳины,» говорятъ: «Аѳины *построены* Цекропсомъ.» Мы уже говорили, что въ страдательномъ глаголѣ причастіе и самостоятельный глаголъ выражаются отдѣльно, между тѣмъ какъ они слиты во всѣхъ прочихъ.

Въ слѣдующемъ Чтеніи будетъ изложенъ способъ выраженія сихъ свойствъ и особенностей глагола, т. е. спряженіе.

II.

Къ разряду лирическому должны мы отнести и всѣ тѣ небольшія стихотворенія, которыя извѣстны въ Словесности подъ именемъ стихотвореній легкихъ (poésies fugitives); они заключаютъ въ себѣ или выраженіе мимолетной мысли, возникшей въ душѣ поэта, или отзывъ чувства, или отраженіе какого либо внѣшняго впечатлѣнія. Эти стихотворенія, по содержанію своему, и преимущественно по наружной формѣ, принимаютъ различныя названія: небольшая ода содержанія легкаго, нѣжнаго, забавнаго, написанная короткими стихами, называется пѣснею; если въ содержаніи ея есть какой либо разсказъ, она именуется романсомъ; разсказъ собственно историческій получаетъ наименованіе баллады или думы; стихотвореніе въ четыре куплета, или четырнадцать стиховъ съ двумя риѳмами, составляетъ сонетъ, работу умовъ мелкихъ, занимавшую иногда и великихъ поэтовъ; выраженія унынія, грусти и безнадежности называются элегіею; небольшое насмѣшливое стихотвореніе, оканчивающееся колкостью, есть эпи-

грамма; заключающее въ себѣ похвалу, мадригалъ. Надпись, эпитафія и другіе роды мелкихъ стихотвореній принадлежатъ къ этому же разряду.

Наименованіе *легкихъ* дано стихотвореніямъ сего рода отнюдь не потому, чтобъ сочинять ихъ было легко! Все хорошее трудно: и большое и малое требуетъ силы ума и дарованія. Легкость ихъ состоитъ въ незначительности объема, и въ разнообразіи и незатѣйливости содержанія. Ода и гимнъ славятъ Бога, царей, великихъ людей, славныя событія въ исторіи, великія явленія въ природѣ. Пѣсня хвалитъ красоту, выражаетъ любовь, веселіе, унываніе. И ода и пѣсня суть собственно одно слово: греческое слово ᾠδή значитъ пѣснь; только первая означаетъ пѣснь возвышенную, послѣдняя обыкновенную. Здѣсь является обычай Русскаго Народа, изъ учтивости, отдавать преимущество иностранному: если два схожіе предмета называются у насъ словами подобозначащими, русскимъ и иностраннымъ, предметъ высшій, благороднѣйшій носитъ наименованіе чужое; меньшій, простѣйшій удерживаетъ русское: *театръ*, *комедія*, и *игрище*, *артистъ*, и *художникъ*, *дежурный*, и *дневальный*. Только *маляръ* уступаетъ *живописцу*.

О собственныхъ русскихъ пѣсняхъ мы уже говорили. Въ то же время отдавали мы преимущество народнымъ нашимъ пѣснямъ предъ искусственными, но въ семъ, послѣднемъ случаѣ должны мы сдѣлать различіе: пѣсня пѣснѣ рознь. Нерѣдко

случается, что пѣсня плохаго, даже нелѣпаго содержанія, благодаря пріятной или выразительной мелодіи, входитъ въ моду, становится извѣстною и употребительною въ обществѣ, не имѣя ни какого поэтическаго, ни литературнаго достоинства. Таковы тѣ пѣсни, о которыхъ мы упоминали въ пятомъ Чтеніи. Лѣтъ тридцать тому назадъ была въ большой модѣ преглупая пѣсня: *Пожалуйте, сударыня, сядьте со мной рядомъ.* Потомъ запѣли: *Чѣмъ тебя я огорчила*, и такъ далѣе. То же бываетъ и съ оперными аріями. Безсмертными тонами Моцарта облекаются нелѣпыя вирши Шиканедера. Италіянскія либретты извѣстны своею безтолковостью. Только въ новѣйшія времена начали стараться, чтобъ въ нихъ былъ какой нибудь смыслъ. Такая пѣсня исчезаетъ въ публикѣ, когда пройдетъ мода на ея мелодію, или когда она вытѣснится другою. Мы говоримъ здѣсь не объ этихъ пѣсняхъ.

Подъ именемъ пѣсни, какъ сказано выше, разумѣемъ мы небольшую оду содержанія легкаго, пріятнаго, унылаго и веселаго. Назначеніе ея есть пѣніе, но не всегда хорошая пѣсня находитъ достойнаго композиста, да она въ томъ и не имѣетъ надобности. Слогъ пѣсни долженъ быть легкій, свѣтскій, настоящаго времени. Вотъ почему пѣсни такъ скоро старѣются. Мы съ удовольствіемъ читаемъ оду Ломоносова, сатиру Кантемира: это дѣло общее, всегдашнее, но пѣсни того времени сдѣлались намъ нестерпимыми и смѣшными: это готическая прическа, пудра, румяны и мушки нашихъ бабу-

шекъ. Прекрасныя въ свое время пѣсни Нелединскаго, исполненныя ума и чувства, едва ли извѣстны кому изъ свѣтскихъ людей. Пѣсни Дмитріева счастливѣе: *Стонетъ сизый голубочекъ, Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ, Видѣлъ славный я дворецъ нашей матушки Царицы* — донынѣ извѣстны и любезны всѣмъ чтителямъ прекраснаго. Не такъ извѣстны публикѣ, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнны, нѣкоторыя пѣсни Державина; напримѣръ, написанная имъ на обрученіе Великаго Князя Александра Павловича и Великой Княжны Елисаветы Алексѣевны:

Амуру вздумалось Психею
Рѣзвяся поймать,
Опутаться цвѣтами съ нею
И узелъ завязать.
Прекрасна плѣнница краснѣетъ
И рвется отъ него,
А онъ какъ будто бы робѣетъ
Отъ случая сего.
Пріятность, Младость къ нимъ стремятся
И имъ помочь хотятъ,
Но узники не суетятся,
Какъ вкопаны стоятъ.
Ни крылышкомъ Амуръ не тронетъ
Психею, ни стрѣлой;
Психея не бѣжитъ, не стонетъ,
Свились, какъ листъ съ травой.
Такъ будь чета вѣкъ съединенна,
Согласіемъ дыша:
Та цѣпь тверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

На эту пѣсню Пашкевичъ написалъ прелестную, по тогдашнему, музыку, которая отзывается въ памяти любителей былаго времени. Еще очень хороша его Пчелка:

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая
Прочь не летишь,
Или ты любишь Лизу мою?
Соты ль душисты
Въ желтыхъ власахъ?
Розы ль огнисты
Въ алыхъ устахъ?
Сахаръ ли бѣлый грудь у нея?
Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мнѣ говоришь:
Къ меду прилипнувъ, съ нимъ и умру.

Во всѣхъ русскихъ дружескихъ бесѣдахъ живетъ прекрасная застольная пѣсня Державина:

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая, сребряная кружка!
Давно ужъ намъ въ тебя пора
Пивца налить и пить: ура, ура, ура!

Повѣрятъ ли, что этой пѣснѣ шестьдесятъ два года! Достойно замѣчанія, что громкая, выразительная къ ней музыка сочинена не великимъ или знаменитымъ композиторомъ, а придворнымъ гуслистомъ Трутовскимъ.

Жуковскій написалъ нѣсколько прелестныхъ пѣсень. Напримѣръ:

Счастливъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Въ наслажденье, какъ и прежде,
Кто на радость лишь глядитъ,
Кто ввѣряся надеждѣ,
Птичкой вслѣдъ за ней летитъ.

* * *

Такъ виляетъ по цвѣточкамъ
Златокрылый мотылекъ;
Лишь къ цвѣтку, прильнулъ къ листочкамъ,-
Полетѣлъ — забылъ цвѣтокъ;
Сорвана его лилея,
Онъ летитъ на анемонъ;
Что его, то и милѣе;
Грусть забвеньемъ лечитъ онъ.

* * *

Бѣденъ тотъ, кому забавы,
Игры, майскіе цвѣты,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтъ мечты
Не въ веселье — какъ и прежде.
Кто улыбку позабылъ,
Кто, прости сказавъ надеждѣ,
Взоръ ко гробу устремилъ.

* * *

Для души моей плѣненной
Здѣсь одинъ и былъ цвѣтокъ
Ароматный, несравненной.
Я сорвалъ.... но что же рокъ?

Не тебѣ имъ насладиться,
Не твоимъ ему доцвѣсть.
Ахъ, жестокій! чѣмъ же льститься?
Гдѣ подобный въ мірѣ есть?

Но врядъ ли это стихотвореніе можетъ назваться пѣснею: это чистая элегія, въ размѣрѣ пѣсни. Глубокое чувство унынія выразилось въ стихахъ прекрасныхъ, но не пѣсенныхъ. Пѣсня требуетъ легкости, простоты и безъискуственности, какого-то простодушія и просторѣчія. Требуетъ и единства чувства во всѣхъ строфахъ, а здѣсь, напримѣръ, первыя двѣ тономъ своимъ противоположны послѣднимъ. Въ Жуковскомъ слишкомъ много полнаго, искренняго чувства, для выраженія его такою пѣснею. Я прочиталъ всѣ его пѣсни со вниманіемъ, и во всѣхъ нашелъ то же. Это драгоцѣнные кристальные, слезопріемные сосуды древнихъ: пѣсню черпаютъ изъ живой воды ковшичкомъ.

Мерзляковъ написалъ нѣсколько пріятныхъ романсовъ. Изъ нихъ преимущественно врѣзался въ чувство читателей и слушателей: Велисарій, счастливо возобновленный нынѣ Г. Ободовскимъ въ прекрасномъ переводѣ трагедіи Шенка.

О пѣсняхъ Барона Дельвига мы упоминали: онѣ отличаются единствомъ и силою чувства, прелестною простотою стиховъ, необходимою ихъ стихіею. Предоставляю моимъ слушателямъ самимъ прочитать его пѣсню:

На яву и въ сладкомъ снѣ
Все мечтаетесь вы мнѣ,
Кудри, кудри шелковыя!

У Пушкина есть несравненныя пѣсни, въ его поэмахъ; одна въ Кавказскомъ Плѣнникѣ:

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное.
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ! во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой!

* * *

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ! утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой!

* * *

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы,
Веселый пляшетъ хороводъ:
Бѣгите, русскія дѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой!

Въ Полтавѣ:

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжитъ въ степи необозримой?

* * *

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ!

* * *

Какъ склю булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь конь ретивой
Бѣжитъ, размахивая гривой.

* * *

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ потѣха молодца,
Ретивый конь потѣха тоже,
Но шапка для него дороже.

* * *

За шапку онъ оставитъ радъ
Коня, червонцы и булатъ,
Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.

* * *

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Изъ содержанія, тона и расположенія бόльшей части приведенныхъ мною пѣсень, вы легко можете усмотрѣть, что онѣ едва ли могутъ называться собственными пѣснями. Это или разсказы, романсы, или элегіи, выраженіе чувства унылаго и грустнаго, изложенное пѣсенными стихами. Вообще нѣтъ еще, въ піитикѣ, наименованія тѣмъ мелкимъ стихотвореніямъ, которыми поэтъ выражаетъ мимолетную мысль и минутное чувство, въ которыхъ рисуетъ небольшую картинку, подобную тѣмъ, которыми украшается дружескій альбомъ. Одинъ называетъ это пѣснею, другой элегіею, третій просто стихами. Таковы заду-

шевныя, нездѣшнія стихотворенія Ѳ. Н. Глинки. Таковы творенія Бенедиктова, прекрасныя, свѣжія, разнообразныя. Таковы унылыя пѣснопѣнія слѣпца Козлова. Таковы произведенія Языкова, отличающіяся особенно чистымъ слогомъ, гладкостью и нѣжностью стиха. Таковы нѣкоторыя стихотворенія Хомякова. Таковы блещущіе искрами яркаго ума, стихи Князя Вяземскаго. Таковы многія произведенія несравненнаго, незабвеннаго, незамѣнимаго Пушкина. Что можетъ быть милѣе его мелкихъ стихотвореній, напримѣръ слѣдующаго:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя,
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя;
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

* * *

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

* * *

Выпьемъ, добрая подружка,
Бѣдной юности моей.
Выпьемъ съ горя: гдѣ же кружка?

Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

* *
*

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя,
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей!
Выпьемъ съ горя: гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

Прекраснѣйшая картина, прекраснѣйшее стихотвореніе, прекраснѣйшая музыка — тутъ все вмѣстѣ! И какъ повинуется ему языкъ! И какъ чисто картины ложатся одна подлѣ другой! Кажется, кончено: за этимъ будетъ стихъ праздный, пустой, для наполненія строфы, для соотвѣтствія риѳмѣ? Нѣтъ! тутъ ложится мысль или чувство или еще новый образъ. Живописецъ кончилъ пейзажъ: смотрите, есть еще въ углу просторъ, пустое мѣстечко: онъ бросаетъ туда новую фигуру, и это новая красота. Достойная вниманія судьба поэта! О чемъ бы мы ни заговорили, что бы ни начали разбирать, все приведемъ къ Пушкину; все окончимъ восклицаніемъ удивленія, и глубокимъ по немъ вздохомъ. Такъ, въ шумномъ, роскошномъ пиру, послѣ шипучаго аи, не вкусны, не пріятны ни какія вина, и въ это искрометное вино падаетъ горячая слеза воспоминанія о томъ,

что было, и чего уже нѣтъ! Въ Пушкинѣ сошли во гробъ богатыя надежды нашей поэзіи. Онъ угасъ въ то время, когда начиналъ чувствовать всю полноту своего генія, всю великость своего призванія. Скажемъ рѣшительно, что, по нашему мнѣнію, Пушкинъ великъ, оригиналенъ и неподражаемъ именно въ своихъ небольшихъ стихотвореніяхъ. Геній его не былъ постоянный огонь на жертвенникѣ музы, кроткій, ровный, благотворительный. Это вспышки волкана, мгновенныя, но яркія и сильныя. На большое стихотвореніе не ставало у него силъ. И въ Евгеніи Онѣгинѣ, и въ Русланѣ, и въ Борисѣ Годуновѣ видимъ только отдѣльныя прекрасныя мѣста, но цѣлаго въ нихъ нѣтъ. За то, въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя онъ писалъ, что называется, духомъ, за одинъ присѣстъ, является все величіе, вся гибкость, вся сила его самороднаго таланта.

Въ элегіяхъ, то есть въ выраженіи тоски душевной и стремленія въ міръ лучшій, пальма первенства принадлежитъ Жуковскому. Онъ началъ литературное свое поприще переводомъ Греевой элегіи Сельское Кладбище, и тогда уже показалъ, въ какомъ тонѣ настроена его лира. Если смѣлость, живость, отчетливость картинъ воображенія, нарисованныхъ свѣтлыми стихами, принадлежитъ Пушкину, истинное выраженіе возвышенныхъ помысловъ и искреннихъ чувствъ гармоническими стихами, какихъ дотолѣ въ Россіи не бывало, есть удѣлъ Жуковскаго. Во всѣхъ его твореніяхъ мелькаетъ мысль о другомъ, лучшемъ

мірѣ, въ который стремится душа человѣка, стѣсненная оковами земными. Одинъ критикъ, въ статьѣ, которая впрочемъ во многомъ противорѣчитъ нашимъ мнѣніямъ, замѣтилъ, что и для переводовъ своихъ онъ ищетъ этой мысли въ иностранныхъ писателяхъ, и старается ее выразить. Еще справедливо замѣчаніе этого критика, что Жуковскій первый познакомилъ насъ съ духомъ и направленіемъ поэзіи германской и англійской: дотолѣ господствовала у насъ исключительно литература французская. Но какъ подражалъ Жуковскій? Какъ подражаетъ поэтъ геніальный и самородный: онъ творилъ, переводя и подражая. Если кто умѣетъ трогать сердце наше, проникать въ самую глубину души, это Жуковскій. Прочитавъ иного поэта, скажешь: хорошо! прекрасно! несравненно!—Закрывая книгу Жуковскаго, чувствую: я сталъ лучше, ближе къ тому, что должно быть цѣлію всѣхъ нашихъ мыслей и дѣйствій, ближе къ иному, прекраснѣйшему міру. Найдите въ нашихъ стихотворцахъ что либо подобное окончанію Отчета о лунѣ!

Кто жъ изъяснитъ намъ, что она,
Сія волшебная луна,
Другъ нашей ночи неизмѣнный?
Не островъ ли она блаженный,
И не гостинница ль земли,
Гдѣ, навсегда простясь съ землею,
Душа слетается съ душою,
Чтобъ повидаться издали
Съ покинутой, но все любимой

Ихъ прежней жизни сторовой?
Какъ съ прага хижины родимой,
Надъ брошенной своей клюкой,
Съ утѣхой странникъ отдохнувшій
Глядитъ на путь, уже минувшій,
И думаетъ: тамъ я страдалъ,
Тамъ былъ унылъ, тамъ ободрялся;
Тамъ, утомленный, отдыхалъ,
И съ новой силою сбирался.
Такъ наши, можетъ быть, друзья,
(Въ обѣтованное селенье
Переведенная семья)
Воспоминаній утѣшенье
Вкушаютъ, глядя изъ луны
Въ предѣлы здѣшней стороны.
Здѣсь и для нихъ была когда-то
Прелестна жизнь, какъ и для насъ;
И ихъ манилъ надежды гласъ,
И ихъ испытывала тратой
Тогда имъ тайная рука
Разгаданнаго Провидѣнья.
Здѣсь всѣ ихъ прежнія волненья,
Чѣмъ жизнь прискорбна и сладка,
Любви счастливой упоенье
Любви отверженной тоска,
Надежды смѣлость, трепетъ страха,
Высокихъ замысловъ мечта,
Великость, слава, красота.....
Все стало бѣдной горстью праха!
И прежнихъ темныхъ, ясныхъ лѣтъ —
Одинъ для нихъ примѣтный слѣдъ
Тотъ уголокъ, въ которомъ гдѣ-то,
Подъ легкимъ дерномъ гробовымъ

Спитъ сердце, никогда земнымъ
Тревожнымъ пламенемъ согрѣто.
Да можетъ быть, въ краю иномъ
Еще любовью незабытой
Ихъ бытіе и нынѣ слито,
Какъ прежде, съ нашимъ бытіемъ;
И нынѣ съ милыми родными
Они бесѣдуютъ душой,
И знавшись съ тратами земными,
Дѣля ихъ, не смущаясь ими,
Подчасъ утѣхой неземной
На сердце тихо налетаютъ,
И сердцу тихо возвращаютъ
Надежду, вѣру и покой!

Вотъ истинная элегія, вылившаяся изъ глубины души, и находящая себѣ созвучіе и отголосокъ во всякой душѣ, способной постигать великое и священное въ жизни и безсмертіи! Если бъ Жуковскій не написалъ ничего кромѣ этихъ строкъ, онъ имѣлъ бы право на первое мѣсто въ ряду нашихъ поэтовъ. Могутъ ли назваться элегіями тѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ тоскуетъ о потерянныхъ лѣтахъ юности, о выпитомъ винѣ, о протекшихъ ночахъ буйнаго веселья! И эти творенія, выраженныя хорошими стихами, имѣютъ свою прелесть, свое достоинство — въ холодной теоріи, которая оцѣниваетъ стихотворенія, какъ на продажѣ съ публичнаго торгу. Но человѣкъ съ умомъ, сердцемъ и душею, не задумавшись отдастъ пальму первенства элегіи, которая возвышаетъ его въ свѣтлыя полости духовнаго міра, надъ туманами земныхъ страстей и вожделѣній.

Пользуемся симъ случаемъ, чтобъ сказать еще нѣсколько словъ о Жуковскомъ. Приведенный нами критикъ утверждаетъ, будто Жуковскій, переводя германскихъ поэтовъ, не постигалъ ни Шиллера, ни Гёте? Кто жъ постигаетъ его? Неужели наши желчные журналисты съ мутнымъ взглядомъ и съ умомъ на акціяхъ, которые воображаютъ себѣ, что понимаютъ по-нѣмецки, потому только, что дурно пишутъ по-русски? Никто изъ русскихъ писателей не смѣлъ, до Жуковскаго, приняться за переводъ германскихъ классиковъ. Жуковскій совершилъ неимовѣрный подвигъ переводомъ Дѣвы Орлеанской. Вслѣдъ за нимъ стали переводить и Шиллера и Шекспира. Понималъ ли онъ Гёте? Свидѣтельствомъ тому могутъ служить его переводы. Прочитаю переводъ одного стихотворенія Гёте, переводъ близкій, прекрасный, образцовый. Надѣюсь, что вы не взыщете съ меня за излишнее чтеніе хорошихъ стиховъ: ей, ей, самъ я не въ состояніи придумать ничего лучше, и приводимыя мною доказательства моихъ сужденій, конечно, составляютъ лучшую часть того, что я читаю.

Путешественникъ и Поселянка.

Пут. Благослови, Господь,
Тебя, младая мать,
И тихаго младенца,
Приникшаго къ груди твоей!
Здѣсь, подъ скалою,
Въ тѣни оливъ твоихъ пріютныхъ,

Сложивши ношу, отдохну
От зноя близъ тебя.

Пос. Скажи мнѣ, странникъ,
Куда въ палящій зной
Ты пыльною идешь дорогой?
Товары ль городскіе
Разносишь по селеньямъ?
Ты улыбнулся, странникъ,
На мой вопросъ.

Пут. Товаровъ нѣтъ со мной.
Но вечеръ холодѣетъ.
Скажи мнѣ, поселянка,
Гдѣ тотъ ручей,
Въ которомъ жажду утоляешь?

Пос. Взойди на верхъ горы;
Въ кустарникѣ, тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
Въ которой я живу.
Тамъ близко и студеный ключъ,
Въ которомъ жажду утоляю.

Пут. Слѣды создательной руки,
Въ кустахъ передо мною!
Не ты сіи образовала камни,
Обильно-щедрая природа!

Пос. Иди впередъ.

Пут. Покрытый мохомъ архитравъ?
Я узнаю тебя, творящій геній:
Твоя печать на этихъ мшистыхъ камняхъ!

Пос. Все далѣ, странникъ.

Пут. И надпись подъ моей ногою;
Ее затерло время.
Ты удалилось,
Глубоко-врѣзанное слово,

Рукой творца немому камню
Напрасно ввѣренный свидѣтель
Минувшаго богопочтенья.
Пос. Дивишься, странникъ,
Ты этимъ камнямъ?
Подобныхъ много
Близъ хижины моей.
Пут. Гдѣ? гдѣ?
Пос. Тамъ, на вершинѣ,
Въ кустахъ.
Пут. Что вижу? Музы и хариты!
Пос. То хижина моя.
Пут. Обломки храма.
Пос. Вблизи бѣжитъ
И ключь студеный,
Въ которомъ жажду утоляю.
Пут. Не умирая, вѣешь
Ты надъ своей могилой,
О генiй! Надъ тобою
Обрушилось во прахъ
Твое прекрасное созданье....
А ты безсмертенъ!
Пос. Помедли, странникъ, я подамъ
Сосудъ, напиться изъ ручья.
Пут. И плющъ обвѣсилъ
Твой ликъ, божественно-прекрасный.
Какъ величаво
Надъ этой грудою обломковъ
Возносится чета столбовъ!
А здѣсь ихъ одинокiй братъ.
О какъ они —
Въ печальный мохъ одѣвъ главы священны —
Скорбя величественно, смотрятъ

На раздробленныхъ
У ногъ ихъ братій!
Въ тѣни шиповниковъ зеленыхъ,
Подъ камнями, подъ прахомъ
Лежатъ они, и вѣтеръ
Травой надъ ними шевелитъ.
Какъ мало дорожишь, природа,
Ты лучшаго созданья своего
Прекраснѣйшимъ созданьемъ!
Сама святилище свое
Безчувственно ты раздробила,
И тернъ посѣяла на немъ.

Пос. Какъ спитъ младенецъ мой!
Войдешь ли, странникъ,
Ты въ хижину мою,
Иль здѣсь на волѣ отдохнешь?
Прохладно, подержи дитя;
А я сосудъ водой наполню.
Спи, мой малютка, спи!

Пут. Прекрасенъ твой покой.....
Какъ тихо дышитъ онъ,
Исполненный небеснаго здоровья!
Ты, на святыхъ остаткахъ
Минувшаго рожденный,
О будь съ тобой его великій геній!
Кого присвоитъ онъ,
Тотъ въ сладкомъ чувствѣ бытія
Земную жизнь вкушаетъ.
Цвѣти жъ надеждой,
Весенній цвѣтъ прекрасный!
Когда же отцвѣтешь,
Созрѣй на солнцѣ благодатномъ,
И дай богатый плодъ.

Пос. Услышь тебя, Господь!.... А онъ все спитъ.
Вотъ, странникъ, чистая вода
И хлѣбъ, даръ скудный, но отъ сердца.
Пут. Благодарю тебя [illegible]
Какъ все цвѣтетъ кругомъ
И живо зеленѣетъ!
Пос. Мой мужъ прійдетъ
Черезъ минуту съ поля
Домой. Останься, странникъ,
И ужинъ съ нами раздѣли.
Пут. Жилище ваше здѣсь?
Пос Здѣсь, близко этихъ стѣнъ,
Отецъ намъ хижину построилъ
Изъ кирпичей и каменныхъ обломковъ.
Мы въ ней и поселились.
Меня за пахаря онъ выдалъ,
И умеръ на рукахъ у насъ....
Проснулся ты, мое дитя?
Какъ веселъ онъ! какъ онъ играетъ!
О милый!
Пут. О вѣчный сѣятель, природа,
Даруешь всѣмъ ты сладостную жизнь!
Всѣхъ чадъ своихъ, любя, ты надѣлила
Наслѣдствомъ хижинки пріютной.
Высоко на карнизѣ храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилаетъ,
Лѣпя свое гнѣздо.
Червякъ, наткавъ живую вѣтку,
Готовитъ зимнее жилище
Своей семьѣ.
А ты, среди великихъ
Минувшаго развалинъ

Для нуждъ своихъ житейскихъ,
Шалашъ свой ставишь, человѣкъ,
И счастливъ надъ гробами!
Прости, младая поселянка!
Пос. Уходишь, странникъ?
Пут. Да Богъ благословитъ
Тебя и твоего младенца!
Пос. Прости же, добрый путь!
Пут. Скажи, куда ведетъ
Дорога этою горою?
Пос. Дорога эта въ Кумы.
Пут. Далекъ ли путь?
Пос. Три добрыхъ мили.
Пут. Прости!
О, будь моимъ вождемъ, природа!
Направь мой странническій путь!
Здѣсь надъ гробами
Священной древности скитаюсь.
Дай мнѣ найти пріютъ,
Отъ хладовъ сѣвера закрытый,
Чтобъ зной полдневный
Тополевая роща
Веселой сѣнью отвѣвала.
Когда жъ въ вечерній часъ
Усталый возвращусь
Подъ кровъ домашній,
Лучемъ заката позлащенный:
Чтобъ на порогъ моихъ дверей
Ко мнѣ навстрѣчу вышла
Подобно милая подруга
Съ младенцемъ на рукахъ.

Всякъ, кто знаетъ подлинникъ этого стихотворенія, да и тотъ, кто его не знаетъ, согласится,

что надлежало имѣть полное понятіе о поэтѣ, надлежало въ совершенствѣ его чувствовать и съ нимъ сродниться, чтобъ передать его такъ, какъ передалъ его Жуковскій! Ахъ, если бъ всѣ у насъ такъ же понимали, что они дѣлаютъ!

Другой элегическій писатель у насъ Батюшковъ. У него нѣтъ того глубокаго, задушевнаго чувства, которымъ напитаны всѣ творенія Жуковскаго, но и его стихи преисполнены красотъ неподдѣльныхъ. Въ нихъ болѣе разнообразія, болѣе картинъ природы, нежели изображенія чувствъ сердечныхъ. Жуковскій въ своихъ стихахъ напоминаетъ намъ мечтательную, туманную Германію; Батюшковъ нѣжитъ воображеніе, часто перенося его въ цвѣтущую, украшенную всѣми дарами природы Италію, заимствуя краски у поэтовъ, разцвѣтшихъ подъ свѣтлымъ небомъ Авзоніи. Умирающій Тассъ, Переходъ черезъ Рейнъ, Развалины замка въ Швеціи, остались у насъ памятниками его неподдѣльнаго, самороднаго дарованія. Въ одномъ изъ первыхъ моихъ Чтеній, привелъ я прекрасное его стихотвореніе, написанное въ формѣ посланія. Можетъ быть, что нѣкоторыя произведенія поэтовъ, жившихъ и писавшихъ за четверть вѣка предъ симъ, кажутся теперь несвѣжими, будто устарѣвшими, будто затерянными въ громадѣ произведеній новыхъ. Это происходитъ оттого, что легкая фактура стиховъ Пушкина далась нѣкоторымъ нынѣшнимъ стихотворцамъ: они безъ труда нижутъ

элегіи, посланія, думы, романсы, и т. п. Такъ сладко начинается, такъ легко читается, такъ мило и неожиданно оканчивается, но поразберите: нѣтъ ни мысли, ни чувства; это не жемчужина, созданная въ глубинѣ морской, а ломкія бусы, капающія сотнями, отъ огня искусственнаго, изъ поддѣльнаго вещества. Одинъ замысловатый журналистъ прекрасно характеризировалъ нынѣшнихъ питомцевъ Аполлона: «Нынѣ число стихотворцевъ сдѣлалось у насъ чрезвычайно велико, но стала ли поэзія наша выше? Ни мало. Пушкинъ умеръ, и съ нимъ заснула она до новаго Пушкина. Вообще стихъ у насъ весьма легкій: даже мальчики и дѣвочки слагаютъ его очень мило, но поэзіи въ немъ не бывало, и толпа поэтовъ представляетъ самую пеструю рать стиховъ безъ поэзіи. У насъ есть еще піиты, остатки карамзинскаго вѣка, хоть ихъ ужъ очень мало, такъ какъ мало и бывшихъ ихъ противниковъ, поэтовъ фактуры ломоносовской. Другіе, стихами языковскими, пишутъ сущій вздоръ; третьи цѣпляются за поэмы въ родѣ Пушкина и Баратынскаго; иные подражаютъ неудачной русской сказкѣ Пушкина; пятые распѣваютъ уныло, на маперъ Жуковскаго. Наконецъ чтеніе Виктора Гюго и другихъ современныхъ французскихъ поэтовъ породило у насъ, въ нѣкоторыхъ, желаніе щеголять уродливостію фигуръ, метафоръ и словъ. Но ни одно великое твореніе, ни одинъ огромный трудъ, ни одна даже свѣтлая, новая идея не отражаются нынѣ въ нашей поэзіи. Ничего нѣтъ легче нынѣ, какъ писать стихи и сдѣ-

латься поэтомъ, и ничего нѣтъ отдаленнѣе отъ поэзіи всѣхъ современныхъ намъ стиховъ и поэтовъ. Мимоходомъ замѣчу забавную нынѣшнюю моду. Юноши, и даже мальчики, начиная пописывать стишки, напишутъ піеску, другую, третью. Мыслей нѣтъ, языка они не знаютъ. Что за бѣда? Пишутъ! Обыкновенно мечта, слеза, былое, трубка табаку, дѣва и восторги любви и сладострастія, иногда звѣздочка, море, гора, Италія бываютъ предметомъ вдохновенія, и непремѣнно надобны притомъ грусть, разочарованіе, фіалъ и могила. Поэтъ печатаетъ помаленьку свои піески въ журналахъ, въ альманахахъ, и — вотъ онъ съ литературнымъ именемъ. Тутъ разыгрывается великій актъ поэтической жизни: поэтъ сшиваетъ свои піески въ тетрадку, печатаетъ ихъ, обыкновенно называетъ книжку: Стихотворенія такого-то. Книжка разсылается къ журналистамъ. Иной скажетъ о ней правду, и дѣлается врагомъ поэта; другой, изъ жалости или по духу противорѣчія, похвалитъ — и поэтъ становится въ его ряды, печатаетъ у него свои стихи. Книжка между тѣмъ, объявленная (обыкновенно) по пяти рублей, сбывается по полтинѣ — куда нибудь. Такая смѣшная кукольная комедія разыгрывается у насъ предъ глазами безпрестанно. И это поэзія*?»

Картина забавная, карикатурная, но ни мало не преувеличенная. Легіоны поэтовъ раздѣляли ме-

---

* *Сынъ Отечества*, 1840, кн. 2, стр. 432.

жду собою по грошамъ капиталъ, назначенный одному или двумъ, и, какъ безденежные американскіе банки, выпускаютъ свои ассигнаціи, не боясь банкрутства: терять имъ нечего. Но этимъ множествомъ безмысленныхъ и безграмотныхъ стиховъ загромождена вся храмина поэзіи; самородное золото истинныхъ поэтовъ затерялось въ лоскутьяхъ подражателей, и прежде времени покрылось пылью старины и забвенія. Ждемъ терпѣливо, чтобъ изъ этихъ рекрутскихъ депо возникъ новый Наполеонъ поэзіи, предалъ огню громады бумажныя, и изъ пепла ихъ поднялся фениксомъ въ область величія и безсмертія. Вотъ почему я охотнѣе говорю о тѣхъ поэтахъ, которые уже перестали или перестаютъ жить, нежели о нынѣшнихъ. Трудно сказать свое искреннее мнѣніе, безпристрастное и справедливое, о томъ, что въ сію минуту засверкало у насъ предъ глазами: что это, зарница молніи или зарево пожара? свѣтъ ли изъ поэтической хижины или изъ фонаря прозаическаго будочника? Взглянемъ на небо: тамъ сверкаютъ звѣзды, современныя міру.

Но мы слишкомъ уклонились отъ своего предмета. Воротимся къ Батюшкову, и припомнимъ при семъ случаѣ о его образцовыхъ переводахъ нѣкоторыхъ эпиграммъ Греческой Антологіи. Такъ именовались у Грековъ собранія небольшихъ стихотвореній, дошедшія и до насъ. Стихотворенія эти назывались эпиграммами, или надписями, но не въ смыслѣ замысловатаго и колкаго стихотворенія, какъ нынѣ: эпиграммами назывались

стихотворенія элегическаго размѣра; предметомъ ихъ были размышленіе или воспоминаніе, обыкновенно грустное, о наслажденіяхъ любви и дружбы, при взглядѣ на древнюю развалину, на могилу друга, на колыбель младенца, и тому подобное. Многіе новѣйшіе поэты трудились надъ переводомъ этихъ разнообразныхъ вдохновеній. У насъ первый отважился на это Батюшковъ, и его опыты увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Приведемъ два изъ нихъ:

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей.
Помедлите, вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится, пролейте на нее
Все благовоніе свое
И локоны ея слезами напитайте:
Пусть остановится въ раздумьѣ и вздохнетъ.
А вы, цвѣтки, благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

Вотъ еще одна, въ другомъ родѣ:

Яворъ къ прохожему.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда давалъ ему отраду тѣнь;
Завялъ, но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

Нынѣшній характеръ эпиграммы, какъ стихотворенія насмѣшливаго и колкаго, сообщенъ ей поэтами латинскими. Марціалъ и Катуллъ оставили множество эпиграммъ, которыя драгоцѣнны намъ особенно потому, что представляютъ отпечатокъ и характеръ домашней жизни и обычаевъ Римлянъ во времена первыхъ ихъ императоровъ: безъ эпиграммъ, эти подробности были бы для насъ совершенно потеряны. — Изъ новыхъ отличаются эпиграммами Французы, самый остроумный изъ современныхъ намъ народовъ. Въ свѣтѣ не случается происшествія, великаго или малаго, печальнаго или забавнаго, на которое во Франціи, если только оно возбудило общее вниманіе, не скропали бы эпиграммы. Монтескье говоритъ въ своихъ Персидскихъ Письмахъ: «Изо всѣхъ видѣнныхъ нами писателей (слова пріѣзжаго во Францію Персіянина), самые опасные тѣ, которые острятъ эпиграммы: этими маленькими сатирами наносятся глубокія и неисцѣлимыя раны.»

Эпиграмма нерѣдко принимаетъ наружную форму пѣсни, разговора, надгробія, даже басни; острымъ словцомъ оканчиваются всѣ водевили. Не должно думать, чтобъ одна острота, соединенная съ краткостью, составляла отличіе и достоинство эпиграммы. Нѣтъ! она должна имѣть еще простодушіе, съ какимъ, будто невзначай, высказываетъ истины горькія и язвительныя. Грубая злоба, колкая насмѣшка надъ слабостью невиннаго, болѣе всего несправедливое оскорбленіе извѣстнаго лица, вредятъ эпиграммѣ, и лишаютъ ее характера поэти-

ческаго. Достойно замѣчанія, что многіе писатели, впрочемъ остроумные и язвительные, не имѣли успѣха въ эпиграммахъ. Такъ, напримѣръ, Вольтеръ, не написалъ ни одной образцовой эпиграммы, а Жанъ-Батистъ Руссо, лирикъ по превосходству, оставилъ много эпиграммъ прекрасныхъ. Въ Германіи лучшія эпиграммы написаны Кестнеромъ, который былъ профессоромъ математики въ Геттингенѣ. Отчего же Вольтеру и другимъ записнымъ острякамъ не удавался этотъ родъ поэзіи? Думаю оттого, что эти писатели слишкомъ увлекались дѣйствительнымъ негодованіемъ или минутною досадою, а это худые совѣтники во всемъ, и въ самой поэзіи. На Русскомъ Языкѣ лучшія эпиграммы написаны Дмитріевымъ, Крыловымъ, Милоновымъ и Княземъ Вяземскимъ. У насъ есть цѣлая цѣпь эпиграммъ, въ стихотвореніи Сумасшедшій Домъ, покойнаго Воейкова, который разсадилъ въ немъ и враговъ и друзей своихъ, по нумерамъ, и надъ каждымъ сдѣлалъ надпись: нѣкоторыя изъ нихъ очень остроумны. Разумѣется, что друзья пристроили каморку и для самого автора.

Считаю излишнимъ распространяться о другихъ мелкихъ стихотвореніяхъ. Скажу только, что у насъ есть превосходныя произведенія въ этомъ родѣ. Такъ никогда не умретъ въ Русскомъ Языкѣ прекрасная надпись къ портрету Императора Александра Павловича, сочиненная Княземъ Вяземскимъ:

Мужъ твердый въ опытахъ, и скромный побѣдитель!
Какой вѣнецъ ему, какой ему алтарь!

Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель.
Россія! имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой Царь!

Лирическая поэзія сливается съ эпическою посредствомъ баллады, а кантатою переходитъ въ драматическую. Этою последнею и исторіею ея въ Россіи займемся мы въ следующемъ нашемъ Чтеніи, а здѣсь сдѣлаемъ замѣчаніе обо всей нашей литературѣ. Многіе наши критики и исторіографы литературы жалуются на бѣдность словесности нашей въ сравненіи съ иностранными. Дѣйствительно, въ чужихъ краяхъ выходитъ гораздо больше книгъ, чѣмъ у насъ, и онѣ сравнительно гораздо лучше многихъ изъ нашихъ. Но слѣдуетъ ли заключать изъ того о бѣдности литературы нашей вообще? — Нѣтъ! она имѣетъ драгоцѣнныя, собственныя свои сокровища, въ которыхъ всякій любитель прекраснаго и благороднаго можетъ найти удовлетвореніе своему вкусу и любви къ чтенію. У насъ есть Ломоносовъ, четыре тома твореній Державина, три тома Дмитріева, двадцать томовъ Карамзина, восемь томовъ Жуковскаго, два тома Батюшкова, восемь томовъ Пушкина, двѣнадцать томовъ Марлинскаго; у насъ есть басни Хемницера, Дмитріева, Крылова; у насъ есть трагедіи Озерова, комедіи фонъ-Визина, Грибоѣдова; есть романы Булгарина, Загоскина, Вельтмана, Лажечникова; есть драматическіе опыты молодыхъ поэтовъ, достойные всего нашего уваженія; словомъ, довольно пищи уму и сердцу русскаго читателя. Мало для того ненасытнаго чтеца, который глотаетъ книги, какъ гастрономъ

глотаетъ устрицы сотнями, и только спрашиваетъ: нѣтъ ли свѣжихъ? Для истиннаго же любителя словесности, который не только читаетъ, но и перечитываетъ, для котораго чтеніе есть не мимолетная забава и пустое препровожденіе времени, а занятіе души и чувства, въ отечественной нашей словесности много хорошаго, возвышеннаго, образцоваго, и это постараюсь я доказать на дѣлѣ въ слѣдующихъ моихъ Чтеніяхъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Первое Чтеніе.

Второе Чтеніе.

Третье Чтеніе.

Шестое Чтеніе.

I.

II.

Седьмое Чтеніе.

I.

II.

